СИБИРЬ

4 90

Архиепископ Хризостом

Жена, которую
Ты мне дал

Русские за рубежом

Допрос А. В. Колчака

ISBN 5-7424-0307-0

СИБИРЬ 4'90

Литературно-художественный и
общественно-политический двухмесячник
Орган Иркутской и Читинской
писательских организаций РСФСР

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство

ISSN 0132—6740

Николай Нагорнов

СУПЕРСТЕНА*

29 апр. 1981 СР 13.37 — зеленое электровремя за стеклянной дверью. Беззвучные движения губ, быстрые, летящие жесты, калейдоскопические переливы взглядов. Выходишь из аудитории.

— Малыш? Как же ты... Где ты пропадал? Я думала, ты никогда больше не появишься. Что же ты, злодей?! Я так ждала тебя...

— Мы просто разминулись в толпе.

«Вот — эта сила твоя, это чувство твое, эта энергия твоя... Не могу отвести от тебя взгляд. Не могу отойти от тебя. Не могу отвернуться от тебя. Не могу отпустить руку твою.

И какая же радость в тебе, господи... Да, ты страдала без меня, ты ждала — чувствую это без слов, без слов — и вчера вечером, и сегодня... Я тебя уже заставил страдать... Уже...»

Смотрим друг другу в глаза и шатко бредем куда-то, словно пьяные, натыкаясь на всех вокруг.

И не стоит ли такая безумная минута всех лет одинокой свободы?!

— Куда же мы идем? Что мы будем делать? Может быть, ты снова прогуляешь хотя бы одну пару?

— Искуситель... Да уж придется. Убьет меня доцент... А, ладно! Гори все синим пламенем! Чего не сделаешь ради тебя, такого странного и непонятного?

— Скорее, ты странная и непонятная... Почему ты всегда всему рада?

* Окончание. Начало см. «Сибирь» № 2, 3 1990 г.

— В который раз ты у меня это спрашиваешь? Я ведь говорила тебе — потому что всех люблю. А сейчас ты и сам радуешься.

— Я рад тому, что тебя вижу.

— И я — тоже.

«Да... Тайна Сальери... Как ты говорила вчера? «Ему оттого вся жизнь казалась абсурдом, что он никого не любил, и его никто не любил?» Вот тут и ключ ко всем тайнам, быть может... Кто когда меня любил? Никто и никогда... А я? Бабушку? Вроде бы, да. Истомину? Но чем кончилось? Кого же?

Это твоя удивительная доверительность — в голосе, во взгляде, в пожатии руки... Никто никогда не относился так ко мне. Истомина — как-то сверху вниз, как, впрочем, и Элен. Да это и не могло, наверное, быть иначе... Зосимова — снизу вверх... Все остальные — я для них был лишь рыцарем на час, и не более. А ты... Будто ты уже заранее знаешь каждое движение души моей, каждое мое слово, каждый жест...»

Проходим фойе со стеклянными дверями, спускаемся по исполинским гранитным ступеням. Безлюдный бульвар расстилается перед нами. Автопотоки справа налево, слева направо.

— Я обещал тебе вчера рассказать, отчего я стал таким циником. Так вот, слушай. Все началось с того, что три года назад...

Ты идешь молча под руку со мной, смотришь в землю. Курю сигарету за

сигаретой, и слова льются и льются из меня. Позапрошлогодний март мой вырисовывается перед внутренним взором твоим. Улыбка твоя блистающая, вечная, точно прирожденная, впервые разгладилась. Видны две морщинки над уголками губ — в твои семнадцать. От постоянных улыбок и смеха? Что же со мной? Какая-то волна захлестнула и несет...

Но сейчас не скажу тебе ни слова о моей «корпорации», о Зосимовой, об Элен, обо всем том, что было три дня назад. Может быть, потом когда-нибудь... Как же из этой мертвой петли выйти? Хоть молись Богу вашему, бабушка и Шеф, которому я вызов бросил три дня назад.

— ...вот из-за этого всего я и стал таким циником. И не могу не быть им. Вспомни Пушкина — «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Тебе, очевидно, это непонятно и бесконечно чуждо...

Сидим у входа в какой-то институт. Безлюдье. Два огромных камня перед ступенями. Голубые ели словно припорошены снегом. Небо светлеет. Тучи расходятся.

— Ты забыл правила всех старинных игр, Малыш, — шестерка бьет туза, пешка становится ферзем и ставит мат королю.

— Мне всегда казались странными эти правила... Более чем странными... Где же выход? Стать шестеркой и пешкой? Или — посередине, между шестеркой и тузом? В этой середине что-то уже бесконечно прошлое...

— Ты слишком гордый. Оттого и страдаешь.

— А что это значит — слишком? Будто можно быть в меру гордым..

— Быть в меру гордым — уважать себя. Но и других тоже.

— Чтобы тем приятнее было бы всякому подлецу тебя унизить?

— Разве ты не способен защитить свою честь? И честь своей дамы? И разве обязательно возносить себя при этом над всем миром? Ведь ты сам от этого страдаешь больше всего. Именно от этого, Малыш.

— Ты — ясновидящая. Шеф попал в десятку. Ты разгадала главную мою тайну: Сальери был бесконечно завистлив, я — бесконечно горд. И ничего с этим не поделать...

И вторую мою тайну ты разгадала еще вчера — в которой и сам себе не смог бы сразу признаться... Да, я никогда никого не любил, и меня никто никогда не любил. И это слова Шефа о любви ко всем людям — неспроста это... Словно ты с ним заодно, словно вы в сговоре... Этим-то вы и похожи друг на друга, этим вы и противоположны мне.

— Что же ты молчишь, Малыш?

— То же самое мне и Шеф говорит — что все мои беды от гордости. Я и не спорю. Но чтобы перестать быть гордым, надо смириться. А это значит — сказать самому себе: «Я — ноль! Я — никто и ничто. И цена мне — грош». Но я не могу сказать это себе, потому что это не так. Ведь во мне столько сил, что я мог бы всю Землю перевернуть. Значит, не ноль же я? Но мне некуда приложить все эти свои силы. В искусство? Оно никого не облагораживает и не возвышает. Элен и Истомина тому пример. Наука — это термоядерное оружие, в этом ее последнее слово. Религия тоже никого не спасает и не может спасти — иначе моя мать не умирала бы в таких адских муках. Политика — это мой доблестный отец с доносами и войной за великого Мао. Философия вообще исчезла с лица земли — Сартр и Камю тысячи страниц исписали доказательствами, что жизнь есть стопроцентный абсурд. Так это я и без них знаю. Или Фрейд Америку открыл — человек есть дерущееся животное. Будто без него это непонятно... Так что мне тут думать? Что я — ноль, а мир прекрасен? Или наоборот?

— Слушай, мне кажется, ты жизнь видишь словно через какую-то трубу, длинную и узкую. И все тебе видится каким-то мелким и далеким. И никак друг с другом не связанным. И вот наводишь ты свою трубу на что-нибудь, смотришь и думаешь: «Это мне нравится, это не нравится. Это — черное, это — белое. Это — цветок. Он называется тюльпан. Он состоит из бутона, стебля, листьев. Он красного цвета. Он растет вертикально. У него четыре лепестка. Он полезен. Или бесполезен. Он имеет смысл. Или не имеет смысла». В компьютерах есть такие штуки — идентификаторы. Ес-

ли ты так видишь мир, то это ужасно...

«И еще одну тайну ты раскрыла... Да, именно так: «Это мне нужно. Это не нужно. А раз не нужно, то его и не существует». Да, словно киберблок у меня в душе стоял все эти два года. И киберинерция эта до сих пор во мне. И может быть, навсегда...

Ты видишь меня насквозь. Скоро ты прочтешь в моей душе Зосимову, ее поклонника, Элен, Кэт, «корпорацию»...

— Ой, Малыш, мы опаздываем! Сейчас третья пара начнется — программирование. Мне его пропускать никак нельзя. Пойдем.

— Пойдем... Послушай, но ведь ни один человек не может же вообще не задумываться о жизни...

— Ты говоришь, что вся жизнь для тебя — абсурд. Но вот зачем-то познакомился же ты со мной. И сегодня снова приехал. Раз я для тебя не абсурд, так, может быть, и вся жизнь не совсем абсурд? И вообще, бросай свой иняз, переходи к нам на кибернетику. Ты станешь величайшим гением машинной логики.

Бульвар проплыл мимо нас. Стеклянная дверь. Зеленое электровремя. Беспредельное фойе. Километровые коридоры. Вот и твоя аудитория...

— А сейчас я тебя поцелую...

— Ты с ума сошел. Не здесь же... Давай спустимся вот туда, в подвал...

Ступени ведут нас вниз под лучами тусклой лампочки. Глядишь на меня не то насмешливо, не то укоризненно. Лицо твое близко, совсем близко. Каждая ресничка твоя видна. Два Орлова нависают, отражаясь в больших серых глазах. Жадно ловлю твои губы, запрокидываешь голову...

— Малыш, что же ты делаешь со мной... Что ты делаешь...

Звуки, ароматы, прикосновения, цвета и тени — все смешивается, переплетается, закручивается в звуковороте, в цветовороте... Вот уже и не понять, где — я, где — ты... Сила тайная кидает в резкий вираж, земля запрокидывается в сумасшедшем вращении, уменьшаясь, сжимаясь до точки...

Но вихрь вдруг слабеет, рассеивается,
уносится...

Ты уже в аудитории своей.

Остаюсь один, равный лишь самому
себе.

Я=Я.

Вот вся теорема. И это навсегда.
Навсегда.

До зубовного скрежета, до судорог нестерпимо уже быть лишь самим собой! Быть везде, всегда... В былые времена каторжников приковывали к пушечному ядру, и они влачили его за собой. Вот и я... Влачу вечно за собой свою лишь память, свои страсти, свои мысли, влачу на себе гигантский компьютер внутри черепа... Сейчас я так понимаю тебя, Элен! Всадишь в вену несколько кубиков — и ты уже не ты: каждый раз кто-то новый и совсем другой...

И так, очевидно, у всех. Почти у всех, сильных, гордых и страстных. Упиться, разгуляться, захлебнуться в калейдоскопе знакомств, встреч, улыбок, музыки, танцев... Зачем все это? Лишь для того, чтобы забыть о самом себе. Хотя бы на время. На миг! А потом? Снова то же. И тот же. Снова и снова Я=Я.

Я выше Вселенной. Я выше людей. Скажу, и никто не услышит речей. Стремясь к облакам, вырастал одиноко. Поэтому вырос теперь столь высоко. Я жажду... Небесного жажду огня. Чтоб он поразил, уничтожил меня!

Коридоры Нечеловеческого Храма твоего переходят один в другой и не кончаются. Время застывает, сгущается, твердеет. Поворачиваются со скрипом и грохотом каменные створы век: Вечность дьявольским глазом громадного паука смотрит на нас. Готов сам заползти к ней в пасть и раствориться. Но читаю вдруг во взгляде ее:

ТЫ=ТЫ

И это — навсегда. Навсегда.

Выходишь из аудитории. Взгляд твой ищет меня. Вот встретились взгляды наши. Миг — и включился магнит, и влечет он нас друг к другу: два полюса. Нераздельных. Вечно несоединимых. И неслиянных.

Перевоплотиться бы в тебя, Тишина. И раствориться в тебе. Потерять себя. Потерять даже память об этом себе.

Излучение улыбки твоей обволакивает призрачным облаком и уносит. Уно-

сит на иной берег Вселенной, где нет тебя, где нет меня, одно лишь прикосновение, одни лишь звуки, взгляды одни вне глаз живут там, в солнечной пустоте безбрежной. Два облачка туманных выходят из тел и сливаются. Мы смотрим на них снизу вверх.

И нет граней, и нет границ, и нет полюсов. Нераздельная неслиянность.

Издревле люди были существами-андрогинами. Катастрофа: они разделились на полюса — мужчин и женщин. Мучаются от самонедостаточности и ищут друг друга всю жизнь. Тщетно, увы. Тщетно.

Я=ТЫ.

Отпусти нас, Чудовище-Время!

Телесные же оболочки куда-то перемещаются. Внутри железного ящика. Парк. Вокзал. Мост. Деревянные древние кварталы точеного кружева воздушного. Солнце то прячется за крышами, то снова выскальзывает из-за них. Говорятся какие-то слова, руки встречаются и расстаются, чтобы встретиться, и встречаются, чтобы расстаться. Говорятся глупости, глупости, глупости. Душа — там, на берегу ином. Здесь — лишь словосоздающий механизм производит вибрацию-ритуал, вибрацию-дар. Тишина — имя твое. К чему звуки?

— Выходим?

Железный ящик едет дальше. Увозит внутри отпечатанные в воздухе улыбки-жесты-звуки. Тень их скользит над нами, уносится плавно к куполам храма, где солнце играет с нею.

— Хорошо быть глупыми, правда, Малыш?

— Замечательно... Если бы еще навсегда стать... Лучше всех живется или уж вовсе дуракам, или сверхмудрецам. Надо или стать мудрецом, или сойти с ума.

— А я уже сошла.

Преграждаешь вдруг путь, становишься передо мной и смотришь на меня.

Это — признание?

— Я — тоже...

Безнадежный жест мой тает в воздухе.

Старый Город нежно принимает нас в широкие объятия улиц своих. Солнце уже спряталось за старинными гранитными домами. Тротуары погружаются в тень.

— Послушай, Галя... Есть на свете высшая святая истина?

— Есть. Конечно, есть.

— И в чем же она?

— Наверное, вот в чем: все люди должны любить друг друга.

— Как же при этом жить? Отречься от себя, как Христос? Пожертвовать всем? Всех любить и не быть при этом слепым мог Один Христос. А никто из людей не может.

— У тебя — или всё черное, или всё белое. А цвета и оттенки ты словно не способен видеть.

— Цвета и оттенки — это снова середина, а середина — удел слабых... Если бы я уверовал... Да я бы тут же раздал все и пошел по Руси проповедовать Христа! Но я не могу уверовать...

— Так ты все-таки понимаешь, что для человека самая большая радость — любить всех и приносить радость им? И никакой огромной жертвенности тут не надо. Это само собой делается.

— Для человека... Для какого человека? Я знаю лишь троих таких людей — тебя, мою бабушку и Шефа, самодеятельного святого. Бабушка такова потому, что православная. Шеф — тоже, но иначе. А ты во что веришь?

— В жизнь.

— Это лишь слова! Как в нее можно верить или не верить?

— Веришь в нее лишь когда ее любишь.

— А если не любишь, тогда что? Тогда она уже и не жизнь?

— Да. Тогда тебе кажется, будто все живое не живет само по себе, а только представляется тебе — как фильм, что ли.

«Как тонко и точно! В самом деле, разве мне когда-нибудь Левченко или Труфан казались живыми, а не тряпичными куклами в моих руках? То есть вообще не живыми? Да и все остальные... Но и тут запятая... Но и тут запятая! Быть живым — значит, быть свободным внутри себя. Таковы лишь ты, я и Шеф. Все же остальные живут как роботы — по программе. И бабушка тоже — все расписано заранее: когда пере-

креститься, когда начать пост, когда и какие молитвы прочесть...»

— А роботы и компьютеры — живые или не живые? Сломать робота — убить его как живого или просто выключить как машину?

— Если бы у меня, Малыш, в детстве был робот-нянька, который говорил бы со мной, ухаживал за мной, заботился обо мне, тогда я считала бы убийцей того, кто его сломал бы.

«Выходит, ты и неживое любишь как живое. И того, кто зарезал бы твоего игрушечного медведя или свернул бы голову кукле, ты тоже считала бы убийцей...»

— Так ты, наверное, смертельно ненавидишь всех, кто против равенства и всеобщей любви? Фашистов? Расистов? Преступников?

«Если ты скажешь: «Ненавижу!», значит, ты такая же, как Наташка.... Нет, конечно же, не такая, но столь же слепая».

— Нет, Малыш. Мне их просто жалко. Они стали такими потому, что их никто не любил. А если их кто-нибудь полюбит, то они перестанут быть садистами и фашистами.

— А Гитлер очень любил детей. Арийских детей. Ты и сама, конечно, сто раз видела в кинохронике по телевизору, как он мальчиков из «Гитлерюгенда» по щечке треплет. Да что говорить — в каждом человеке спит или робот, или фашист. Терпиум нон датур. И во мне тоже.

Снова остановилась. И во взгляде твоем что-то жалостливое. Словно очень хочешь помочь мне, но не знаешь, чем.

— Тебя, Малыш, как будто кто-то заколдовал. Помнишь «Снежную королеву»? Мальчику Каю попал в сердце острый ледяной осколок, и он стал видеть вокруг только злое, грязное и уродливое...

— И понял вдруг, что люди достойны только презрения. И тогда ушел от них в ледяной дворец Снежной королевы и там годами пытался сложить какой-то узор из льдинок... Чем я сейчас и занят... И ничего у меня не получается, как и у него...

— Ведь я чувствую — ты был совсем другим до того, как тебе в сердце этот осколок попал. И если его вынуть, ты опять станешь прежним.

«Ты как врач-недоучка; диагноз ставишь правильно, а как лечить — не знаешь. И Шеф — такой же. Недаром Христос сказал: «Врач, исцели сам себя!»

— Хорошо, стану прежним, а дальше что? Я тебе не рассказал, что сталось с несчастной Наташкой, которая меня учила добру? Она попала в одну секту, где все они целыми днями друг на друга смотрели, сидели в позе лотоса и хором пели: «Харе Кришна! Харе Кришна!» Спаси нас, Кришна, значит. Это такой индийский бог. Потом один из них заморозил себя до смерти в бочке с водой, чтобы поскорее попасть в Царство Кришны. А она сейчас в психбольнице. Может быть, на всю жизнь... Видишь — она уже не могла жить лишь ради себя. А любить других и жить ради них — вот чем кончилось. Так что? Жить ради своего эгоизма — значит, зайти в тупик. Жить ради других — тоже тупик. Пытаться соединить то и другое — тоже тупик.

Ты, наверное, уже устала и замерзла. Зайдем в это кафе.

Странно, почему ни разу не бывал в этом крошечном кафе? Словно не в центре Старого Города, а где-то на Монмартре...

— Какой ты жадный, Малыш! Зачем тебе столько пирожных! Ты же не съешь.

— Съем. И буду молчать. Ты замечала, что с полным чревом на душе спокойнее становится? Вот тебе и вся высшая истина. Хочется пищи побольше — вот и появляется наука, промышленность. Лишь ради одежды, жилища и пропитания в конечном-то итоге... Хочется впасть в свальной грех — нельзя, Бог запрещает, общество осудит; отсюда вся поэзия, музыка, живопись — надо же куда-то энергию девать, если по прямому назначению использовать нельзя. Вот и вся наша культура и цивилизация. Почему все материалисты верят, что они произошли от обезьян? Не могу забыть своих близких родственников... А тебе никогда в голову не приходило, что это нарочная злая выдумка? Все равно вы-де обезьяны, так и не претендуйте — куда желудок и половые гормоны гонят, туда и бегите? А мы, особая порода людей,

теоретики и идеологи, вас при этом направлять будем...

— Да, Малыш... Странно это все... Пока люди верили, что они от Бога — рождались Данте, Рафаэль, Леонардо... А сейчас, как все убедились, что они от обезьяны — сразу не стало никого и ничего великого.

Сумерки опускаются на Старый Город. Твое лицо затенено на фоне окна, и вижу лишь силуэт твой. Через пять минут мы доедим пирожные, допьем кофе и уйдем из этого чудесного кафе... Почему мне так горько и больно? Почему так мучительно хочется удержать мгновение, остановить время, пустить его назад — хронореверсом?! Почему мне так тревожно и сладко с тобою?

— Нам надо спешить, Малыш,— опоздаем на последнюю электричку.

— Андрюша, вставай, милый. Полвосьмого уже. В школу идешь или нет?

— А, бабушка... Разбудила... В школу? Да какая тут школа! Сама знаешь, чему там учат: Бога нет, души нет, Христос — миф, человек от обезьяны произошел, наша цель — коммунизм! В комсомол вот пришлось вступить — кто меня в институт примет без этого комсомола...

Садишься на край дивана. Молча смотришь на меня. Словно о чем-то размышляешь.

— Ладно, думай сам. В институт тебе поступать, жить — тебе. Ты уже взрослый, сам о себе позаботишься... Может быть, вместе на службу сходим? Сейчас в храме праздничная литургия с крестным ходом, с благовестом. Тебе интересно будет.

Смотришь на меня с такой слабой надеждой. Могу ли я тебя этим порадовать? Едва ли...

— Ты ведь уже столько лет в храме не был, не исповедовался, не причащался...

Года три не был... Или больше? Да и когда бывал — до этих трех лет, то для того лишь, чтобы тебя не обижать. Лицедействовал. Ведь они сами там все лицедействуют. И в чем мне было тогда каяться, безгрешному отроку? Вот сейчас — другое дело...

— Видишь, я сигарету выкурил, нельзя мне к причастию уже.

— Ничего, прополощи рот. Бог простит.

— Бабушка, милая, да не могу я, понимаешь? Тяжело на душе, тошно мне. Что я там буду делать? Исповедаться какому-то батюшке? Он меня впервые видит, а я вдруг стану ему свою больную душу раскрывать? Да он и не поймет. Наложит на меня какую-нибудь епитимью — сто поклонов каждый день... Будто от ста поклонов кому-нибудь легче станет, или это страдание от боли в спине кому-то душу очистит! Вот и ты не понимаешь... Вы же с ним верите, что нельзя иначе, и все тут, раз Христос сказал: «Любите ненавидящих вас»...

— Так пойдем просто послушать, как певчие поют, к иконам приложимся, у монахинь посидим — вот душа и успокоится.

— Знаешь что? Когда-нибудь потом. Через неделю или позже. Не могу я сейчас, поверь ты мне. Я тебе обещаю — сходим. Но — потом...

— А девочка твоя где? Что не заходит? — оборачиваешься уже в дверях. — Ты ее береги. Сейчас таких нет.

— Да, мы приедем с ней вместе. Может быть, даже сегодня.

— Вот в храм бы и сходили вдвоем.

— Может быть, и сходим.

— Ну ладно, придется сегодня одной пойти. Благослови тебя, Господи.

Вот ты уже идешь по тротуару под окном, слегка улыбаешься каким-то своим мыслям... Словно ты уже не на земле, а в раю. Стоит ли пожертвовать всем на земле ради такого вот блаженства? А стоит ли, с другой стороны, вся земля с ее призрачными радостями хотя бы одного дня такого вот безоблачного райского бытия? Когда идешь по Старому Городу, все вокруг словно проникнуто золотистым свечением, невидимым глазу, но ведомым душе — деревья в старых парках, голуби на тротуарах, клюющие крошки, что бросают им дети, и старушки, с добродушной улыбкой наблюдающие за этими детьми, и река тихо течет, и солнце медленно плывет, и теплый ветер незримо струится волнами по пустынной набережной, погруженной в тишину, — золотым свечением, как на ико-

нах... И вдруг так сердце защемит, и слезы навернутся, и захочется помолиться бабушкиному Богу: «Господи, прости, спаси и сохрани всех живущих на земле... Они ни в чем не виноваты... Ни в чем не виноваты...»

Да что это со мной сегодня? Ни в чем не виноваты? Да по их милости сейчас и торжествуют две силы: коммунистический кулак здесь и золотой телец там. Других сил нет. И одна из двух победит во всем мире. И будет всемирное царство брежневых или всемирное царство по́лей бельских. И те, и другие нас с тобой, Галина, просто растопчут... И бабушку тоже. И Шефа. Буду я еще за них молиться... Порази их атомный гром.

А пачка твоих «Рэнглеров», Поль, еще лежит у меня... Словно бомба замедленного действия. Куда же девать ее? Вернуть? Нет, отдам деньги в воскресенье, и все. А Хандаева ждет моего звонка. Надо бы уведомить ее об отмене нашего с ней контракта... Нет, не хочется даже звонить, не то что идти...

А Кэт уже, конечно, выставили из университета за ночевку в милиции. Может быть, это ей и следовало... Но я... Из гордости, лишь из гордости.

Элен без моей «белой смерти» сломает кумар. Она просто не сможет подняться и пойти в театр. Сам же ее приучил... И ее из театра выгонят. Да и не давала же она клятв на вечную верность мне...

А Зосимова? Ведь она сама того хотела... Но кто сделал так, чтобы она того захотела?

И ее поклонник... Дима Степанов, которого я и знать не знал до всей этой истории. Они бы могли быть так счастливы друг с другом, невинные дети...

Вот — проехался я танком по их жизням. И ничего уже не исправишь и не изменишь. Осталась выжженная колея.

Знаю — никогда не смогу признаться тебе во всем этом, девочка-женщина. И нести это в себе не могу. В капкане я. В мертвой петле. Сам себя поймал. Обманул и обыграл сам себя.

Слабое побеждается сильным. Сильное — сильнейшим. Сильнейшее — самым слабым... И стоило ли два года рваться к силе, чтобы сейчас вдруг понять эту истину? Словно проклятье надо мной так и висит. Замкнутый круг.

Казалось ведь и мне в далеком детстве, что закон жизни — иной. Что человек, как само собою разумеющееся, всегда рад сделать что-то хорошее. Ты, наивная девочка, так до сих пор и думаешь. Может быть, всю жизнь проживешь в этой безоблачной иллюзии, а умирать будешь, как моя мать, — в отчаянии, проклиная всех людей, и себя, и — Бога. Которого для тебя нет. Но который вот тут-то вдруг и появится — надо же свалить на кого-то вину за все. Каково умирать, если не веришь в бессмертие своей души, в рай и грядущее воскресение мертвых для Вечного Царства Христова?!

Но что же? Разочаровывать тебя? Излечивать от иллюзий и прельщений? Слова беспомощны — надо все пережить на себе. И зачем разочаровывать? Как раз наоборот. Ты меня тем и очаровала, быть может, что еще по-детски веришь в любовь между всеми людьми, в жизнь, в добро...

Допустим, человек понял, что единственная реальная вещь в мире — это воля, своя и чужая, и вдруг парадоксальный вывод: «Буду развивать в себе силу для утверждения своей любви к людям и воли к добру и милосердию». Так и должны были жить святые. Но между тем, у католиков почитаются как святые те, кто сжигал и сажал на кол еретиков. Христос исцелял бесноватых, а они их казнили. Поэтому и победил во всем мире атеизм. Опять тупик. Хотя вина ли самого Христа, что его учение мир исполнил наоборот?!

Да и появись теперь настоящий святой — такой, как Серафим Саровский — его тут же посадят в психиатрическую лечебницу и будут перевоспитывать электрошоком, чтобы он снова стал атеистом, дарвинистом, строил коммунизм, спал с женщинами, глушил водку и давил всех, кто его слабее...

Появись я еще хотя бы лет сто назад — может быть, отрекся бы от мира, принял монашеский постриг и жил бы всю жизнь в каком-нибудь ските. И был бы вполне счастлив этим. Молился бы со слезами о спасении всех людей... А сейчас и скитов нет. И монастырей. Бога нет — значит, все дозволено. Вот если бы такие живые анахронизмы вроде Наташки и тебя, девочка-женщина, вери-

ли бы в Бога и загробную жизнь, тогда все встало бы на свои места: твори добро, смиряйся, люби — Бог тебе поможет во всем еще и в этой жизни, а за гробом ты получишь вечное блаженство. И на земле добро восторжествует — Тысячелетнее Бесконечное Царство Христово — миллиарды лет бескрайнего блаженства, рай на земле, где все бессмертны и исполнены любовью к Богу и друг к другу...

Но кто может попасть в рай, а потом воскреснуть для блаженства? Да за все две тысячи лет христианской истории, может быть, всего сто человек наберется. Остальных же участь в озере огненном, кипящем серою. И моя участь тоже.

Кто-то позвонил. Никого не хочу видеть, кроме тебя, Галина-Тишина. И не открою никому.

Четверо выходят внизу из подъезда — «Орлов Корпорейшн». Вот и хорошо, что не стал к двери подходить — их только не хватало...

И снова кто-то пришел...

— Ты что же, голубчик мой, так весь день и грустишь?

— Да, бабушка... Вот представь — ты умерла, а там — пустота одна или какая-нибудь трансформаторная будка. Что бы ты тогда подумала о своей жизни?

— Ну, Андрюша... Если бы вдруг вышло, что Бога нет и человек как животное умирает вместе с душой, — тогда зачем и жить?

— Вот в том и дело... Но ведь ты все равно осталась бы жить — хотя бы ради того, чтобы людям помогать. Ты стала бы еще больше любить и жалеть всех людей. И если уж нет Бога и вечной жизни, то разве не стала бы ты стараться помогать людям и устраивать их жизнь получше, чтобы они хоть временную жизнь могли прожить по-человечески?

— Да стала бы... Только очень уж скучно это было бы. И обидно. Потому такие, как твой отец, и не смогли построить никакой коммунизм, что очень уж это скучно. Накормить весь мир, одеть, обуть, научить — а дальше что? Поэтому все люди и озлобились — от скуки. Отреклись от Бога и думали, что станут свободными и счастливыми. А свобода — тоже скука. Куда ее деть, эту свободу? На что она нужна?

Надо же... Будто ты в молодости тоже прошла через безбожие... Почему я только раньше к тебе не прислушивался?

— Так ты уверена, что люди без Бога ничего хорошего не смогут сделать?

— Однажды уже строили Вавилонскую башню, и чем дело кончилось? Но с тех пор так и не вразумились и теперь снова начали строить. Только теперь уже наверху антихриста посадят.

— Так вот как же тут жить-то?! Ты вспомни, на чем ты меня в детстве воспитывала? Тютчев, Пушкин, Лев Толстой, Чайковский, Моцарт... Зачем ты все это в меня вложила? Ведь невозможно же жить со всем этим в душе среди нынешних вандалов! Ты что же, не понимала этого?!

— А ты хотел бы жить как дикарь? Так тебе лучше было бы?

— Да! Лучше бы ты меня воспитывала не на христианской кротости и не на дворянской душевной тонкости, а на ненависти ко всей красной сволочи! Рассказывала бы лучше, как моего деда и прадеда пытали в ЧК и как расстреляли, и как вы с моей матерью от голода умирали, а коммунистические иуды вам дали камень вместо хлеба! Ты бы меня так воспитывала, чтобы я был грубым и сильным. Да окажись Печорин, Болконский и Безухов в восемнадцатом году — разве не пошли бы они защищать Бога, Царя и Отечество от этих вандалов?! А передовые Павлики Морозовы и разные там молодогвардейцы им бы вырезали на груди штыком пятиконечную звезду! Расстреляли ведь Царевича Алексея, невинного ребенка!

— Нет, Андрюша, нет и нет, — качаешь грустно головой. — На зло отвечать злом... Что это даст? Ничего уже не вернешь. Не выстроишь ведь заново ту Россию, самодержавную и православную. Надо только хранить ее в душе и ничего не забывать. А этих злодеев Господь будет судить на Страшном Суде, и каждый получит свое. А мы их не можем судить и карать, не дано нам такого права. Мы сами грешны... Господь ведь сам предсказал, что в конце времен антихрист восторжествует, хотя бы и ненадолго. Тяжело принять все, что в жизни теперь творится, но другого-то нам не дано. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Если бы вы знали, какое блаженство

уготовал Господь на Небе праведным, вы согласились бы ради него прожить всю жизнь в яме со змеями». И если бы я не уповала на Божью милость, я еще до войны с ума сошла бы или повесилась. Я рада, что ты у меня такой. Пусть тебя сейчас страсти юношеские одолевают — пройдет время, и ты обратишься к Господу всем сердцем. Главное — то, что у тебя в душе святое есть. Ты, наверное, много нагрешил, вот тебя совесть и мучает, душа у тебя болит. Только мне ничего рассказать не хочешь. А помнишь, как я тебе в детстве Некрасова читала: «Войди, Христос наложит руки и снимет силою святой с души оковы, с сердца—муки, и язвы — с совести больной...»

— Ты мне только душу растравляешь... Я и так сегодня пожалел уже, что не пошел с тобой в церковь... Язвы совести больной... Да как можно жить среди подлой черни, среди вчерашних холопов и быть при этом добрым и порядочным?! Сострадать униженным и оскорбленным... Какая идиллия!

— Может быть, это только к лучшему, Андрюша... Тебя оставила благодать Святого Духа, и ты всем сердцем поймешь, как человеку тяжело без Бога.

— Ну да! «Дорог Мне не праведник, а раскаявшийся грешник»... Значит, те, кто всю жизнь был праведным и ни разу не согрешил, должны пойти в ад.

— Несть человек, еже не согреших...

— А кто сейчас кается? Если по-твоему, так все люди поголовно, какие теперь живут на земле, идут прямой дорогой в самые нижние круги ада! Миллионными толпами, стройными рядами! А за что должны идти в ад язычники? Если они о Христе ни разу в жизни не слышали, в чем их вина-то?! А наши безбожники? Мать с отцом — атеисты, в школе им с детства внушили, что Христос — миф... Их-то вина в чем?!

— Не сердись, Андрюша. Успокойся. Господь милостив, очень милостив... На Страшном Суде они все, наверное, будут прощены. Только соцарствовать со Христом не будут. А в аду останутся только те, кто даже на Страшном Суде не раскается. А таких-то, я думаю, не очень уж много найдется...

— Пусть даже и так... Но разве ты не понимаешь — жить во Христе сейчас нельзя. Невозможно. Осталось только умереть за Христа, как первые мученики... А это просто смешно, когда наш Святейший Патриарх Брежневу поздравления пишет... Ты можешь представить, чтобы Апостол Петр поздравлял Нерона с днем рождения?

— Послушай, Андрюша, это тоже предсказано... Святой Петр трижды отрекся, но Господь ведь его простил. А наши...

— Все. Не понять нам друг друга никогда. Тебя послушать, так что угодно заранее предсказано и оправдано и будет прощено... Выходит, от нас вообще ничего не зависит, все заранее запрограммировано, как в компьютере! Тогда зла вообще быть не должно. А на самом деле весь мир уже захлебывается во зле. И невозможно ни победить это зло силой, ни скрыться от него... Я ухожу. Меня Галина ждет.

— Благослови вас Господи. Может быть, она тебя и направит...

— Скорее, я ее направлю... То и печально...

Надо это запомнить, очень крепко запомнить — жемчужное запрокинутое небо в окнах огромного гранитного здания, землю с прошлогодней травой, безлистые ряды молодых топольков вдоль бульвара, запомнить себя такого — наполненного до краев сладкой горечью, надеждой и ожиданием, запомнить всю плоть времени — какие сейчас сигареты курю, какие пластинки купил на днях, какие машины на улицах, что показывают в кинотеатрах... А можно ли запомнить самое главное — состояние души своей сейчас вот?.. Я ведь знаю — обречены мы с тобой. Мое чувство к тебе — пир во время чумы. Дьявольски безоглядный и безудержный. Такое судорожное радостное упоение может быть только перед смертью — когда жалеть не о чем, помнить нечего, надеяться не на что, мечтать ни к чему...

Запомнить, запомнить это пронзительное упоение! То, что у нас с тобой сейчас — это сильнее, стократ сильнее и неотразимее того, позапрошлогоднего Белого Дня, это — как вивальдиевская скрипка в «Инферно» — смычком по

сердцу! Отточенным, как дамасский клинок.

Сегодня все решится. Я скажу тебе. Нет сил нести в себе это: нахлынет вдруг такая горечь, такой надрыв нечеловеческий, так сердце защемит, что душа не выносит уже... Секундой более — умрешь или с ума сойдешь. Скажу... Нет, ты поймешь, конечно же, поймешь... Ты уже понимаешь — шестым чувством своим.

Зачем весенние сумерки так пронзительны? Зачем в их призрачности всегда, всегда кажется скрытой какая-то чудесная тайна? Зачем в синем свеченье изменчивом вся обыденность и затрапезность жизни представляются необыкновенными и исполненными скрытого очарования?

Вот! Там, за стеклянной дверью с зеленым электровременем — ты!

Пять секунд — больше душа не выдерживает. Пять секунд.

Выходишь. Оглядываешься. Ищешь меня глазами. Здесь. Здесь!

Увидела. Синие искры вспыхнули в глазах твоих. Одна половина меня убьет другую из ревности к тебе. Ведь ты не меня любишь — лишь малую мою часть. Я должен раскроить себя пополам — чтобы ты увидела обратную сторону луны. Чтобы все, спрятанное у меня там, ты приняла бы и сказала: «Люблю не только тебя — люблю всю твою жизнь, все, тобой совершенное, каждое твое слово, когда-то сказанное, каждый всплеск чувств, когда-то взметнувшийся. Я — это ты. Но между тем остаюсь собой». Но это невозможно. Невозможно...

Ты ближе, ближе... Что это? Словно слом речного льда — лопнула с грохотом ледяная гладь зеркальная, и поплыли исполинские глыбы, ударяя друг друга, кроша, наползая и переворачиваясь... Поплыли невесть куда... Супротив воли своей... А впереди уже грохот водопада. Там — бездна, пропасть, крушение...

Вот уже подходишь ко мне... Вот все ближе и ближе — миллиметр времени в секунде пространства... Слышу уже дыхание твое... Я жажду, небесного жажду огня. Чтоб он поразил, уничтожил меня.

Все запоминать. Запоминать. Высекать резцом на мраморе памяти во веки веков. Каждая минута — подарок. Каждая секунда. И подарок совсем бескорыстный. Ни за что. Просто так. От всей души... Которой нет.

— Галя, есть душа?

— Наверное, есть, Малыш.

— А — Бог?

— Если тебе хочется, чтоб был, значит — есть.

Вот как... Ясновидящая моя бабушка... Ясновидящий Шеф... Ясновидящая ты... И я мог не знать этого и не понимать? И вы трое ведаете какую-то великую истину, намертво скрытую от меня?

И мы уходим в синее призрачное свечение, мы хотим раствориться в нем, как движения рук моих переходят в движения рук твоих и растворяются, как звуки слов слетают с губ твоих, слетают с губ моих и растворяются друг в друге, и если бы взглянуть на нас всевидящим оком, то видно было бы, как два сечения душ, две воздушные инерции движений, два чувствомыслепотока слились в одно светлое, обволакивающее нас облако, в один имматериальный организм-андрогин.

Нет! Не сливаются наши души! Я лишь хочу, безумно хочу, чтобы слились. И ты готова к тому, тебе нечего скрывать от меня, нечего прятать в своей отдельности, но я... Вот они — стоят перед глазами моими... Стоят. Молчат. Смотрят на меня режущими душу взглядами. Элен, Зосимова, Кэт, Степанов... Ну скажите вы мне что-нибудь! Зачем вы мучаете меня?! Чего вам надо от меня?!

— ...Малыш, ты совсем меня не слушаешь! Что с тобой опять?

— Что? Ничего... Все в порядке...

Где мы? Уже в центре Старого Города... И синее свечение все темнее, все холоднее воздух. И сверху Город накрывает черная разверстая бездна. Как мучительно зовет она, как манят к себе призрачные серебряные точки в глубинах ее: «Низвергнись к нам... Забудь, забудь свою земную жизнь... Нет тебе пристанища на планете твоей холодной... Пустота и лед окружают тебя...»

—...как этот сквер раньше назывался?

— Здесь была Тихвинская площадь. В честь чудотворной иконы Богородицы. Сквер насадили уже после войны. А на месте обкома стоял громадный Кафедральный собор, не меньше храма Христа Спасителя...

И в него можно было войти. И раскаяться во всем... Подойти к священнику, встать перед аналоем, поцеловать Евангелие и крест... Ведь было же, было... Давно ли?.. Накрывал голову мою епитрахилью, вышитой золотом, осенял крестом: «Отпускаются тебе грехи твои»... Или как-то иначе... Нет, не помню. Но помню, с каким чувством это говорилось... И было в голосе том столько любви и тепла... Но что вспоминать!

— ...здесь присядем, да, Малыш?

— Можно и здесь...

— ...а теперь — некуда. Теперь там в дверях военизированная охрана. Бабушка... Зачем же не пошел я утром с тобою? А вдруг помогла бы мне эта соломинка? Что еще может помочь.. И кто?... Ведь ты мне говорила как-то — Святой Дух действует независимо от священника, можно Его получить даже от священника-атеиста. Вдруг это и в самом деле таинство? Кому еще могу все это раскрыть и высказать? Камням? И кто еще может ответить на это: «Отпускаются и прощаются тебе грехи твои», и они бы мне действительно простились — так, чтобы сам это ощутил?

Если бы не ты... Я ведь почему-то лишь рядом с тобой не могу нести это в себе. Без тебя... А без тебя, может быть, и мог бы... И оставить тебя не могу — и открыться не могу.

— ...на последнюю электричку я уже опоздала. Ладно, не беда. Останусь на ночь у подруг.

— Твои домашние будут волноваться?

— Нет, они знают — я иногда опаздываю и остаюсь здесь...

Зачем же ты мне поверила, милая наивная девочка, зачем твои серые глазки смотрят на меня с такой преданностью, зачем ты такая доверчивая? Другая бы давно поняла, с кем имеет дело, и вот говоришь ты со мной о чем-то, так горячо говоришь, сжимаешь мою руку, и слова ничего не значат, в каждом слове твоем: «Ты — мой. Ты мне дорог. Ты мне близок. Ты и я — навсегда!» И сейчас сам скажу тебе это, и впервые не солгу...

Жалкая скользкая соломинка на Планете Вечных Льдов, на планете, вогнутой внутрь, в мире-пузыре среди беспредельной скалы борьба энергией огня и космических льдов, титанические напряжения невидимых сил, и мы, комочки биоплазмы, держим в руках наших маленькую искорку среди нечеловеческого стального блеска льдов во тьме искорку, готовую потухнуть от малейшего дуновения, вот она — среди моих ладоней, среди твоих ладоней, мы видим ее, видим, она греет нас, а нас затирают айсберги, плывущие в воздухе, сдвигаются кристально сверкающие грани, хруст исполинских масс заглушит скрежет наших раздавленных тел... Наша с тобою спасительная, едва мерцающая искорка, соломинка для нас, утопающих среди космических торосов...

Дрожишь от этого холода, грею дыханием руки твои, наши лица сближаются, сливаются наши дыхания — где среди нас я, где — ты? единая пульсация Духа и Крови.

Вдруг прорываются препоны, падают преграды, рушатся стены — огнепоток кипящих звуков вырывается, выбрасывается взрывом моего сердца, твоего сердца — плавятся, клубятся паром сдавившие насмерть айсберги — плазменнокипящий хаос линий, цвета, звукоформ затмевает ослепительным свечением осязаемую видимость, скрывает ее, выбрасывает за горизонты обозримого, уносит нас внутри огненного шара прочь из-под власти космоайсбергов...

А мы уже окутаны голубым фосфорическим свечением полнолуния — мы уже в доме моем, в пене лунных волн, в ажурной вязи горячего шепота-шелеста.

Голос лунной Дианы, отчаянно страстный, выплескивается в странные слова, но не из сердца они идут — это дальние глубинные слои души женщины, это вековая надежда, тысячелетнее сомнение, это жажда сверхъестественной силы и запредельной верности, это голос крови предков, твоих предков, это зов их памяти, нет, нет — это жажда быть более чем единственной...

Ты не плотский зов горячечных юных сновидений, ты — лунный символ, сухой огонь, наши тела не сольются в единой вибрации — иначе небесный ореол погаснет и не вспыхнет более никогда — это известно и изведано...

Снова, снова нужно вспомнить, как и всегда утром, кто я. Где я. Зачем я. И

совсем не хочется знать этого. Но сейчас, в невероятной тишине, пульсирующей среди бликов солнца, слова твои, тихие и горячие, обволакивают пеленой, словно утренний туман на реке, и зажигается что-то внутри, мучительно вспыхивает фейерверком — это я, это со мной ты говоришь, и еще не понимаю, о чем — еще не пробудилось всего того, что называется мной, еще не воскресло. А когда воскреснет...

А ты снова говоришь и говоришь что-то, трогаешь меня, поворачиваешь к себе мою голову... Что же? Да... Уходить... Конечно же, уходить... Пока они не проснулись...

И становится пыткой апрельское утро, и становится мукой блуждание по зыбкой грани сна и яви, и пропасть темнеет в твоих глазах, и солнце восходит в осуждение мне, и словно предсказание моей участи стихотворение твое:

— ...я знаю, черт не бросит стремительной доски, пока меня не скосит грозящий взмах руки, пока не перетрется, крутяся, конопля, пока не подвернется ко мне моя земля...

Идем по каким-то коридорам в холодном полумраке, поднимаемся по лестницам, и мы уже в какой-то комнате у твоих подруг, гора косметики на столе у зеркала, и они почему-то так любят меня, так рады мне, симпатичные, милые, веселые, беру зачем-то твой тональный крем...

Почему же вы вот такие? Знали бы вы, как я хочу тоже быть таким добрым и радостным и всех любить — просто так, ни за что... Но не дано! Не дано мне этого! А вы... Знали бы вы, что скрыто во мне и чем...

Нет, надо вырвать, вырвать любой ценой эту гадину из себя, иначе сойду с ума, иначе... возненавижу вас за то, что вы такие милые и радостные, а я по сравнению с вами гадкий выкидыш, всем чужой, душевнобольной и злой. Да как же вы так можете любить меня и радоваться мне?!

— Галя, поедем... Поедем...

— Куда, Малыш?

— Не знаю... Ко мне. Как ты не можешь угадать во мне самого главного?

Еще миг, еще слово — и сорвусь, и открою тебе все, и это будет концом.

— Пришли, голубчики!

И ты рада нам, бабушка... И ты любишь нас, и меня любишь... А нельзя, нельзя меня любить, нельзя...

— Милые, я что-то неважно себя чувствую... Вы уж помогите мне, увезите меня в Знаменский собор?

Прямо сейчас! Сломать эту стену, пробить.... Больше ничего не осталось.

— Да! Едем! Нет, постойте... Бабушка, благослови нас.

Да! Знаю! Теперь скорее! Беру тебя за руку, веду в бабушкину комнату. Смотришь на меня вопросительно. Тебе все это интересно, странно, непонятно.

— Это очень надо нам, понимаешь, Галя? Это обязательно так надо.

Отраженная в твоих глазах бабушка снимает со стены икону Богородицы.

— Теперь на колени, — тяну твою руку вниз.

И мы — на коленях, склонив головы, а бабушка осеняет нас иконой. Когда-то и ее ею благословили...

Вверх — вниз — вправо — влево:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Благослови вас Господи, милые. Я страдала всю мою жизнь, так будьте хоть вы счастливы за меня. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистая Твоея Матери и все святых, преподобных и богоносных отец наших, помилуй нас. Аминь.

Ты поднялась, целуешь, обнимаешь бабушку:

— Спасибо вам, бабушка, милая, спасибо...

И бабушка тебя обнимает и целует, слезы стоят в ее глазах...

Река шумит за стеной собора. Мы держим тебя под руки, а ты смотришь на икону над входом во двор и шепчешь молитву одними губами.

— Галенька, возьми у Андрюши шарфик, повяжи голову.

Входим в каменные белые ворота, идем мимо маленького садика по дорожке, такой знакомой, такой забытой... Снова помолилась на икону над папертью, обернулась:

— Андрюша, подай нищим.

Кладу по десятке в протянутые ладони, в кепки, лежащие на ступенях.

— Благослови тебя Господь, добрый человек, — говорят мне нищие и крестятся.

— Ты что это, Малыш?

— Кто знает, может быть, и мы с тобой будем в старости вот так на паперти сидеть...

— Ну уж и скажешь ты...

Нет, не понять тебе пока этого...

— Благослови тебя Господь, добрый человек, — все еще говорят нищие.

Знали бы вы, какой я добрый человек... Добрый человек!

Открываем тяжелые двери — и вдруг:

— Христос воскрес! — взрывается бас священнослужителя.

— Воистину воскрес! — отвечает весь собор.

И эхо улетает ввысь под своды куполов, заполняет собою все приделы храма, плывет могучими тяжелыми волнами в теплом аромате воска и ладана, среди блистания иконостаса и парчовых серебряных риз с золотыми крестами, среди мерцания свечей на подсвечниках и паникадилах, среди слабых старческих голосов, выводящих: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав...»

С этих слов все и началось у нас в тот день...

— А что значит Икс Бе? — шепчешь мне на ухо. — Вон там, над дверью?

— Где? Это значит — Христос Воскрес.

— Будто системы иксовые и базовые, как у нас в программировании...

Иксовые и базовые... Искомое и... основание? Тайна и основа всего?

...И никогда уже более не вспоминать со слезами, что чувствовал здесь в далеком младенчестве, когда бабушка приводила сюда за ручку пятилетнего Андрюшу, и Андрюша видел тут и Чудо, и Тайну, и Основание, а сейчас...

Если есть Высшая Сила Небесная, если есть Бог, то почему не выбросит он меня отсюда как снаряд из пушки? Или... неужели я и для Бога все еще могу оставаться «добрым человеком»? Еще не совсем пропащим для Него?

— Галя, ты постой пока здесь, я сейчас... сейчас...

Оставляю тебя рядом с бабушкой и медленно иду к алтарю, к золотистому свечению и эху.

Вот — место есть. Сейчас упаду на колени, прислонюсь лбом к холодному камню... Последняя надежда моя на Тебя, Господи. Иного не осталось...

«Прости меня, Господи, если не поздно еще, прости мне все зло, что совершил я людям и Тебе, прости мне всю дерзость, все ничтожество моего бунта против Тебя по гордыне моей люциферовской, Господи, если Ты воистину всеблаг, если Ты человеколюбец и Отец наш небесный — помилуй меня, не отними у меня счастья с этой женщиной, и если нельзя меня пощадить, покарай и не щади, только не отними ее у меня, только соедини нас навсегда силою Твоей священной, я недостоин и просить Тебя о снисхождении, но я воистину уверую и буду исполнять все заповеди Твои и ничем не прогневаю Тебя, только не отнимай у меня последнего, Ты даровал мне жизнь, но я изгадил Твой дар и не могу уже более нести его и не знаю, что делать мне с ним, никогда ни о чем не просил я Тебя, но услышь меня теперь и поверь мне, и пойми душу мою истерзанную, я совершил столько зла, я мучил людей, я издевался над невинными, я никого никогда не любил, но никогда более не совершу никакого зла, вот — я полюбил первый раз в жизни моей, сердце мое открыто Тебе, услышь мою покаянную молитву и прости меня, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистая Твоея Матери помилуй мя, грешного!

Вот уже там, в маленьком левом приделе, началась исповедь. Старенький священник с седой бородой склонился над женщиной и что-то говорит ей тихо-тихо, глядя в глаза, а иногда обращаясь к Небу и к иконам, спокойно, умиротворенно размышляет вслух... Неужели помню?! Да, помню — отец Анатолий! Помню ведь, уму не постижимо, помню. Сейчас, сейчас подойду к вам, батюшка, сейчас вам, живому человеку, наконецто, а не камню мертвому, расскажу все и покаюсь, а через вас — Самому Богу.

Ваши глаза глядят на меня открыто и спокойно, с какою-то непонятной тихой радостью, как и десять лет назад. Никогда не мог понять, почему у вас

такой взгляд, такое лицо — словно вы и не живете здесь и сейчас, а всякий раз спускаетесь к началу литургии из иных каких-то миров, где нет и не может быть ни тоски, ни отчаяния, ни злобы, ни зависти...

Становлюсь перед аналоем и склоняю голову... Так тяжело... Не могу начать сам, вы ведь понимаете?

— Что бы ни случилось с нами в жизни, — словно прочитав мои мысли, начинаете вы, склонившись надо мной и глядя на распятого Христа на обложке Евангелия, — чего бы мы ни совершили, нам всегда надо помнить о бесконечной милости Господа, и если мы осуждаем себя в сердце своем за грехи наши, если обещаем Господу не совершать того более и раскаиваемся искренне всеми силами души своей, то Господь никогда не оставит нас, простит нас, успокоит душу нашу и очистит помыслы наши, пошлет нам мир и покой, любовь и смирение. Какие тяжести накопились в душе твоей, юноша? Открой сердце свое и помыслы, и поможет тебе Господь. В чем грехи и прегрешения твои?

— Ненависть... Ложь... Блуд... Зависть... Гордость... Тщеславие... Унижения людей... Богохульство... Лицемерие... Властолюбие...

Слова вытекают и вытекают из меня. И вот — это уже не слова, а черная скользкая змея выползает из моего рта, раскручивается ее ослабевший хвост все длиннее и длиннее, и острые ядовитые клыки ее выходят из сердца, отпускают его, и что-то, сжавшееся внутри, судорожно выпрямляется, вырастает, распахивается...

— ...и помилует ли меня Господь? Не отнимет ли у меня этого?

— Как твое имя, юноша?

— Андрей.

— Вот, Андрей, как я тебе отвечу... Через женщину и соблазн входит в душу нашу, и искупление совершается. Неведом нам промысел Господа о нас, но надо нам понимать сердцем своим — Господь посылает нам страдание не как кару, но как урок и как испытание духа нашего, сердца и разума. И когда имеем силу принять его и не роптать, пошлет Господь награду твердости нашей и крепости, любви, вере и смирению.

На мгновение поднимаю голову и гляжу на вас. И взгляд ваш говорит: «Да. Так».

Снова склоняюсь, целую Евангелие, целую серебряный крест на аналое в знак верности, а вы покрываете мою голову епитрахилью и осеняете сверху крестным знамением:

— Силою и властию, данной мне Богом, аз, недостойный иерей, прощаю и разрешаю грехи твои...

И уже не понимаю ваших слов, слышу не слова, но мерно и мирно льющийся теплый голос, и слышу в нем: «Ты ведь добрый и хороший человек, ты любишь всех людей, и они тебя любят, только не понимаешь этого, забыл об этом...»

— Есть ли у тебя Священное Писание?

— Есть.

— Прочти Книгу Иова и прими ее сердцем. Молись также Богородице, заступнице всех любящих, и поможет тебе Господь и Спаситель наш.

А хор уже поет «Символ веры», и скоро причастие, и не понимаю слов молитвы, не понимаю, кто я, где я, зачем я, и голоса проходят сквозь меня каким-то неведомым излучением, и словно струна внутри отзывается резонансом на эти звуки, отзывается все сильнее, сильнее, сильнее, сильнее в светящейся бестелесности...

Звук раскрываемой алтарной занавеси вдруг возвращает память и зрение, открываются Царские Врата, вы выходите из алтаря на амвон с золотой чашей, покрытой алым платком. Хор смолкает.

— Се есть Пречистое тело Мое и Пресвятая кровь Моя, ныне за вы проливаемая...

Складываю руки крестом на груди, становлюсь на колени вместе с другими причастниками, слушаю вашу молитву, и кажется, будто не вы ее произносите, а тот неведомый Отец Церкви, что впервые сложил так эти древние слова:

— ...не яко Иуда лобзаю, но яко разбойник исповедую тя...

Стою перед вами, прижимая руки к груди.

— Причащается раб Божий Андрей Честнаго и Святаго Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Хрис-

та, во оставление грехов и в жизнь Вечную.

Вынимаете золотой лжицей Святые Дары и вкладываете мне в уста. Дьякон прикладывает к моим губам алый плат.

...Во искупление грехов и Жизнь Вечную...

Целую край Чаши — ребро Христа, пробитое римскими легионерами — и тихо отхожу к столику, где маленькая, совсем ветхая монашенка готовит антидор для причастников.. Бабушка Фимочка! Узнал ведь, узнал...

— Христос воскрес, мать Серафима.

— Андрюша... Андрюшенька? Воистину воскрес, воистину воскрес.

Обнимаете и целуете три раза. Смотрите на меня взглядом радостным, и как не созвучен взгляд этот с далекими какими-то словами «схимнический подвиг» и «в миру княжна Волконская»...

— Не забывай нас, приходи почаще.

— Да... Я буду приходить.. Буду приходить...

Опускаю взгляд, и снова смотрю на вас, и снова опускаю.

Сколько же вам сейчас? Восемьдесят шесть... Уму не постижимо...

— Это тебе, милый. Помолись о грешной Серафиме. Спаси тебя Господи.

Богородица с Христом-младенцем на руках печально смотрит на меня с большой белой просфоры.

Медленно иду от алтаря к притвору — люди расступаются и пропускают меня. Вот и вы с бабушкой стоите, смотрите на меня. Ты склонилась к ней, а бабушка что-то говорит тебе на ухо и улыбается.

— Причастился, покаялся, голубчик мой, порадовал меня. Дай поцелую.

— Малыш, ты что? Плачешь?

— Я... да нет... это так... соринка в глаз попала...

— Разве ты в Бога веришь?

— Я... Я хочу верить... Я буду, буду верить... Я потом как-нибудь тебе расскажу...

Нет... Да ты... Да поймешь ли ты, как из меня выходят сейчас со слезами последние капли яда той черной, мерзкой змеи... Это и к лучшему, что не понимаешь... И не надо тебе этого понимать... Теперь — все! Теперь я очищен, и все мне Богом прощено. Теперь и не надо ничего тебе рассказывать ни о чем. И знаю теперь — как-нибудь все уладится потом, устроится, ведь не допустит же Бог... ведь я покаялся Ему и поклялся.

Потоки света вливаются в узкие высокие окна, поднимаются ввысь, ввысь, к голубым сводам, высвечивают — Христос идет по воде, рыбаки в лодках смотрят на Него, и кажется, Он идет уже по волнам света, Он все ближе, все ближе ко мне... И голубь летит за Ним.... Святой Дух...

— Бабушка, ты столько раз звала меня сюда, а я не хотел идти... Ты прости меня..

— Ну что ты, голубчик... Господь простит.

— Галя, ты тоже прости меня.

— За что, Малыш?

— Не знаю... Ни за что. Все равно прости.

Берешь меня за руку и улыбаешься удивленно.

— Это внучек твой? — подходит к бабушке веселая старушка в черном. — Христос воскрес! — говорит мне и целует три раза. — Это вам, — развязывает платочек и подает коричневое крашеное яичко.

— Спасибо. Воистину воскрес, — отвечаю и улыбаюсь сквозь слезы.

— Христос воскрес, — говорю тебе и целую в щеку, в другую, в губы.

— Да, Малыш.

— Скажи: воистину воскрес.

— Воистину воскрес. Увидел бы меня сейчас наш комсорг...

— Ребятки, сейчас будет крестный ход.

Бабушка подает нам с тобой по тоненькой свече. Наши свечи встречаются, вместе прикасаются к уже зажженной бабушкиной, и из одного огонька рождается три.

Люди уже выходят во двор с хоругвями, свечами и иконами, выносят серебряную чашу с освященной водой, выходит отец Анатолий. Выходим и мы, закрывая пламя свечей ладонями от прохладного ветра с реки.

А радостный перезвон благовеста летит над рекой, над островами, над холмами, над всем Старым Городом, поглощая шум машин и грохот воды. Десять лет назад ты поднимала меня на руки,

бабушка, чтобы я все видел, чтобы и на меня попала освященная вода при окроплении.

Отец Анатолий читает Благовествование от Матфея и окунает кисть в чашу:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — отвечаем большим разноголосым хором.

Брызги летят вдоль и поперек — крестом. И солнце сверкает в них все равно... И солнце греет как летом, и земля высыхает, и мы снова уходим куда-то, уезжаем куда-то, крутим по Старому городу в призрачном забытьи, в магическом полусне, лучи солнца пронзают улицы, небо, воздух сверкающими иглами, расплываются в ореоле линии и краски, остаются лишь золотистые прозрачные силуэты...

Осталась только музыка, невесть откуда летящая. Остался только я. Осталась только ты. Мир растворился в золотистой игре переливов прозрачных силуэтов и оказался покинутым где-то внизу, где-то позади, где-то за гранью между светом и тьмой, ниже черты зрения и слуха — нас укрыла тень звуков, улетающих над нами невесть куда...

Ты рассказывала о чем-то, а я вовсе не понимал смысла слов твоих, моя душа иссохшая только впитывала голос твой животворный и улыбку твою упоительную, аромат волос твоих, кружащий голову, и тихое прикосновение тонких рук твоих — и тут... и тут неизвестные, неведомые никогда доселе энергии души моей дошли вдруг до какого-то предела последнего, прорвались, взорвались ослепительным блеском, залили все вокруг искрящимся свечением!..

...и вспыхнуло внутри меня Сияние Тысячи Солнц! Такое великое!

— Замри... — шептал я тебе потрясенно. — Не двигайся... Смотри мне в глаза... В глаза...

«Галина... — шептал я тебе. — Галина!»

Тихий стук в дверь — и бабушкино виноватое лицо:

— Андрюша, к тебе там мальчики пришли.

— Я ведь просил тебя — никого не пускай ко мне, кроме Гали. Нет меня дома — и все тут.

— Ты прости меня — я им уже сказала, что ты дома...

— Артист, ты где?

Голос Левченко, изрядно пьяный... Нет, сейчас я их выпровожу.

— Ты где бываешь-то целыми днями? Мы к тебе каждый день по десять раз заходим — тебя все нет и нет!

Сколько же вас тут на лестнице? Вся «корпорация» — в полном составе.

— Вы что, не знаете, сколько у меня дел? Есть у меня время дома быть...

— Да ты бы знал, чо тут началось? Тот кент заяву на нас ментам накатал! Помнишь — попинали мы его маленько, чо-то там сломали ему, он в больницу загремел...

— ...а с Зосимихой такой прикол вышел! Короче, по всей школе разнеслось, как она с тобой на той неделе ночь провела — сама же разболтала. Трепанулась своей корифанке, ну а та — по секрету всему свету. И до Тафисы дошло. А Зосимиха вдруг смылась куда-то. Говорят, отравиться из-за тебя хотела, и хрен его знает, чо там с ней щас... Вдруг ее предки на тебя бочку покатят?

— Связался же я с вами на свою голову... В детский сад вас всех гнать на перевоспитание...

— Тебе-то, Артист, нефиг бояться, ты сбоку засекал, как мы его пинали для тебя, чтоб он не мешал тебе с твоей телкой... А теперь нам на зону из-за тебя?

— Так вот вы что! Ментов испугались, шестерки... Забыли, что у меня все менты схвачены? Может, уже собрались сами в ментовку идти — раскалываться?! Все, кантуйте с глаз моих долой.

— Да ну тебя, Артист, ваще... Устроил тут правилку. — Сами уже спускаются по лестнице.

«Наконец-то... Зосимова... Что теперь с ней и с этим...»

— Вот как, Артист... Значит, у тебя есть другая, и ты с ней спишь. И она из-за этого травиться хотела...

«Галина... Откуда ты? Как ты все слышала... Господи! Что же теперь... А вдруг ты еще ничего не поняла? вдруг успокою? отговорю? разуверю?».

— Ты уж меня тоже прими в свою банду — верой и правдой буду служить.

Горькая улыбка, взгляд потухший, сдавленный голос... И никакой насмеш-

ки, никакой издевки ни в голосе твоем ни во взгляде — лишь горечь...

— ... тоже буду калечить и соблазнять по твоему приказу. Могу и убить и ограбить, если это тебе будет нужно...

— Галина! Подожди... Что с тобой? Какая банда? Что ты говоришь? тебе послышалось...

— Значит, тебя прозвали Артистом... Очень точно... Теперь понятно, отчего ты в церкви так бурно каялся... Просил Бога, чтоб Он спас тебя, от милиции спас? И еще вначале: «Вдруг я Сальери? Вдруг я уже кого-то отравил?» А я это сочла шуткой... Просто шуткой...

— Галя, но почему ты...

— А знаешь — я сама расскажу милиции о всех твоих делах. Думаю, еще не все там у тебя «схвачены».

— Успокойся. Зайдем ко мне, и я тебе все...

— Нет, Орлов... Нет, Артист... Больше ты меня не увидишь.

Истекают вдруг силы.... Одним толчком, одним выбросом улетают... Поздно. Все поздно... Ты не простишь и не поймешь... Надо самому было тебе все... А теперь... Ведь так и не смог... А сейчас... Никакие слова уже не помогут.

Опускаюсь как подкошенный на ступеньку. Зажигаю сигарету... Черные круги перед глазами сжимаются с шумом, втягивают в себя все краски и звуки, мир опрокидывается к ним внутрь, затягивается размазанной видеолентой...

Слова... Какие-то еще слова долетают уже снизу... Твои слова. Нет, звуки без всякого смысла... Как же это все... Ведь я же раскаялся... Дал обет исполнять... И уверовать.... Полюбить всех... Почему же...

Дверь хлопает внизу. Дрожь пробегает по стенам и окнам. Гулкое эхо летит вверх по лестничным площадкам... Нель меццо дель каммин ди ностра вита...

Да нет же! Ведь ты любишь меня?! Любишь? Еще не поздно догнать и успокоить!

Да, еще успею догнать, еще успею, еще не дошла ты до остановки, еще не уехала... Скорее же, скорее... Если уже поздно и ты даже говорить не захочешь, тогда... Вот — вот твой силуэт вдали между домов. Что это — с неба? Дождь... Первый в этом году. Ты ближе, ближе... Но не оглядываешься.

— Галина... Постой, Галина!

— Испугался?

Вдруг обернулась на миг, но не останавливаешься, — не смотришь в мою сторону — и идешь, идешь...

— Не бойся, Артист, не буду я на тебя никому заявлять... Кстати, в каком ты классе?

— Но что изменилось? Что? Ведь ты не какого-то положительного студента иняза любишь — ты меня любишь! Я-то — такой же и остаюсь, каким был! Что во мне изменилось?

— Нет, Орлов... Я любила твою маску, а не тебя.

— Да нет же, меня! Меня ты любила... И любишь. Да я уверен — ты завтра уже успокоишься и поймешь, что дело вовсе не в том, сколько мне...

— Конечно, не в том. Ты меня обманул — и я после этого быть с тобой не могу. Я больше не могу тебе верить ни в чем. Зачем ты меня тогда к себе на ночь привел? Сейчас я поняла, почему ты ко мне даже не притронулся — у тебя другая есть для этого.

— Нет у меня никакой другой. Все, что ты слышала там на лестнице — это и началось еще до встречи с тобой, и кончилось до встречи с тобой. И что тебе сейчас до этого?

Потоки грязной воды несутся по асфальту... Ветер хлещет в лицо ледяными струями.

— Чего бы ты мне теперь ни сказал, я больше не могу. Разве ты сам не понимаешь? Чего ты стоишь? Уходи... И не появляйся никогда.

Автобус. И ты входишь в него... Вот ты уже внутри.

Нет, последний шанс есть! Есть! Поеду за тобой. Тебе нужно время — остыть, успокоиться... Вдруг еще что-нибудь, еще как-нибудь...

Автобус ползет вверх — сидишь впереди и смотришь в окно. Не видишь, как стою у тебя за спиной. Или не хочешь уже видеть.

Вот сейчас сяду рядом с тобой, вот — сажусь... Оборачиваешься, смотришь на меня, но не в глаза, а так... Скользишь взглядом по мне, словно впервые видишь,

словно я — Каменный Командор или вовсе даже труп. И — молчишь.

— Сильный человек обречен творить зло. Из-за самой своей силы и свободы. Особенно в нашей-то стране! Сверху — тираны, снизу — холопы! И я не собираюсь отказываться или оправдываться. Или свою вину на кого-то сваливать. Потому я и покаялся. И дал обет Богу не совершить больше никакого зла. И раскаялся совершенно чистосердечно и бескорыстно. Никто меня к этому не принуждал, да и никогда не смог бы принудить.

Бросаешь на меня быстрый взгляд и снова отворачиваешься к окну. Те же улицы Старого Города пролетают мимо в потоках дождя — ничего не изменилось в мире, словно в насмешку. А Тысячи Солнц внутри меня обратились в черные дыры...

— И перед тобой раскаиваюсь.

— В чем же?

— Во всем, что скрывал от тебя. А открыть тебе этого я не мог — ты бы не поняла. Как и сейчас не понимаешь...

— Ты бы лучше пошел к тем, кого ты калечил, кого позорил, кого соблазнял, и покаялся бы перед ними... А я не Господь Бог — я не могу простить или не простить тебя... Заигрался ты, Артист. Все свои роли перепутал...

— Ты думаешь, я играл с тобой? Так я, по-твоему, с тобой играл... А знаешь, почему я не дотронулся до тебя той ночью? Ты ведь для меня была Спасительницей... Пречистой Девой... Как же я мог... И зачем...

— Понимаю... Я тебе нужна для высоких чувств, а еще одна — для разврата.

— Да нет же, нет! Я тогда как в тумане был... В бреду каком-то, в исступлении ума... Я молился на тебя! Как же я мог тогда вдруг подумать, что ты...

— Какой возвышенный духом романтик... Ты бы хотел, конечно, жить только душой, без тела? Ведь если в теле, то нельзя не любить других — они такие же живые, как ты сам, из той же плоти, так же болеют и страдают, и так же ждут любви и помощи... А для тебя твоя музыка и литература, и твои мысли, воспоминания, фантазии и переживания живее живых людей. Которых ты никогда не любил. Ты потому и склонен к религии, что ваш Бог тоже бесплотен, Он только одна лишь абстракция. Тем ты и страшен, Орлов... Падший ангел...

— Да, падший ангел... Еще одну мою тайну ты раскрыла... Я низвергнут с Неба сюда, к людям... Не знаю, за что... И я должен найти путь назад. Только ты и держишь меня здесь, на Земле.

— Нет, Орлов... Ты низвергнут сюда за свою гордость. Мы же все — шудры, а ты — Брахман. Мы недостойны тебя. А с собой ты никогда не покончишь — ты слишком любишь себя.

Автобус останавливается у автовокзала. Идешь к двери, не оглядываясь на меня, выходишь.

Спешу за тобой сквозь черный дождь, сквозь толпу, сквозь шум...

Ты уже у касс.

— Галина, не уезжай так.

— А зачем я тебе? Нет, не верю я тебе, Артист... Не верю и не верю... Будьте добры, один в Новый Город на ближайший.

— Я поеду с тобой, я тебя так не отпущу. Еще один в Новый Город, пожалуйста.

Кассирша за окном слегка улыбается и пожимает плечами:

— Все, молодой человек. Последнее место продала.

— Как — последнее? Найдите еще одно! Христа ради!

— Я бы с удовольствием...

Да что там — Христа ради! Взятка ей нужна, взятка...

Красная бумажка проползла в окно.

— Что так мало? Я только сотнями беру.

— Вот вам сотня!

— Молодой человек, вы нормальный или помешанный? Я же вам русским языком сказала — мест на сегодня больше нет.

Стоишь у выхода и смотришь на меня презрительно.

— Да, Артист... Ты, конечно, завидная партия... Подпольный миллионер! Теперь мне понятно, откуда у тебя столько денег... Иди, раздай всем десятки, сотни, тысячи — может, кто тебя и полюбит за них.

— За благородство меня полюбят, да? За милосердие? За тонкость духовную?

— Нет, Артист, ты прав, конечно, прав — только за деньги и силу.

— Да что мне деньги! Что мне — деньги? Хочешь — сожгу все эти деньги? Вот смотри — целая пачка... Сейчас зажигалкой вот так щелкну... Смотри — горят! Горят! Ну что же ты... Куда ты...

— Какой купеческий размах... Люди в нищете живут, а он деньги сжигает.

— Так что мне делать? Что? Скажи!

— Оставь меня в покое. Навсегда.

— Нет... Ты просто не понимаешь, что ты значишь для меня... Ни за что я не оставлю тебя! Никогда.

Но отворачиваешься, идешь под дождем к автобусу-экспрессу, дверь за тобой захлопнулась, автобус тронулся, разбрызгивая лужи...

— Подожди, Галина!

Догоню! Еще успею, успею догнать... побегу за автобусом... еще виден проблеск — край плаща, плечо за спинкой кресла, — сквозь грязное заднее стекло... еще можно остановить! зачем он уносится все быстрее, с каждым мигом все быстрее...

— Подожди!

И это все... Еще миг, и все — бетонная плита Неба рухнет на голову... Успеть камнем упасть под колеса, хоть этим остановить еще миг. Все быстрее — лишь взгляд сквозь стекло. Ты поймешь. Сжать себя в молнию, во вспышку и метнуться, схватить край железной машины зубами, схватить — и пусть поволочет по асфальту, протрет мясо до костей, и кости сотрет в пыль, тогда увидишь, тогда поймешь. Все быстрее — еще миг, еще рвануться в миг успею, схвачу, зацеплю железный край, собью руки, вырву ногти с мясом, переломаю пальцы, но схвачу. Ты поймешь. Не зверь же ты, не машина. Ты поймешь.

— Подожди...

Уже четыре дня с того холодного дождливого вечера, где только лужи и грязь, безлюдье, свинцовые тучи бетонной плитой над крышами, а перед глазами — на асфальте мокром — размывает дождь следы твоего автобуса...

Черная, выжженная дыра там, где блистали внутри меня Тысячи Солнц... И все эти дни ледяной ветер над грязными лужами сиротливо и пронзительно завывал в дождевых железных трубах, пока я странствовал бессмысленно по всему Старому Городу, заезжал вдруг на какие-то окраины, где никогда и не бывал доселе, крутился и крутился бестолково на левом берегу, на правом берегу, ехал к тебе в Студгородок, но не доезжал, понимая вдруг всю безнадежность и бессмысленность, возвращался, но снова ехал к тебе и снова возвращался, и какие-то девочки мне улыбались в трамвае, и зачем-то знакомился с ними, будто судорожно надеялся, что они помогут мне забыть тебя, но зачем-то записывал их телефоны, тут же ясно понимая, что не нужны мне эти девочки, что весь мир — ничто без тебя, а ты... но я их машинально куда-то звал, что-то им такое обещал, договаривался о чем-то, но тут же бросал их на полуслове и снова бессмысленно кружил и кружил по Городу, возвращался домой, но не мог пробыть и минуты в этих четырех стенах, где все мучительно напоминает о тебе — здесь мы с тобой фотографировались, здесь провели ночь, а вот здесь слушали музыку и танцевали в первый еще день наш, и снова порывался к тебе и приезжал уже в Студгородок, и входил в Храм твой Нечеловеческий, но вдруг не доходя до твоей аудитории садился там на подоконник и курил вместо того, чтобы встретить тебя, и не было никаких мыслей и никаких желаний, темный дымный туман застилал все внутри, тяжелые неотвязные чувства грузно ворочались в душе, и грохотавшие серые машины снова увозили меня от тебя по серому асфальту среди серых домов под серым небом.

8 мая 1981 ПТ 17.21 — зеленое электровремя над входом в Нечеловеческий Храм твой. Солнце, такое летнее, такое горячее, отражает меня в огромных стеклянных дверях. Впервые — отражает. Лето после трех дней глубокой осени. Или это знак мне? Все эти дни было немыслимо появляться перед тобой, а сегодня — уже можно надеяться на что-то?

И если напрячь до предела волю и выбросить из памяти эти четыре дня, то кажется — что изменилось? Те же двери, то же время на электрочасах... Те

же гранитные ступени, та же бурлящая толпа вокруг...

— Привет, Андрей. А Галя в четвертом общежитии, там, у нас.

Что это за девушки? Откуда они меня знают? Да, мы же с тобой были у них в то далекое утро, в то утро — помнишь? — где ты читаешь стихотворение твое: «...Качай же, Черт, качели! Все выше... Выше... Ах...»

Аллея вдоль стеклобетонных корпусов — вниз по бульвару, среди многолюдья, среди толчеи... Тысячи окон, тысячи окон — в каждом ослепительное солнце клонится к закату, висит в воздухе призрачное марево от нагретой сухой земли... Та же аллея... Как же горько это — в такой солнечный, такой теплый день, среди радостного многолюдья, среди смеха нести в себе черную яму вместо души, идти под этими улыбками как под палками... Будто злорадствуют они все надо мной! Само солнце злорадствует! Как ты можешь светить, когда я... Как ты смеешь греть... Самая изуверская адская пытка — отпускать в Рай, чтобы раздавила, расплющила душу сама мысль о возвращении назад — в котлы, кипящие смолой! И нет Милующего...

Корпуса и аллеи остались позади. Тропинка в маленьком саду. Редкие кусты... И не для нас с тобой они скоро зацветут... Не для нас...

Ты! Остановилась. Молчишь. Взгляд твой пристален и горек. Словно вспышка боли мелькнула вдруг. Будто ты не хотела бы замечать меня, но — невозможно не заметить. Чужой взгляд.

— Появился все-таки... А я уже и не ждала тебя...

И голос у тебя — не твой. И как сжимается эта черная дыра на месте сердца! Это уже не мы стоим друг против друга — не ты и не я...

— Почему же... Неужели ты думала, что я...

«Нет... Слова... Что — слова? Я — бесконечно чужой тебе. Беспредельно чужой. Я в глазах твоих — лишь напоминание, мучительное напоминание о том, кого ты любила когда-то.

Что же ответишь ты мне? Что ответишь? Если ты уже не можешь любить меня — конечно, не можешь... — то не прогоняй хоть из жалости. Я и на такую милостыню согласен».

— Ладно... Пойдем с нами, раз пришел. Мы сейчас едем в вычислительный центр — практика на ЭВМ...

Вот здесь, здесь, в этом сквере и пролетел тот наш вечер — среди космоайсбергов — здесь и были сказаны те слова, отсюда и ушли мы в ту нашу ночь лунную... И тогда еще были здесь остатки сугробов в темноте, и безлюдная тишина, а сейчас — летняя музыка в шуме толпы — все словно в насмешку над памятью того вечера...

Всего восемь дней — словно в иной жизни, до рождения... Сижу один и курю, а ты с подругами где-то там, в толпе, среди шума и музыки... Усадила меня здесь, у фонтана, как тряпичную куклу, вручила ваши сумки... И солнце из-за крыш еще светит на всех и согревает всех, и радуются все, смеются, к празднику готовятся... Я же — один, я — сам по себе, в себе и для себя замкнут в своей отдельности, в бронемумии своей — и нет мне ни до кого дела, и никому до меня дела нет... Я — лишний на этой планете... А рядом, за деревьями, ресторан, и оттуда летят обрывки музыки и смеха, там тоже все празднуют что-то и веселятся, и теплый ветер слегка колышет ветви старых тополей, и листья на них уже прорезаются из почек...

Черная дыра перед глазами, огромный черный ноль затягивает все в себя с воем и свистом... «По-о-оздно... По-о-оздно... По-о-о-оздно», — чудится в завываниях этих холодный металлический голос... Может быть, ты и простишь меня, и примешь меня, но не будет, никогда не будет уже того... Того... Уже все будет иначе, все — иначе... Виновный и прощенный, уже никогда не буду в твоих глазах тем, кем был вначале, в самом начале... Всю дорогу ты не сказала мне ни слова... Да и я ничего не сказал тебе.

А ты мечтала научить меня любви и радости! Внушала какую-то высшую святую истину! Где же она теперь, твоя святая истина? Что же ты не любишь меня, как прежде, и не прощаешь меня? Ведь я — твой брат, я — такой же человек, как и ты, — из плоти, из крови... Нет, ты права — я иной. Я — падший ангел для тебя, как и для всех на этой

планете. Она — родная для них, им и не надо ничего большего, все им кажется здесь естественным и понятным, родным и привычным... А для меня — самые законы жизни на этой планете — ложь и дьяволов водевиль!

Если все к лучшему в лучшем из миров, то ты должна была бы лишь радоваться такой редкой и блестящей возможности — направить заблудшего и грешного на путь любви, братства и истины, и взяться с радостью за просветление души моей... Вот тут-то твоя вера и рухнула!

Подруги твои прощаются с нами. И увлекаю тебя к ресторану — душу сводит судорогой — упиться, тебя упоить, безумно закружиться с тобою в дьявольском пьянящем вихре под надрывный электровой, броситься головою вниз в кипящий этот шквал и тебя за собою увлечь, утянуть на дно водоворота, и тогда... тогда, знаю я, знаю — огненный смерч расплавит души наши, тогда вырвет ураган в душе шлюзы, и на тебя хлынет поток слов моих обжигающих, и не устоишь перед ним, не устоишь! не устоишь!

Но ты — не хочешь, нет, ты вовсе не хочешь этого, ты боишься, ты чувствуешь, что будет, чуешь нутром — отказали у меня тормоза, и несет меня безудержно невесть куда... Туда, откуда возврата уже не бывает, где от взрыва рождается вечный сплав, нерасторжимый, неразъединимый, и тогда — подползти, лечь грудью на край пропасти и — смотреть, смотреть туда, вниз, вниз... а потом перекреститься — прыгнуть... такая минутка... такая минутка — и к черту всю жизнь ради минутки такой, душераздирающей, величественной и прекрасной, как удар девятого вала в грудь гранитной скале...

Ты боишься, боишься, ты говоришь какие-то детские слова, какие-то глупости, глупости, глупости, но что мне от них?! Все! Я уже тот — тот — из Эпохи Вызова Фатуму! Тут уж... или ты губишь меня навсегда, или — я тебя... или друг друга губим!

И опять твои слова, слова, слова — ты боишься меня, ты ни разу не видела меня такого — до-Зосимовского... И опять — глупости, глупости, глупости — ты не хочешь, чтобы нас впустили через взятку, ты не хочешь, чтобы мои друзья (ха-ха! будто есть у меня они!) разглядывали бы тебя оценивающе, ты еще что-то такое говоришь, наивная девчонка, но я соглашаюсь, и мы идем в один ресторан, в другой, в третий, и нигде нет мест для нас, и нигде не ждут нас и не выбегают навстречу, и никому мы не нужны! И я смеюсь, смеюсь над тобой неудержимым, демоническим каким-то хохотком — вот! вот! Где твоя братская любовь между людьми? Кто кому нужен без Денег? Без Власти? Без Силы? Кому?! Богу и Духу, которых нет?! Ну? Или добро творить? Ха-ха... Добро творить... над сирыми и убогими сопельки распускать? Иди! Иди к униженным, иди к обиженным — заберут они у тебя все и тебя же прибьют, как каторжники Дон-Кихота...

Отворачиваешься, уходишь, гонишь меня в исступлении каком-то отчаянном, а я не ухожу, я издеваюсь над тобой снова и снова.... и сам над собою издеваюсь... Я безумно, безумно люблю тебя — и ты, безумно красивая, безумно гордая — не моя теперь... Ноль я для тебя... Снова издеваюсь над тобой и сам над собой издеваюсь...

Вдруг заскакиваешь в трамвай — я за тобой. Продираешься сквозь толпу внутри. «Думаешь, отстану, потеряю? Ни за что!» Увидела! Выскочила на остановке. «Думаешь, не успею за тобой и дальше уеду?! Успел! Никуда не скрыться тебе от меня! Ты снова будешь моею! Моею! Хочешь ты того или нет... Уж теперь я тебя спрашивать не стану... Плати по векселям!»

Снова в трамвай — и ты уже обессиленная какая-то, сломленная, будто уже готовая ко всему... Едем через мост над рекой к вокзалу, и Город уже тонет в сумерках, а крыши и верхние этажи светятся еще в последних багровых лучах так пронзительно — аллегро нон мольто — смычком по сердцу! — и горит, горит душа — уходит день, последний день наш — рухнуло все, и сам рушу, сам добиваю последнее, сам топчу, святыню свою, идеал свой неземной, надежду свою и спасение — на что оно мне теперь... Но кто дал тебе такую власть

над душой моею?! Зачем?! Зачем это...

— Ничего не надо! — шепчу тебе страстно, и голос мой улетает и бьется под высокими вокзальными сводами.— Мир наш — пузырь внутри бескрайней скалы, и солнце — с копеечку, а та сторона у него — черная... Вот и все... Вот и все. А мы все роботы, и какой-то дьявол всадил нам программы еще до рождения — вот и плетем о всяких богах, духах, идеалах, добре, красоте, любви — а это не наше все, не наше — это программа нам нашептывает, это эксперимент они над нами ставят, понимаешь?!

И вдруг доходит кипящий огонь в душе до последнего рубежа, и взрывается что-то и рушится, и словно ледяной ливень вдруг окатывает — плачу, падаю на колени пред тобой, целую твои запыленные туфельки, прошу прощения за все сквозь слезы, и снова плачу, и горло судорогой сводит, а все смотрят на нас, смотрят, смотрят...

— Как же я любила тебя, как же любила... А ты все разрушил... разломал...

И убегаешь вдруг от меня по гулкому пустому тоннелю, и эхо шагов моих летит за тобой, выскакиваешь наверх, в темноту, электричка трогается, вцепляешься в поручни, и я из последних сил вцепляюсь на ходу...

— Не уезжай! Поедем ко мне! Поедем! И никогда уже не расстанемся... ни на день... я люблю, люблю тебя до безумия, до смерти...

Во тьме пролетают какие-то мосты, стальные стволы, заборы с колючей проволокой, прожектора, ветер отрывает нас от ступеней, электропоезд бешено несется сквозь ночь, а ты вцепилась в ручку двери, и не можешь открыть ее внутрь — ты ничего не отвечаешь мне, ничего не отвечаешь!

— Что ты молчишь?! Что ты молчишь?! Ты ненавидишь меня?! Так сброшу тебя сейчас головой на рельсы, чтобы ты насмерть разбилась, и сам за тобой брошусь! Не хочу без тебя жить! Не могу без тебя, не хочу жить, не хочу...

Отдираю твои пальцы от ручек — сейчас сброшу тебя, и сам и сам...

А ты кричишь, кричишь от страха, но колеса грохочут по железному мосту над черной рекой, и ветер свистит — никто не услышит, никто не спасет уже тебя...

И вдруг последним каким-то усилием толкаешь дверь, и открывается, и ползешь грудью по полу, отбиваешься, от меня, вцепляюсь в притолоки, и дверь плющит пальцы, но не чувствую, а ты вдруг... вдруг ты сама втягиваешь меня в темный грязный тамбур, садишься на полу и меня усаживаешь, и вдруг прижимаешься к моей груди...

— Андрюша, милый, хороший, добрый, пожалей меня... Не могу я сейчас с тобой... Сейчас не могу, понимаешь? Понимаешь?

И не можешь уже говорить — плачешь, плечи трясутся, спрятала лицо у меня на груди...

Вагон бросает из стороны в сторону, грохочут колеса и буфера, ветер бьет в лицо из раскрытых болтающихся дверей — мы сидим на полу и плачем, и целуем друг друга, и прижимаемся друг к другу из последних сил...

— Галенька...

— Андрюша... Завтра... завтра... хоть с утра приезжай... не могу я... остановка будет — выходи... поезжай домой... не могу я...

Цветные огни вспыхивают и уносятся, скрипят тормоза, асфальтовая лента несется у ступеней все медленнее, медленнее...

— Выходи, Андрюша, выходи... Старый Город — Сортировочный... уезжай... завтра... завтра жду тебя...

— Нет, Галенька, я без тебя не доживу... я... не знаю, что со мной будет.

— Ну, пожалуйста, Андрюша, пожалуйста... пожалей меня...

Да... конечно... надо выйти, зачем теперь...

Уходишь в пустой вагон, садишься у окна, закрываешь лицо руками... Что-то свистит, вагоны трогаются, иду за тобой, иду, иду, вот уже и бегу по пустому перрону, вагоны набирают ход... Господи! Зачем вышел?! Зачем вышел?!

Поздно... Кончается перрон, и уносится вагон твой вперед... вот и последний вагон, сверкнул красным огоньком: «Дальше пути нет тебе».

Хоть бы один человек был на этой станции...

Бреду куда-то в темноте, и ветер крепчает, и пыль несется, и холод заползает под рубашку... Какой-то заболочен-

ный парк. Запинаюсь за кочки, хлюпаю по воде, чуть не падаю. Это же детский парк Старого Города! Сюда, сюда привозили меня мать с отцом, когда еще не развелись, еще до той весны семидесятого... Качали меня здесь на качелях, крутили на карусели, потом вели на станцию в буфет, угощали всякими сладостями... Когда же это было-то?! Когда?! Сколько эпох, сколько эр минуло? Почему не смог я остаться навсегда там, где вы еще любите друг друга и меня, где я держу вас за руки — обоих... Почему так вышло, что должен жить сейчас — вот такой — в таком вот мире... Нет... Мир — это где мирно... А это все... твой адрес в Новом Городе — микрорайон 6-А, дом 28, кв. 77 — номер ячейки, куда укладывают робота на ночь для перезарядки аккумулятора... КОМПЬЮТЕРВЕЛЬТ — вот что это такое... КОМПЬЮТЕРУОРЛД... И никуда не деться от него.

Ветки хлещут по лицу, ветер бесится, несет прошлогодние листья и траву... Это твое «завтра» — лишь от страха. За себя и за меня. Лишь от страха. Ты думала, будто не понимаю я...

Ограда наконец-то... перелезу... проспект такой пустой и темный в тишине, ветер, ветер... «Жигули» под окнами брошены... Сейчас угоню их...

Такси притормозило за спиной.

Сижу в темноте на заднем сиденье, и машина летит по пустому безлюдному проспекту, ветер воет в темноте за стеклами, а где-то мчится твой вагон, и там на полу грязного грохочущего тамбура невидимо бьется в последних предсмертных судорогах последняя надежда моя. Не умирай! Я сроднился с тобой! Не умирай...

Такой тяжелый гаечный ключ рядом с таксистом... Если им хорошенько навернуть по затылку... А потом выкинуть тело, — сяду за руль — и по шоссе к Озеру... и пусть гонится кто угодно, что угодно... разгонюсь до последнего — рвану руль — и под откос, на скалы...

Отец уже спит. И бабушка спит. И все соседи спят. И весь Компьютервельт. Надежда еще судорожно корчится там, в тамбуре вагона твоего... И если вдруг твое «завтра»... вот если завтра сама придешь... нет, нет, конечно же, ты не придешь...

Взять эти ампулы с дистиллированной водой, развести этой водой пакетики с белым порошком в пропорции 1:5 — получится дьявольская доза, летальная доза...

Если приеду к тебе завтра, то ты, конечно, из страха или из жалости... но зачем мне — чтобы ты из страха или жалости...

Не приедешь сама — знаете, что я тогда сделаю, вы, роботы из мяса и костей? Приготовлю эту адскую смесь, вколю — и в мир лучший. Которого нет.

Все как всегда здесь — только белых «Жигулей» Поля почему-то нет на месте. Вместо них стоит чья-то черная «Волга». Странно это — не может он не приехать сюда в воскресенье. Впрочем, может быть, он приехал на машине кого-то из своих друзей... Был бы Шеф на месте! Увижу тебя, Гениальный Человек, и попрошу Шефа отдать тебе эту дьявольскую пачку «Рэнглеров». Тем более, мне почему-то кажется, что вы знакомы. Оба бываете здесь из недели в неделю уже не один год, так что знаете друг друга хотя бы визуально.

А вы, Сергей Петрович, конечно же, встретите меня своей обычной улыбкой, и вы, наверное, давно уже забыли, как толкнули меня тогда к ней, Царице Земной: «Она примет тебя всего как есть». И понять ли вам, что я пережил за эти дни? Ощутить ли вам, что со мною было вчера, когда ждал ее, а она не приходила, и черная дыра в душе разрасталась уже сверх всяких пределов, и сам уже проваливался туда, запрокидывался туда, и выходил уже из дома, чтобы самому, самому поехать... но снова возвращался, и снова ждал, и снова порывался бежать из нашего Старого Города в ее Новый Город... и уже пропало чувство себя, уже не мог понять, осталось ли что-то во мне от меня, или то, что было невесть когда мною, есть теперь лишь бездонная черная яма, и ничего более, черный ноль, раздираемый какой-то уже запредельной болью, тонущий в бездонном, беспредельном уже отчаянии. а за окном шли люди, они смеялись и говорили, как всегда, как из года в год и из века в век, и не было им никакого дела

до меня, как не было им никакого дела и до тебя, и я просил их без слов в какой-то мучительной надежде: «Снимите с меня эту боль, избавьте от этого дьявольского черного вакуума, освободите...» — но они не слышали ничего, эти существа, да и не могли услышать, конечно же... и тогда... тогда тихо-тихо появилась вдруг из неведомой бездны и поползла вначале тоненьким лучиком, но потом все более и более набирая силу, стойкая волна мысли, обрывки каких-то неясных картин закружились вихрем перед внутренним взором: вспомнил! Вспомнил ваши слова о первородном грехе, о генной памяти потерянного Рая в глубинных слоях наших душ, о нашем Небесном Отечестве... Горячечные судороги пульсировали в памяти, и из хаоса, из мучительной тьмы начало вдруг проступать искрящимся светом: «Вы с ней проникли в тайну! Мы все здесь — небоизгнанники! Мы — падшие Ангелы, пленники Адамова греха! Потому-то мы и не можем приспособиться к этой проклятой планете! Где все словно нарочно устроено, чтобы мы кружились в заколдованном замкнутом круге: все силы уходят только на то, чтобы не умереть от голода, холода, жажды, не быть убитыми врагами и продолжить род... Вот оно, наше проклятие! «В поте лица твоего... Тернии и волчцы произрастит она тебе». Мы, люди, предназначались для жизни по каким-то совсем иным законам, мы должны были жить бессмертными, без болезней и старости, без войн и преступлений, мгновенно переноситься на любые расстояния в пространстве и времени, быть всеведающими и совершенно безопасными друг для друга... Но там разразилась какая-то катастрофа, нам сейчас даже не понятная... Мы вступили в сговор с силами Космического Зла! Ясно ведь — яблоко с Древа Познания, Библейский Змий — это лишь символы... Вот мы и оказались закинутыми сюда на космическую каторгу! На перевоспитание и исправление... И я всегда будто смутно помнил о нашем потерянном Небесном Отечестве и бессознательно стремился туда всей душой, а потому и так судорожно ненавидел все земное... А все люди на земле, почти поголовно все — напрочь забыли о том Отечестве нашем. Потому я им всегда и казался каким-то выродком! Существом иного, неведомого порядка... Даже мать и отец мои бесконечно чужды мне, как и я им, и сколько бы не пытался найти хоть с единственным человеком на чужой этой планете хоть что-нибудь общее — все напрасно! Человек среди роботозверей... Или падший ангел среди «людей», если такими и должны быть люди, как эти вот все смеющиеся под окнами пьяные полудикие существа, забывшие в себе Образ и Подобие Божие...

И тут же подумал о вас, Шеф. Вы — единственный человек, понимающий, почему мы все здесь, на земле. Вы-то помните, откуда мы изгнаны и за что... Вы же и начинали тогда говорить со мной об этом, но я плохо слушал вас, не понимал вас, думал о своем... Да и не смог бы тогда вас понять, если бы даже и захотел...

Вот и эти два года, все два года — заранее обреченные усилия подделаться под аборигенов, насмерть забывших о небесном изгнании, подстроиться под их понятия, приспособиться к ним, чтобы как-то выжить среди них, вот что это было — вы не ошиблись. Это и было добровольным рабством. И не у каких-то именно людей, — у самого этого приспособления к земной жизни, к царству мира сего. И мне-то казалось, конечно же, будто не я под них подделываюсь, а их под себя подделываю... Наивное ослепление! Новый иллюзион!

И сколько сил потрачено... И сколько времени утекло... Все напрасно.

Новый луч замерцал из глубин... Если мы жили там до рождения, то не каждый достоин оказаться там после смерти. Бабушка, ты говорила мне с незапамятных времен: самый тяжкий, самый смертельный грех — самоубийство! Вот оно — объяснение все! Ведь там — беспредельно лучше, чем здесь! Потому нас туда и тянет, потому и спрятано в нас желание поскорее оборвать эту земную трагикомедию, чтобы вернуться к подлинной жизни... Но тут самая главная тайна! Самая великая! Через самоубийство не уйти! И одним своим желанием не вернуться! Ведь это Бог решает, кто достоин возвращения, кто — нет. Надо что-то такое развить в себе и с этим жить, что-

бы после смерти естественным путем попасть... Через покаяние и еще как-то...

Так не с этой ли величайшей Тайной и приходил на землю Христос?! Чтоб нам эту Тайну открыть и вытащить нас из грязной ямы под названием земная жизнь?! Ведь не ради же того Он приходил, чтобы научить нас любви к Богу и ближнему? Этому до Него еще Моисей учил, и Будда, и Заратустра... Это словно необходимое условие возврата, но не достаточное. Он Сам должен был стать Человеком Иисусом, чтобы первым из людей пройти этим путем возврата, и только после Его мук, смерти и воскресения этот Путь мог открыться нам... Почему Он и говорил: «Я — Путь».

А эта Тайна Пути в Небесное Отечество хранится в Церкви. И не каждому ее откроют. И не сразу. Да и сами-то они, очевидно, не все ее знают... Недаром же херувим с огненным мечом охраняет Древо Жизни в Раю! Вот эту Тайну Пути и надо искать! В ней вся Истина!

А шприц с ампулами и порошком так и лез в глаза, так и звал взять его в руки, а там уж... Если Тайна Пути Христа — новое мое ослепление, то лучше вовсе не жить...

Уже был он в руках, уже перетягивалось предплечье, чтобы выступили вены — и тут, в какую-то долю секунды неощутимую — вспыхнуло вдруг: к вам! К вам! Расскажу это все, раскрою душу до дна — вы это понять должны. Непременно должны. И никто, кроме вас. И если вы это поймете, тогда...

Тогда я начну все сначала, с нуля, все иначе. Дойду до Геркулесовых Столпов, изучу всю библейскую премудрость, дойду до самого дна, поднимусь до самых высот.... Ведь все те, кто прошел этот Путь вслед за Христом, оставили же нам какие-то вехи и знаки... Чтобы мы не заблудились, чтоб не сбились с этого Пути, чтобы не упали в пропасти и не захлебнулись в болотах, проходя этим Путем. Где-то это все должно же было остаться для таких, как я, или вы, Шеф! Пусть неявно, пусть зашифровано, пусть спрятано в каких-нибудь символах и знаках — мы найдем. Расшифруем. Раскроем. Да и Сам Христос разве не будет помогать нам в этом? И тогда...

А пока буду жить тихо, честно, скромно и незаметно, только бы никто не мешал... Оставлю себе лишь мелочь какую-нибудь, чтобы только жить свободно и независимо, чтобы никто не смог мне помешать в этих поисках...

И пусть пройдут годы и годы... Но раньше или позже проникну в Тайну Христа, и тогда все переменится... И встречу тебя снова, девочка-женщина, а ты сама тоже будешь уже иной, и ты примешь меня тогда всего как есть — и мы, может быть, мы скроемся тогда куда-нибудь... в одинокую избушку в тайге или на безлюдный остров, и еще пройдут годы, и Бог откроет нам Высшую Истину, и мы вернемся туда, откуда низвергнуты...

Так и сидел вчера со шприцом в руке час, и другой, и третий... А сегодня утром решил — поеду сюда, найду вас здесь и скажу вам все. Как вы скажете, что мне посоветуете — то и буду делать, так и буду жить. А Полю отдам через вас эту проклятую пачку «Рэнглеров», провалявшуюся столько дней... И отдам вам конверт вот этот с пятью тысячами — вам они нужнее. А не возьмете — часть себе оставлю, часть — нищим раздам.

А то покаяние в храме... Лишь сейчас понял — ведь не покаялся тогда, нет. Только просил Бога простить меня — страх это был, а не раскаяние. Да к тому же еще и пытался будто бы договор с Богом заключить — «Ты меня не наказывай, а я буду — за это — исполнять все Твои заповеди». Это и есть то самое фарисейство, какое всегда ненавидел в других. Только тут оно было по отношению к Богу, а не к людям... И ты права была — надо съездить к Элен, к Зосимовой, к Степанову покалеченному, к Кэт тоже... И постараться все исправить. Если еще можно исправить и искупить... Но хоть что-то наверняка можно же! Хоть что-нибудь... И покаяться перед каждым.

Та же торговля тряпками идет за бескрайними рядами деревянных прилавков, так же спорят о ценах, торгуются, ругаются...

Вот и вы, Шеф. Разложили уже свои фолианты. И, как всегда, никто и не подходит к вам.

— Андрей? Куда же ты исчезал? Я ждал тебя все эти дни...

— Я попал в десять процентов...

— Вот что... Понятно.. И виновна в этом она?

— Да в том-то и дело, что нет... Я привык всю жизнь обвинять кого угодно, только не себя. «Сволочи-де, фарисеи — да как вы только могли устроить из жизни такой вот дьяволов водевиль?!» Но только сейчас я и понял: окажись я на месте любого из них, вышло бы точно так же. Точно так же! И чего бы мы ни начинали — для самих же себя — тут же все сами и испортим... А уж если для других — там и говорить нечего... И все я не мог понять этого странного догмата о первородном грехе... И только сейчас, только сейчас... «Адам, кто сказал тебе, что ты наг?» Слаб человек, глуп, гадок от рождения и отдан в жертву какой-то невидимой темной силе... И это каждый... И я.... Да и вы. Все, все поголовно. Роботы мы. В нас до рождения еще вставлены какие-то программы и гонят нас... И мы не знаем о них ни черта, и выдрать их из себя не можем. Мир — театр. Люди — актеры. Это так и есть. Мы — марионетки дьявола. А вот как спастись от его власти — тут Тайна. «И Слово было плотью, и обитало с нами, но мир не познал Его».

Молча слушаете, смотрите куда-то в сторону, словно о своем думаете.

— Сильно же тебя прижало, если ты это вдруг понял.

— Только ли это... Ведь не поверите — я покаялся неделю назад. И причастился. И со мной случилось то, о чем вы рассказывали в последний раз — необычайное просветление, небесное блаженство, беспредельная любовь ко всему живому и неживому... Но чем кончилось? Это я сейчас понял — каялся я не от души. От страха. Как утопающий за соломинку... Но когда все рухнуло — я проклял Бога. И что вот мне делать? Сейчас-то? Сейчас-то простит ли меня Бог за все? Да, может быть, Бог меня теперь не должен прощать...

— Бог все простит. Но покаяться всем сердцем, не лицемерно — это наука наук, искусство искусств. Этому научиться очень не просто... Я и сам не могу похвастаться...

— Все же простит, вы сказали... Но дело ведь не в покаянии — это только первый шаг. А дальше? Вот тут и вопрос — дальше... Положим, начну я жить по-христиански — «не стяжай, не суди, не гордись...» Если бы нам с вами уехать на необитаемый остров, чтобы там никто не смог нам помешать... А так? В этом вот мире? Куда его деть? Его ведь за скобки не вынесешь. Нас просто передавят по одному все эти сильные мира сего. Аборигены земли, забывшие Небесное Отечество.

— Чем больше Бог любит человека, тем сильнее страдания ему посылает. Нет иного пути для зверя стать человеком, для человека — ангелом... А принять этот путь, тем более в наше время... «Узок путь, ведущий к спасению». Впрочем, ты сам это хорошо понимаешь.

— Понимаю... Прекрасно понимаю. Но где найти силы идти этим путем и не упасть, не свернуть, не отречься, не вернуться назад?

— Сам Бог и поможет. Но поддержит только тогда, когда ты уже падать будешь. Иначе все было бы слишком просто... Это дьявол хочет нашего рабства. А Бог ждет свободного выбора и свободного усилия. Не страх Ему нужен, не угождение...

— Так это и есть самое трудное — избрать «благую часть Марии»... Полное подчинение — и при этом с полной свободой! Сколько я христиан видел — это было только угождение Марфы... Это тупик! Заклинать себя: «Я — раб! Я — раб!» Они никогда не понимали этих слов: «И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными»... Или это фарисейская праведность, готовая вешать, расстреливать и сжигать всех еретиков, безбожников и язычников. Вот и получается: я могу нафантазировать черт знает чего, но буду считать, что обрел Высшую Святую Истину... Сколько раз так со мной бывало... Вообще не видеть над собой ничего высшего — это жизнь скота или робота. И вот появляется что-то высшее — и сразу на колени перед ним, осанну пою. Потом проходит время, глаза раскрываются — и вместо осанны — анафема. И говорю тогда сам себе: нет вообще ничего высшего. Не перед кем и не перед чем преклониться. И оста-

ется перед самим собой преклониться. Самого себя обожествить. А это тоже тупик.

— Помнишь, кто сказал: «Чтобы жить честно, надо все время ошибаться, падать, биться и мучиться, и снова вставать и идти, и снова падать...»?

— Лев Толстой. Который — «добро творить...» А сам крестьянок своих совращал, в карты резался на тысячи, Тургенева чуть на дуэли не убил... Мне бы так «ошибаться и мучиться» — с миллионами, со всемирной славой... Не знаю, не знаю... Запутался я вовсе... Дух... Мучения... Прозрения... Да, может быть, капля счастья больше, чем бочка Духа? Недаром ведь христианам приманка дана — загробное блаженство и воскресение плоти для бессмертной жизни... Где гарантии, что человек спасает душу из любви ко Христу, а не для своего личного блаженства в раю?

— А это любой человек сам увидит. Если для себя, то у него духовная жизнь пойдет криво. Он никогда не сможет стяжать благодать Святого Духа.

— А дьявол разве не может подсунуть ему свою благодать?

— Может. Так и бывает очень часто. Но это сразу будет видно. Если человек стал вдруг считать себя безгрешным — это дьявольская благодать.

— «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...» Так тогда сейчас почти все поголовно и находятся в этой дьявольской благодати.

— Да, это так и есть. Живем в предпоследние времена.

Что вы за оптимист... Ничем вас нельзя с ног сбить... Мир гибнет? Это предсказано, это закономерный процесс! Люди безумствуют? Так и должно быть! Путем Христа пройти почти невозможно? И не должно быть легко! Православие продалось большевикам, католики — златому тельцу, протестанты вообще заблудились? Не беда, спасемся! Людей любить нельзя, они скоты и роботы? Все равно будем любить и сносить их пинки и плевки! По-язычески угождать Богу и отрицать себя — рабство? Мы будем свободными! Так будем тогда вообще свободными? Но не станем нарушать заповеди! Да это что же такое... Или я с ума схожу? И ведь не лицемер же вы, Шеф, не фарисей... Иначе стали бы вы со мной вообще дело иметь... Вы бы тогда сказали: «Катись отсюда, безбожник! Ты от Христа отрекся, Бога проклял, заповеди исполнять не хочешь, все отрицаешь как нигилист и еще мне мешаешь жить в Святом Духе!» Но в вас нет и тени этого осуждения... И тени иронии... Нет, одно из двух — или вы сумасшедший... или... святой!!!

Отдам сейчас вам эти пять тысяч, и делайте с ними, что хотите. Я знаю — вы не злоупотребите ими. А уж я... я буду жить, как вы... Хотя... Хотя...

— Постойте, но ведь они-то нам не дадут!

— Кто же?

— Да вот эти — зверороботы, биомодули, щудры. Они же аборигены здесь, их — миллиарды, а нас — по пальцам пересчитать.

— Напрасно ты беспокоишься. Мы помогаем друг другу. Силой молитвы. А молитва — тверже алмаза. Ее ничто не может сокрушить, если Бог ее принял. Бог может даже из ада человека спасти за молитвы его ближних.

— Сергей Петрович, возьмите меня к себе в ученики.

— А ты и так уже мой ученик.

Вот сейчас только вы и улыбнулись.

Может быть, вы все это как-нибудь заранее предвидели или даже знали. Потому и ударили меня тогда прямо в душу: «Ты — раб!» и к Галине меня тогда толкнули... и, кажется, сказали что-то такое тогда — при любом-де исходе, благополучном и неблагополучном, это пойдет лишь на пользу твоему духовному развитию... И оказались правы... Да, отдам вам эти пять тысяч.

Несмелое солнце светит сквозь облака словно сквозь белый плафон. И люди вокруг, эти вот люди, толкающиеся вокруг прилавков, видятся вдруг как-то странно... Времена Авраама и — сейчас... Все то же. Сыны Авраамовы создали компьютеры и реактивные башни до Неба... Тот же эксперимент. Адамово проклятие... «Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил...» «И стан Израильский предаст Господь в руки Филистимлян...»

— Сергей Петрович, я хочу подарить вам эти пять тысяч, чтобы...

— Молодой человек! Можно вас на пару минут? — Голос из-за спины.

Трое. Одному под сорок, двум другим около тридцати. Все прилично выглядят, и лица довольно благообразные.

— Да. А что вам угодно?

— Так... Нужно одну небольшую формальность выяснить.

— Какую еще формальность?

Отходим от прилавка немного в сторону, один вдруг подхватывает мою сумку, заглядывает в нее:

— Твои джинсы?

— Да в чем, собственно, дело? С какой стати вы...

— Сейчас мы с тобой съездим в одно место... Там все поймешь.

Один из молодых вынимает красную книжечку с золотыми буквами и гербом: инспектор по борьбе с хищениями соцсобственности старший лейтенант Криворотенко.

Ну и фамилия... Позднее зажигание у вас, господа полисмены. Раньше-то вы куда смотрели, пока я тут бизнес раскручивал? А теперь с меня взятки гладки. Я завязал.

— Так твои джинсы или нет?

— Нет. Я их привез только отдать.

— А чьи же?

— Одного моего знакомого.

— Поля Бельского.

— Ну да. Бельского. Так в чем же дело, вы мне объясните?

— Ты не волнуйся. Все в порядке. Сейчас съездим к нам в райотдел...

— Да зачем это еще мне с вами ехать?!

— Я же говорю тебе — одну маленькую формальность исполнить.

Шеф стоит рядом и молча наблюдает.

— Я с вами не прощаюсь, Сергей Петрович. Скоро вернусь.

Киваете и ни слова не говорите.

— Все. Поехали скорее, — Криворотенко берет мою сумку и направляется к выходу вместе с двумя другими. Делать нечего...

Неужели Поль засыпался? Отчего и «Жигулей» его сегодня нет... И почему эти «Рэнглеры» их заинтересовали... Как вещественное доказательство, как улика? Но не украл же их Поль... Или кто-то из его друзей завалился, а он — лишь свидетель? Тот, у кого он эти «Рэнглеры» доставал? Или это Степанов? Они ведь говорили тогда, что он на нас заявил... Значит, и на меня тоже... Или что-то стряслось с Элен? Незаконное хранение наркотиков без цели сбыта... С Зосимовой? Нет, их бы тогда «Рэнглеры» не интересовали... Так что же?

Господи, зачем протянул столько времени с этими «Рэнглерами»... Две недели пролежали... Но до них ли было, когда тут все с Галиной...

Выходим за ворота. Милицейские «Жигули» у самого входа с включенным двигателем. Криворотенко устраивается на заднем сидении, другой подталкивает меня вперед, потом садится сам, и оказываюсь зажатым между ними. Сорокалетний усаживается с моей сумкой рядом с водителем. Какая честь, подумать только! Сопровождают как особо опасного международного гангстера... Что это все может значить? Неужели они приехали специально за мной?

Та старушка у забора — как всегда, на своем месте. Не успел сегодня подать ей... Но ничего, вернусь и подам, она еще долго будет сидеть.

Машина медленно выруливает среди толпы. А старушка вдруг встает, опирается на палочку и идет к машине... Что это? Она же слепая... Словно вдруг увидела, как меня увозят, и хочет что-то сказать, что-то сделать...

Сорокалетний раскрывает сумку, пересчитывает упаковки.

— Та-ак... Фирма «Вранглер», двадцать пар... Все верно, все верно...

— Что верно? Вы объясните, наконец, что происходит, или нет?

— Советую тебе чистосердечно признаться и раскаяться. Это уменьшит твою вину.

— Какую еще вину? Я никаких преступлений не совершал.

— Все так говорят, Орлов. А ты подумай лучше. Может, и вспомнишь.

— Да что мне вспоминать-то?! Нечего мне вспоминать, я вам уже сказал.

— Не хочешь — тем хуже для тебя.

Молодые по бокам молчат. Лица непроницаемые. И фамилию мою знают. Совсем пропал... А вы-то, Сергей Петрович... Грустно улыбнулись и руками раз-

вели — ничем-де помочь тебе не могу... Говорил же — раздавят они нас, эти аборигены... А вы, что же вы?! Или не понимали, что происходит? Положим, я и сам не понимал, но ведь вы в сто раз проницательнее меня и дальновиднее, в чем убеждался я не единожды...

— Ну что, Орлов? Так и не сознаешься?

— Может быть, вы меня незаконно задержали? Не вменили мне ничего в вину, а уже считаете задержанным и угрожаете. А заодно объясните мне, почему в загнивающих капстранах можно приглашать адвоката с момента задержания, чтобы он присутствовал при первом же допросе у следователя, а в нашей процветающей стране это не практикуется?

— Так тебе не нравятся наши советские законы? Ты еще и антисоветчик? Нет, Орлов, глупо ты себя ведешь. Очень глупо.

Все, приехали. Сен-Симона, 12. Ленинский РОВД. Ведь здесь служит крыша Поля — Шахнович! Майор Георгий Борисович Шахнович... Вот он-то мне и поможет... Только бы оказался он на месте...

Оба молодых аккуратно скручивают руки за спину. Что-то колени у меня слабеют... Как те четверо в свое время Степанова вели к телефону под конвоем...

— Да я же не собираюсь бежать...

— Все говорят, Орлов. Даже махровые рецидивисты.

Сорокалетний шествует впереди, молодые волокут меня на второй этаж. Коридор, поворот, дверь с красной табличкой «Г. Б. Шахнович»... Черт побери, да мы прямо к Шахновичу и идем! Крупная он тут шишка, не иначе...

— Я хотел бы видеть Георгия Борисовича Шахновича.

— А зачем он тебе? — сорокалетний садится за стол. Сзади — сейф. Над головой — портрет Дзержинского. Рядом — портрет Брежнева в орденах. Напротив — портрет Ленина. Роется в столе, ищет что-то.

— Вы упоминали Бельского — майор Шахнович с ним знаком.

— Это я и есть — Шахнович. Так что ты мне хочешь сказать?

Если ты, Шахнович, меня и брал, тогда...

— Вот, Орлов, читай.

Следователю Ленинского РОВД от Бельского Павла Эдуардовича, проживающего ул. Карла Маркса, 120, кв. 66.

Заявление

Прошу принять меры по отношению к Орлову Андрею Александровичу 1963 г. рождения, проживающему ул. Советская 165, кв. 73, похитившему у меня 26 апреля 1981 г. двадцать пар джинсов «Рэнглер» на сумму четыре тысячи четыреста рублей.

27 апреля 1981 г. П. Э. Бельский

— Послушайте... Да это же клевета... Он мне их сам дал, чтобы я...

— Ну?

Шахнович отрывается от пишущей машинки и смотрит в глаза. По верху листа жирные буквы: ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ.

— Чтобы ты...?

— Чтобы я...

Господи, что же ему сказать... Чтобы я их продал? Нет, нет, не продал, конечно же, не продал, а я их... обменял... нет, не обменял... подарил....

— Вот видишь, я же говорил тебе — сразу признаваться надо было. Короче, так и запишем — обвиняемый в краже сознался.

— Да нет! Не крал я у него ничего! Да с какой стати...

— Выложи все на стол из карманов.

Бесполезно сопротивляться. Скрутят руки и сами достанут.

— Так, Орлов... Пачка «Мальборо», газовая зажигалка, почтовый конверт... Что это в нем? Интересно... Это что же? Хм, сколько тут... Тысяч пять... Взятку даешь представителю государственной власти, негодяй?!

Господи, что же делать... Снова поворачивается к машинке, снова что-то быстро печатает... А те двое молодых? Вон они, сзади сидят — свидетели, подтвердят дачу взятки... И доказывай им потом,

что ты не верблюд... Свидетели... Свидетели... Да, свидетели!

— Послушайте, да у меня же свидетели есть! Целых четыре человека! Они все подтвердят, что я...

— Кто твои свидетели? Левченко? Волков? Труфанов? Мы их уже допросили. Они подтвердили, что ты эти джинсы украл с целью перепродажи на вещевом рынке по спекулятивной цене. На этом мы тебя сегодня и взяли с поличным.

— Да как же это... Они ведь видели... И никому же я их сегодня не собирался...

— Ладно, Орлов. Кончай нам лапшу на уши развешивать. Сознавайся быстрее, тебе же лучше будет.

Отец... Он же куда-то уходил сегодня утром... На работу? Он-то меня в обиду им не даст...

— Позвольте мне позвонить с вашего телефона.

— Кому и зачем?

— Я позвоню своему отцу. Члены обкома не любят, когда их сыновей невесть за что задерживают.

— Вот ты уже добавил два преступления: дачу взятки и угрозу представителю государственной власти. Знаешь, что за это полагается?

— Тогда позвоните сами. Сорок девять пятьдесят семь шестьдесят четыре. Рабочий телефон отца.

— Вот так лучше, Орлов. Сейчас я ему на тебя глаза раскрою.

Отец... Отец... Не поверит он... Хотя... Все против меня, никаких фактов у меня нет... А эти... Когда они только успели их допросить? И как они... Да все ясно — перетрусили насмерть. У них ведь никакой крыши — вся надежда на меня была. А уж если я сам... И откуда им знать, где я брал эти джинсы? Я ведь их не посвящал...

— Что же твой отец трубку не берет?

Неужели он пошел не на работу? Тогда все кончено... Стоп! Алиби! Где я мог быть... На рынке с теми четырьмя... Нет, отпадает, их уже допросили, они против меня показали... Дома... Нет, не выйдет... У Кэт? Поздно. У Элен? Тоже поздно... В театре? Тоже не выйдет... А Поль докажет, что его в момент кражи дома не было — и все тут, это же так просто подстроить... Все кончено... Да нет, не все! Обком для них — шаманское заклинание, они не посмеют! Не посмеют! Хотя, что мой отец, если те четверо подтвердили! Все материалы дела они так выстроят, что нельзя будет его закрыть или отправить на доследование, а если и можно будет, то пока один иск, пока другой... А пару месяцев в следственном изоляторе я и просижу... А оттуда инвалидом выйду... Да и пусть отец хоть на прокурора области выходит — тот ему скажет: «Саша, ты мне друг, но закрыть дело нам не удастся»... А если и удастся — все равно хоть неделю в СИЗО с уголовниками сидеть... И все они заодно — друзья Поля... Мафия... Отец — тоже мафия. И разве будет она сама с собой воевать из-за меня...

— В общем, так, Орлов. Давай быстренько раскалывайся. Вина твоя доказана. Не расколешься — пойдешь сейчас в камеру «черемуху» нюхать.

Слезоточивый газ... Там во всем признаешься... Хоть в шпионаже в пользу марсианской разведки... угробят...

— Не крал я у него этих джинсов — он сам мне их отдал тогда, чтобы я их продал, а я с ним поссорился, и он нарочно это заявление написал. Чтобы отомстить...

— Как тебе не стыдно клеветать на честного человека?! Нехорошо, Орлов, совсем нехорошо. Вот еще одну статью прибавим — дача ложных показаний, и пятое — клевета. Лет на пятнадцать тебя надо сажать за сумму преступлений. И твоих сообщников — лет на пять каждого.

— Да как же я их своровал, если я ему их сегодня и принес? Чтобы отдать.

— Так что же ты ему их не отдал?! Мы тебя взяли во втором часу дня, уже все оттуда расходились. Если бы ты собирался их отдавать — ты бы успел.

— Я только хотел идти его искать, а тут вы...

— Заврался ты, Орлов, уже вконец. Давай-ка сюда свои пальчики — сейчас мы отпечатки снимем. Сверим их с отпечатками в квартире Бельского.

Вот все и сойдется... Там же столько моих отпечатков везде.....

Достает из стола какой-то бланк, какую-то коробку с краской... Берет мою

руку, тыкает каждый палец в краску, потом на бланк.... вырываю руку, а он держит ее двумя своими волосатыми клешнями, красными и жирными, как у мясника, и сопит... Употел, бедный, со мной...

— Сева, где твой аппарат? Сними его анфас и в профиль для его дела.

Молодые суетятся, куда-то бегают, что-то достают...

— Обрейте его налысо — и в камеру!

...жужжит парикмахерская машинка... выкручивают руки за спину... Щелкает фотовспышка...

— Твоя вина доказана! Будешь признаваться, сволочь?!

— Однажды, в студеную зимнюю пору, сижу за решеткой в темнице сырой... Гляжу — поднимается медленно в гору вскормленный в неволе....

— Издеваешься над нами?! Будешь раскалываться?! Будешь?!

— ...Орлов молодой. И шествуя важно в спокойствии чинном, мой грустный товарищ, махая крылом, в больших сапогах, в полушубке овчинном кровавую пищу клюет под окном...

— Ну ладно — сам выпросил!

Удар прилетает откуда-то сверху... падаю... красные круги в глазах... проваливаюсь куда-то...

— Оклемался? Порядок... Давно бы так. А то уморил ты нас. Ладно, сейчас мы тебя к батарее наручниками пристегнем, чтобы ты не убежал, а сами сходим пообедать. А ты поразмысли над своим аморальным поведением.

Дверь закрывается снаружи на замок. Даже помешать им сил моих не хватило... Ни рукой двинуть, ни ногой — отшибли все... противный вкус во рту... кровь... зуб выбили... а под ребрами справа... что там? печень? и не потрогать — обе руки пристегнули к батарее наручниками... и Ленин волком смотрит с портрета... Ну да... Как же! я же враг... особоопасный враг общества, государства, партии и народа... а вы все — заодно — Поль, Шахнович, отец, Тафиса, Хандаева, Левченко, Волков, Труфан, Бейкер, Криворотенко, Брежнев и... кто у него МВД? Щелоков? подтвердили они! застращала их эта мафия до полусмерти, как я тогда Бейкера под маузером... вот и все... как дважды два четыре... Ленинский РОВД на улице Сен-Симона... второй выдумал, первый воплотил сказку в быль... того вы и хотели, господин Сен-Симон и товарищ Ленин? Свобода... равенство... братство... совершенно верно — для коммунистической мафии! Почему это голову так холодит? Господи, мои волосы до плеч — где они?! Обрили меня налысо, сволочи... Вот ты и построил свой земной рай, господин Ульянов... ах, вы, конечно же, не того хотели?! А это... это само собой как-то получилось?! Да?! Хрустальные дворцы из алюминия, где дворники на арфах играют? Или как это там в снах прогрессивной Веры Павловны? Сейчас они вернутся и будут гвозди забивать под ногти, как тебе, наверное, дед мой, в тридцать каком-то... за то лишь, что ты — дворянин, а не пролетарское быдло... и мне... за то же самое... что еще есть у нас с тобой, дед, наши дворянские предрассудки — честь и достоинство... что не стал ты тогда на сталинскую мафию работать, а я не стану — на брежневскую... что же вы, прадеды мои, не смогли при царе всех этих революционеров до смерти сгноить на Колыме, чтобы Ульяновы не птичек стреляли в Шушенском, а лес валили в Тайшете и грузили его в поезда руками, без кранов, как моя мать в сорок первом — «трудовой фронт»! Чтобы Ульяновы корочку хлеба просили Христа ради, как моя бабушка перед войной... и почему же вы, деды мои, не смогли перестрелять всю красную сволочь на Гражданской войне? Что же ты, Николай II?! Ты его пожалел, на курорт в Шушенское отправил для поправки здоровья, чтобы он там писал трактаты о происхождении капитализма в России, а господин Джугашвили на воле банк подломил и отправил Володе перевод в свободно конвертируемой валюте, чтобы Володя перекантовался в эмиграцию к загнивающим капиталистам... Но Володя с Кобой тебя не пожалели в Екатеринбурге... И твоих детей не пожалели! там была своя мафия, и ей очень хотелось, чтобы всякие сыновья дьячков закомпостировали мозги всей России своими хрустальными дворцами и свободой разврата... чтобы женщин по талончикам

выдавали, как сейчас — колбасу... А в это время дон-кихоты вроде Блока и Льва Миколаича думали, что спасают Россию, а за их спиной... вот и дед мой точно так же, наверное, сидел на полу избитый... и ему тоже черноглазые коршуны вроде Берии клевали печень горбатыми клювами... а потом он получил пулю... жалкий титан — и бросил вызов богам... а ведь Прометей все-таки раскололся — тридцать тысяч лет провисел распятый под пытками и — раскололся... выдал Зевсу тайну Мойр... титан... людям он, благодетель, огонь принес... а меня сейчас вздернут под потолком и на его огне поджаривать начнут... «Расколовшийся Прометей» — почему нет до сих пор такой трагедии? У кого это он был главным героем? У карломаркса? нет, не вспомню — все мозги отшибли... когда же они меня успели обрить? Пока отключенный валялся? Иначе разве дался бы им? Да, сейчас поджаривать начнут... а все равно не сознаюсь в том, чего не делал... А ты, Шеф... и ты — такой же... кому я доверился, кому душу раскрыл, Господи! Силой молитвы-де спасти можно... что же ты не спас?! А́, ну да, Бог же нам специально посылает страдания, чтобы мы очищались... но я же сегодня и так собирался идти снова каяться перед Богом и людьми, искупать все, все мое зло, что совершил... Как же Бог-то не увидел этого?! Значит, не простил меня Бог! Не помог... а я-то... а я... снова купился... снова иллюзия, обман, прельщение, махамайя... Если Бог милосерден, разве мало было Богу моих страданий, моих раскаяний?! Разве мало получил я за мои грехи?! Разве сейчас-то не от всего сердца я покаялся?! Да ты мне всю жизнь покалечил! Если бы не ты, Шеф, я бы с Полем как-нибудь благопристойно все разрешил и отделался от него без всяких эксцессов, все просчитал бы заранее... и с Галиной ничего бы не было, если б не ты... «девяносто процентов вероятности»! Фарисей ты проклятый и предатель! Иуда ты! А я тебе еще хотел пять тысяч подарить... да почему я только не всадил себе вчера эти ампулы и — в лучший мир, которого нет?! Бог немилосерден... а раз так — значит, это дьявол, а не Бог! Мы же, русские, первый на земле народ-христопродавец и богоотступник... Другим Бог грехи прощает, а нам не прощает! Когда храмы взрывали, иконами печки топили, житиями святых коммунистическую задницу подтирали! Сказано же у Моисея: «За этот грех прокляну ваш народ до четвертого колена!» и Христос: «Грех против Святого Духа не простится вам ни в этой жизни, ни в будущей!»

И в лучший мир, которого нет, если бы всадил укольчик... в лучший мир... или есть? иначе откуда я низвергнут сюда? А вдруг... а вдруг!!! Вдруг там никакого моего преступления и не было — на Небе, а был там переворот вроде нашего семнадцатого года, и меня без всякой вины сослали на эту космическую Колыму?! программа... вот вся-то и программа... вот они мне ее там и всадили, чтобы я тут еще больше страдал и мучился! Вшили в меня этот первородный грех...

А раз так — то нечего и каяться и смиряться! Надо объявить вам всем антикоммунистический газават! До победного конца! Рассказывали же как-то по «Голосу Америки» про какого-то Буковского, как он организовал анти-КГБ, чтобы их самих пытать и казнить...

Дверь открывается снаружи. Заявились... Кто-то с ними говорит там, в коридоре. Будто голос Шефа? Спасать меня приехал, надо же... Да нет, не может быть... А эти сейчас со свежими силами вышибут из тела последние остатки духа... Сытенькие, довольные, еще наверняка по сто граммчиков пропустили на радостях.

— Ну вот, Орлов. Надо было сразу сознаваться. Вводил нас в заблуждение целый час, угрожал, клеветал, запутывал — и все равно ведь раскололся.

Шахнович нависает сверху коричневой замшевой скалой и улыбается, сволочь...

— Что значит — раскололся? Я ни в чем не виновен! И никогда не сознаюсь в том, чего не делал!

— Опять начинаешь, Орлов? Ай-яй-яй... А это что?

Сует под нос какую-то бумагу... «Протокол задержания»... «в результате»... «показания свидетелей»... «подтверждение факта»... «изъято при задержании»...

«что и является уликой в пользу»... «задержанный в факте кражи сознался»... И моя подпись... моя... «сознался в факте кра...» ...и моя подпись... именно моя... моей рукой... так тонко подделать даже нельзя... это что же... это, наверное, пока валялся отключенный, и подписал, себя не помня... то есть как это я мог, когда именно ведь отключенный валялся... а вдруг? а, может быть, они мне какой-нибудь укольчик вкатили, вот ничего и не помню... но не мог же... сам на себя... не мог же...

— Вот так, Орлов. Сколько ты сейчас не отрекайся, подпись твоя есть. И вообще.... Хулиган ты и негодяй. Палец мне чуть не откусил.

В самом деле, палец у него забинтован... Что за чертовщина... как и когда я мог... или, пока себя не помнил,.. ведь даже не чувствовал, как они меня обрили...

— Значит, так, Орлов. Этот документ у меня в сейфе полежит. Как появишься на вещевом рынке еще раз или снова что-нибудь натворишь — передадим дело в суд. А пока ограничимся вот чем. Встанешь на учет в отделение милиции по месту жительства. А также сообщим администрации твоей школы, чтобы приняла свои меры. Мы ведь гуманисты — не карательные органы, а исправительные. Вот и будем общими усилиями тебя исправлять. Чтобы ты был честным советским человеком. Кстати, ты почему в комсомол не вступаешь? Может, ты антисоветчик? Мечтаешь в Америку сбежать?

— На необитаемый остров я мечтаю сбежать...

— Это нехорошо, Орлов. Буржуазный индивидуализм. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, как сказал великий пролетарский писатель Максим Горький.

Проклятый нижегородский шудра... Вот ты о чем мечтал... Хотя и тебя ведь, однако, отравили в начале тридцатых... Гордый буревестник... Черной молнии подобный... Призывал ее на Россию, а как она грянула — испугался ее и сбежал на Капри... Но она тебя достала, поразила тебя!

— Да-а, Орлов... Бабушка у тебя верующая, в церковь с ней ходишь, да еще и своих любовниц туда тащишь... И дружок твой барахолочный тоже с религиозно-мистическим уклоном, да и образ жизни ведет антиобщественный... Смотри у нас, Орлов. А то еще помешаешься на религиозных пережитках, возомнишь себя вторым Исусом Христом — придется тебя тогда в психиатрической больнице полечить, чтобы вернуть обществу. Ну ладно. Джинсы мы возвратим пострадавшему, пять тысяч твоих конфискуем в пользу государства — на строительство БАМа пойдут, а сумка твоя вот тут, в сейфе, полежит — завтра отец твой к нам придет, ему и отдадим. Вот ему повестка. Кто он у тебя, кстати?

«Все... Хана... Прибьет, как Иван Грозный своего сына...»

— Будто вы не знаете... Начальник транспортного отдела в горисполкоме...

— Надо же... Уважаемый человек, а сын у него — барыга, вор и клеветник. Да еще кандидат в диссиденты. Придется ему нести ответственность за такое воспитание.

«Если ему по партийной линии за меня вкатят, тогда... Да что по волосам плакать, когда голова слетела...

Вот они — всемогущие боги! Не где-нибудь там — на Небе — вот они. Вот кому я вызов бросил. «Мне отмщение, — и Аз воздам» — их формула... И я перед ними — вошь и тварь дрожащая. А они — люди. И право имеют. Государственное право...»

— Ну что, Орлов? Отстегивать тебя надо. Ты кусаться больше не будешь? Смотри... А то в тигрятник посадим «черемуху» нюхать...

Руки и ноги не слушаются совсем... Как бы на пол не грохнуться... Голова раскалывается — ею, видать, и ударился. И печень отшибли. Пинали, наверное, пока на полу валялся...

— Вот повестка твоему отцу. Все. Канай..

Как уголовнику... Как бичу последнему...

— А будьте вы прокляты все! И те, кто все это начал — прокляты!

А это что? Явление Христа народу? Вы меня ждали здесь, Шеф?

— Андрей... Я понял, что с тобой случилось какое-то...

— Чего вы хотите от меня? Чтобы я

с Судьбой смирился? С какой? Быть чистым, добрым, духовным — и в рабстве у грязных, злых, бездуховных? Чтобы — снова в рабство к ним? По своей уже воле? Якобы так Богу угодно? Не дождетесь... Я раскаиваюсь, что по наивности своей доверился вам.

— Постой, Андрей. В чем я виноват перед тобой?

— Ни в чем. Где же ваш Христос? От чего меня очистило это страдание? Так я и знал — ничего святого в мире нет. И нет никакого смысла в моей жизни. Прощайте. Не ходите за мной.

А я теперь... Три укольчика в вену, и там — будь что будет.

Сигнал за спиной? Мешаю проехать какой-нибудь сволочи?

Черная «Волга» тут же тормозит. Стекло в дверце медленно опускается — оправа с затемненными стеклами бросает острые блики мне в лицо. Такая знакомая, такая знакомая... Поль...

— Ой, ты гой еси, добрый молодец! Ты доволен? Иди кайся теперь своему Га-Ноцри — может, помилует! Иди — тебя там накормят Его телом и кровью — ешь своего Иешуа! Ха-ха-ха...

Выходит из «Волги», сотрясаясь, хохотом, и кланяется, кланяется, кланяется... вдруг снимает свою голову с плеч, берет в руки и кланяется ею... тут же вырастает новая голова, тоже снимает и берет в новую пару рук, и еще одна голова... и уже три головы кланяются мне и смеются, смеются... и они... растут... раздуваются, вот уже закрыли собой полнеба, и свет солнца вдруг исчез... и кровавые пасти разверзаются в головах неисчислимых... и все люди всей земли поклоняются им в ужасе... бескрайние пасти клацают в непроглядной тьме тремя рядами зубов... багровые отсветы играют в глотке... и тысячи Шефов, и тысячи Зосимовых, и тысячи Элен, и тысячи Степановых, и тысячи Галин, и тысячи меня самого идут в пасти по мясистым языкам и перемалываются зубами... и мои головы застревают, откушенные между зубов, и сокрушаются ими и разжевываются ими в кровавую хлюпающую кашу... кровавая слюна, смердящая, каплет из пастей бесчисленных, и от брызг ее ядовитых шипит Земля, и прожигается ее поверхность насквозь, но снова и снова тысячи Шефов, тысячи Галин, тысячи меня идут в багровые дымящиеся пасти... и глаза голов выкатываются на лбы... и снова толпы идут в багровые дымящиеся пасти...

Что это было со мною? Я с ума сошел? До сих пор все тело судорогой сводит... Седьмой час вечера уже... Что это было? И никто не видел его? И где это было? Почему-то я уже у Витиного ресторана... Будто нарочно... Надо зайти и опрокинуть стакан водки. Нет, всю бутылку... Иначе никогда уже не приду в себя... Если можно прийти в то, чего нет. Ведь они же съели толпу, меня... Кто же тогда — я? И где — я?

«тен тсеМ»... Что-то с головой... почему все задом наперед — «мест нет», вот как правильно, как всегда на дверях, ничего, сейчас постучу, выйдет гардеробщик Саша, уж он меня пустит, он же меня знает, я Орлов или уже...

— Чо ломишься?! Не видишь — мест нет!

— Саша, не узнаешь? Я же Орлов...

— Во нахал! За Орлова себя выдает! А то я не знаю Орлова! А ты, лысый бич, шуруй отсюда, а то ментов позову!

— Да Орлов я, Орлов! Где Витя?! Уж он-то меня узнает!

— Андрюша... Бог ты мой — на кого ты похож? Обрился налысо, все лицо и руки в черной краске, зуб выбит, весь в синяках... Что с тобой стряслось?

Витя... открывает, берет за руку, втягивает внутрь...

— Да я... это как его... решил стать панком... они все лысые и в черной краске...

— Вот как? Ну это ты неудачно, брат, неудачно. Посмотри в зеркало.

Господи, какое чудовище... а стеклянные двери Нечеловеческого твоего Храма меня почему-то совсем не отражали, да и это разве я? А сейчас... нет, мне это снится, а сейчас...

— Витя, пойдем, я умоюсь... Мне проснуться надо...

— Пойдем, Андрюша. Ты все-таки скажи, что случилось? Кто это тебя так?

— Знаешь... Тут целая история... В двух словах и не расскажешь... Я ведь на пять минут — мне бы только пятьсот

водки, и все...

— Что же это ты так? Посиди уж с полчасика, в себя придешь, а то ты какой-то будто растерянный вконец, говоришь с трудом и шатаешься, хоть и трезвый.

Обнимаешь меня за плечи, как обычно, за руки держишь, по спине похлопываешь. Душа ты человек, Витя. Ты, может быть, единственный, кто меня любит...

— Может, я тебе чем и помогу, Андрей? Ты уж скажи, не стесняйся.

— Никто мне уже ничем не поможет, Витя... Ты не обижайся, я тебя очень уважаю и люблю. Ты знаешь, у меня ведь денег с собой нет, вот черт... Накормишь в долг?

— Конечно, какой разговор. Давай я тебя вон к тому столику посажу?

Поднимаемся на второй этаж в зал. Все как всегда... Музыка, шум, звон. Последний раз был здесь... Да, с Зосимовой... полмесяца назад, полмесяца... нет, в прошлой жизни... в позапрошлой...

Вот этот столик... Жирный полковник со своей женщиной, две шлюшки молоденькие, с ними какой-то фирмач... Публика, как всегда, большей частью тошнотворная... Это не салон князей Курагиных, это равенство и братство...

Витя появился с подносом, все расставил и ушел.

Прекрасная водка... Аж встряхнула! Вот так вам всем. Публика! Ха-ха... Венцы природы... Эволюция от низшего к высшему... Случайные обезьяньи отпрыски, вчерашние макаки и гориллы... Сидите, жрете кусочки жареного трупа коровы и радуетесь... Прав ты, старик Шекспир, — весь мир есть театр абсурда. Да как же вы еще чинно эти трупы пожираете! С этаким даже политесом — вилочками, ножичками... как вы кривляетесь, как стараетесь ломать из себя каких-то значительных персон, с какой тупой сопящей добросовестностью — вы же «блаародные», блаанамеренные, не инакомыслящие, а какнадомыслящие, для вас нет ни души, ни истины, ни Бога, ни Духа, ни вечности — молекулы под черепом случайно сцепляются, белковые спирали лениво ворочаются, мозг вырабатывает мысль, как почки — мочу, по закону прибавочной стоимости, и тут же какой-то алкоголик из погорелого театра говорит, что человек звучит гордо! Вы, обезьяньи выродки, пришли сюда пожирать трупы, пить разведенный гидроксид метила и подбирать партнеров для совокупления... Но чем вы, хлюпающие куски мяса, сами отличаетесь тогда от этих жареных трупов?! А ничем... И вы сейчас это сами докажете!

Взорвать бы этот поганый вертеп вместе со всеми его полковниками, шлюхами и официантами...

А вот скажу я вам всем, что я о вас думаю!

— Зёма, позволь твой микрофон.

Не успел и опомниться солист... Не зевай, фальцет.

— Кто сказал, что человек звучит гордо?! Шаг вперед! Вызываю на дуэль!

Какая мертвая тишина... Весь зал замер. Даже с мест привстали.

— Боитесь? Сволочи вы все. И я — сволочь. Благодарю за внимание.

Зал в безмолвии. Пойду к тебе, Шеф. «Прощевайте, аборигены».

— Вот, Сергей Петрович. Я вернулся. Вы меня спросили, в чем вы передо мною виноваты. Я пришел ответить вам — ни в чем. И нет у меня никакой обиды на вас. И никаких вообще дурных чувств.

— Заходи, Андрей.

— Нет, зачем же... Я все сказал, ради чего пришел... Я понял — если вы и хотели бы мне в чем-то помочь, вы просто не в силах. Ведь там, на рынке, оказался прав я, а не вы.

— Заходи, я прошу тебя. Не на лестнице же говорить.

— Ладно. На десять минут. Так вот — оказался прав я, а не вы. Я же сказал вам — аборигены мира сего засунут любого такого, как я или вы, в свою мясорубку, и останутся от нас с вами одни кровавые червячки... Да я вам все время это доказывал. Так и вышло. Они пообещали засунуть меня в психбольницу, если я буду жить по-христиански. Да и вас тоже. А вы говорили о Божьей помощи, об очищении... Да это лишь очередной мой Иллюзион — Бог, любовь к ближнему, Царство Небесное... Я вам говорил сегодня утром — со мною было ведь всего-то неделю назад именно то оза-

рение, то просветление, какое было у вас... Весь мир — одно целое, весь мир пронизан любовью, гармонией и согласием... Смешно и вспомнить! Куда она улетучилась, эта гармония? И чем тогда жить, если все равно — анашу покурить, морфин вколоть или молиться и причащаться? Временный кайф на день, на два — и все. А живем-то мы где? С кем? И как с ними жить, если быть все время под кайфом, если дышать этим опиумом для народа, как его Володя Ульянов именовал? Если бы со мною не случилось вот этого сегодня, то я, скорее всего, как и вы, уверовал бы в иллюзион и опиум, видел бы Рай, живя в Аду, Гармонию в Хаосе, Образ и Подобие Божье в обезьяньем выродке... Проснитесь от кайфа, Сергей Петрович. Раскройте вещие зеницы, ха-ха... Вы думаете, я пьян? Вы думаете, я пьян? Нет, ничуть... Сейчас я как раз трезв, как никогда... Где чувства господствуют, там вожделенье, а где вожделенье — там гнев, ослепленье... А у меня сейчас нет ни одного чувства в душе — потому я и вижу мир, как никогда, ясно и отчетливо.

— Когда хотят сделать прочную и гибкую сталь, ее то раскаляют докрасна, то охлаждают в ледяной воде, то опять раскаляют. Иначе не получишь ни гибкости, ни прочности. Так же и наши души. Чем больше благодати мы получили, тем сильнее будет сразу после этого дьявольское напущение...

Раскрытый том Бердяева на вашем столе, лампады перед иконами горят. Выстроили себе удобный мирок, забились в него, как таракан в щель, — чего так не жить... Вы мне уже ничего сказать не можете, да мне и не надо. И я вас переубеждать ни в чем не собираюсь. Живите как хотите. Нравится вам этот кайф — ловите его. Все равно когда-нибудь жизнь заставит проснуться...

— Но ведь сталь может и сломаться от этих перепадов. Лопнуть и треснуть. Так и душа... И не надо мне говорить, что Бог якобы отмеривает каждой душе страдания по ее силам, чтобы она не сломалась. Все люди в мире сейчас сломались. Недаром святых не стало. Даже просто праведных не стало. Уеду я от мафии в другой город — там своя мафия. Уеду вообще в другую страну — там тоже мафия. Стану, скажем, жить на Западе, разоблачать там большевиков, рухнет в конце концов большевизм — а дальше-то что? Воцарится на всей земле золотой телец... И будут продаваться и покупаться и честь, и достоинство, и красота, и истина, и душа... От себя никуда не уедешь и не убежишь... А так, как вы, в щель забиться и сидеть в ней и смотреть, как люди гибнут и в ад идут? Да я сам себя уважать перестал бы...

— Так разве мало спасти хоть одну душу из этого царства зла?

— Ладно, спасем мы ее, обратим ко Христу, а дальше что? Если этот человек станет настоящим христианином, а не фарисеем, каковы теперь все эти обрядоверы, то путь ему — в психбольницу или на политзону. Или — в эмиграцию, а там — золотому тельцу служить. Кому он там будет нужен со своим христианством? А он не выдержит политзоны и сломается. И отречется от Христа или станет фарисеем во Христе. Получится, что мы не спасем ему душу, а погубим. Не из того теста сейчас людские души слеплены. Не смогу я носить вериги, как Святой Василий Блаженный, или три года на камне столпом простоять, как Святой Серафим Саровский. И никто не сможет.

— Так что же ты сам предлагаешь? Если нельзя уже бороться с внешним злом, то и не бороться со злом внутри себя? Добровольно отдать себя во власть злу?

— Я ничего не предлагаю... Я не знаю, что предлагать... Нет вообще никакой истины. Мне все равно. Мне уже безразлично даже, есть я или нет меня. Я не хочу ни побеждать, ни быть побежденным, ни смиряться, ни бороться, ни любить, ни быть любимым кем бы то ни было... А прорваться из этой ямы к Небу, откуда и низвергнут сюда, чтобы в этой трагикомедии играть неизвестного кого... Нет у меня сил туда прорваться. И никто мне их дать не может. И вы не смогли. И Бог не помог...

— Послушай, Андрей... Ты мне говорил как-то, что никто не любил тебя таким, какой ты есть. Это неправда. Я люблю тебя именно таким.

Подходите вдруг, обнимаете, целуете в щеку... Это что еще, и зачем это? Мо-

жет быть, вы тоже гомосек? Потому и живете без женщин?

— Не яко разбойник, но яко Иуда лобзаю тя...

«Нет, не верю я вам. Если бы вы меня любили, то не устроили бы тогда той провокации, и к Галине бы меня не толкнули... Кто вам тридцать сребреников заплатил?»

Дверь еще открыта...

— Андрей, постой, не уходи так...

— Будьте вы прокляты, все Иуды мира сего...

И куда мне теперь? К кому? Зачем?

Кто это звонит там? Выспаться не дадут в последний, быть может, день жизни... Девочка с благостным личиком в дверях.

— Ты Орлов?

— Почему «ты», а не «вы»? Тебя что, хорошим манерам в школе не учат?

— Вот еще... Много чести будет! Тебя директор вызывает немедленно.

Все верно. Они только что позвонили Тафисе, и она рвет и мечет.

Ладно. Пойду и выкину ей козырного туза. И пусть краснеет и бледнеет.

— Барышня, передайте вашей патронессе мои заверения в высочайшем к ней почтении. Пусть подождет четверть часа.

Убегаешь, глупенькая... Подожди, попадешь и ты в мясорубку... А, впрочем, что мне? Мне уже все равно...

На свете везде все равно. И ведь как давно я предчувствовал это. И только сейчас как-то вдруг полностью уже убедился. А теперь... теперь мне все равно было бы, существовал ли бы мир, или если бы нигде ничего не было. И ведь казалось же — смешно и подумать-то — что зато было многое прежде... но сейчас-то ясно, что ничего при мне не было... и прежде тоже не было, а только лишь почему-то казалось... Да и никогда ничего и не будет. И это обстоятельство уже бесконечно выше всего меня.

Что ж, я пойду к вам, Тамара Филипповна. Хотя мне все равно, идти к вам или не идти, выложить вам все, что знаю о вас, или нет, да и вообще — жить мне или не жить — это мне все равно...

Рыбьи глаза с коричневыми кругами расширяются от возмущения. Вид бесконечной добродетели.

— Это что еще, Орлов?

— Что?

— Да голова твоя бритая — что это?! Что ты опять этим хочешь сказать?!

— Раньше я был хиппи. Теперь — панк. Еще не успел покрасить лысину в разные цвета, надеть собачий ошейник и серьгу в ухо. С портретом Ленина...

— Что по тебе КГБ плачет, это я давно знаю! А эти твои барские замашки?! Честная комсомолка была потрясена! Выходит какой-то барин в атласном халате с золотым крестом на шее и начинает ей с амбицией читать нравоучения о дворянских пережитках! Ты что, верующий?!

— Да, верующий.

— Поэтому, значит, ты и не вступаешь в комсомол четвертый год?

— Конечно. Как можно православному христианину состоять в бесовской организации?

— А воруешь ты тоже из христианских побуждений? На благо своей секты? Все, Орлов, переполнилась чаша терпения... Я тебя до сих пор не исключала из школы, только жалея твоего отца, старого большевика и ветерана. Я все надеялась, что ты не посрамишь его партийную честь и станешь раньше или позже человеком, полезным социалистическому обществу, верным ленинцем, высокоидейным комсомольцем, но ты из года в год злоупотреблял моим терпением и надеждой. Я, поступаясь моей партийной совестью, оказывала давление на вашего комсорга Зосимову, чтобы она приняла тебя в комсомол, хотя ты недостоин этого, а ты, вместо того чтобы задуматься о своей дальнейшей судьбе, совратил ее. Но сейчас, после этого звонка из милиции, забирай свои документы и ступай на все четыре стороны. Аттестат мы тебе не дадим.

— В таком случае нам с вами придется вместе уходить. Я ведь знаю, на что пошли материалы, отпущенные прошлым летом на ремонт школы. На вашу дачу они пошли. Причем с ведома вашего горкомовского супруга. Вот видите эту папку в моих руках? Здесь целая

подшивка копий с накладных, пропусков, нарядов, номенклатур. И я пущу ее в ход. И ваш высокопоставленный супруг вам не поможет. Как бы не пришлось ему выложить партбилет и проститься со своей должностью.... Как вам известно, мой отец в областном народном контроле. А я еще ничего не говорил отцу об этой подшивке. Жалел вас, Тамара Филипповна, думал, образумитесь, раскаетесь, партийная совесть в вас проснется, вернете все советскому государству и явитесь с повинной в ОБХСС. А вы меня, вашего благодетеля, да и пинком! Бесчестно это с вашей стороны и аморально.

— Какой же негодяй ты, Орлов... Вору всегда кажется, что и все честные люди — тоже воры... Да... Большое потрясение ты пережил, конечно... Нервы у тебя расшатаны... Я тоже погорячилась несколько, тоже работа нервная... Я тебя понимаю, Андрюша. Тебе тяжело... Конечно, у нас свобода совести, веровать тебе никто не запрещает и в комсомол не принуждает вступать — это добровольная организация... Отдохни, успокойся, потом приходи на занятия.

— Нет уж, благодарствуйте. Я собираюсь эмигрировать в страну, где истинный Будда живет среди земляничных полян. А перед отъездом эти документы о вашей преступной деятельности отдам куда надо. Честь имею кланяться. «Прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ...»

Ловите ртом воздух, как вытащенная на берег рыба, но я закрываю дверь.

Все идет своим чередом в этом заведении мозгоправительном — кто-то играет в потрясуху, кто-то раздает пинки и фингалы, кто-то хвастается вчерашним съемом, кто-то глушит водку в туалете, кто-то режется в карты...

Во дворе кружится пыль в лучах слепящего солнца. Летняя жара. Полное безлюдье. Труфан курит за углом. Откуда он только взялся...

— Андрюха! Артист! Забрали они тебя....

— А, Труфан... Ловко вы все раскололись у ментов... Продали меня, шестерки... В штаны от страха наложили...

— Андрюха, кто виноват-то? Нас кто-то заложил... Из-за тебя ведь нас всех теперь на учет поставили... Хана...

— Зато два года катались как сыр в масле. Любишь кататься, люби и саночки возить! Знаешь такую пословицу! Дурачье... Если бы вы меня не заложили, они бы меня не смогли зацепить. А тогда я бы и вас вытащил. Как же вы не поняли того, придурки? Да ладно, чего теперь...

— Да что... Пошли с нами на кладбище, бахнем. Третьим будешь. Во — гляди! Брательник мой идет! Помнишь, говорил тебе про него?

Двухметровый атлет входит в ограду, потряхивает сумкой, глядя на Труфана. В сумке что-то звенит. Какое странное лицо... Будто смотрит не на нас, а сквозь нас...

— Вот, мужики, познакомьтесь.

— Андрей.

— Нирхарикеша. Так назвал меня мой Гуру при посвящении. По-санскритски — «не сумевший победить свои земные материалистические чувства». Можно просто Кеша.

Какая-то глубокая скорбь в его голосе... И какое-то чудовищное несоответствие голоса и потрепанного вида... Словно он под забором живет всю жизнь свою... Водевиль, да и только... Ну да ладно...

— Ну ты чо, брательник? Взял?

Кеша раскрывает сумку и показывает бутылку «Столичной». На дне еще видны консервные банки.

— Пошли, Андрюха. Тут до кладбища — два шага. Разложим все, рассядемся, вмажем по стаканчику, поговорим за жисть...

Все равно... Какая разница... Все кончено с Галиной... И с Шефом все кончено... И вообще все кончено.

— Ладно, пойдем. Только я зайду по дороге домой. Надо шприц взять и ампулы с порошками.

— Ты чо, колешься?

— Еще нет, но сегодня — попробую... Жизнь моя кончилась, и мне теперь все равно... Понимаете? Да если и не понимаете, все равно...

— Понимаем, Андрюха, чего там... У нас — тоже кончилась.

Идем мимо старых избушек по пыльной дороге, и солнце бьет в глаза. И ни души кругом. И о чем тут говорить...

— Слушай, Кеша. Может, ты знаешь, что значит Мене Текел Упарсин?

— Да. Это индивидуальная и космическая пралая.

Труфан у него за спиной подмигивает и крутит у виска пальцем:

— Во объяснил, а?

Кеша спокойно оглядывается на него.

— Пралая космическая — это то, что останется от Земли после Третьей Мировой: облако кипящей плазмы. А ты где это видел?

— Слова эти? Они однажды появились на стене в центре города.

— Тогда это индивидуальная пралая для тебя лично. Это значит: «Прошли твои времена и остались только сроки. Ты взвешен на весах и найден очень легким. Могущество твое в скором времени рухнет, и за твои дела будешь ты превращен Господом в скота».

Вот оно... Так и чувствовал тогда — неспроста эти слова... И когда же — в день, когда разорвал с Зосимовой и встретил Галину...

— А откуда ты это знаешь?

— Книга пророка Даниила в Ветхом Завете. Ты Библию читал?

— Еще как... Почти наизусть знаю некоторые книги...

— А, ну вот: геенна огненная — это и есть пралая.

— Так, значит, и Бог есть?

— Бога нет. А вот Кришна — есть. И Будда есть.

— Кеша, а ты чувствовал, что до рождения жил где-то вовсе не здесь? Тебе казалось когда-нибудь, что ты здесь в космической ссылке?

— Да. Это так и есть. В прошлой жизни я жил на планете Вриндаван.

— Идите вы в баню, шизанутые.

— Когда Брахманы беседуют, шудры должны молчать. Ты понял, Труфан?

— Мужики, нам на троих мало будет одной бутылки. Надо еще денег. У нас с Кешей ни копья.

— У меня — тоже. Хотя... Вот, можно продать этот мой крест. Он золотой. Зачем он мне сейчас.

— Во, давай! Кеша, жми к магазину! Толкани его там...

— Ждите меня здесь, я сейчас домой зайду.

Кеша убежал, а Труфан сел на скамейку у подъезда.

Из кухни — звон, плеск, шум. Он уже дома, благодетель... Как бы незаметно пробраться в свою комнату?

— Заявился, сволочь! Стой! Ты отца обманул! Я думал, мой сын — строитель коммунизма, а он у меня американские штаны ворует! Опозорил отца! Не нужен мне больше такой сын! Я тебя породил, я тебя и убью!

Кидается куда-то... Скорее к себе в комнату... Забаррикадироваться... Все порошки и коробки с ампулами скорее по карманам... Иглы... Шприц.... Сверхлюди о Суперстены-II покатываются со смеху, глядя на меня...

Бежит сюда. Ломится.

— Спрятался, сволочь?! Закрылся?! Ничего-о, ничего...

Удар в дверь — с этой стороны вылезает лезвие топора. Удар, еще удар. Теперь только через окно... Второй этаж... Труба рядом с окном...

— Труфан! Кеша! Ловите меня!

Дверь вылетает. В раскрытом окне отец размахивает топором.

— У-у-у-бьюу-у-у, свол-лочь!

Труфан с Кешей подхватывают у самой земли.

— Бежим скорее! Сейчас он выскочит!

Все, теперь можно не торопиться... Сейчас меня здесь уже никто не найдет. Хоть сам черт, хоть сам Поль.

Огромный косой крест. «Здѣсь, спiт Заморышъ. ... — ...» Где-то будто уже видел точно такой же крест с точно такой же надписью.. На том, другом кладбище — у матери?

— Вот здесь и устроимся. Тут какой-то Заморышъ спiтъ — даже имени не осталось. Родился и умер неизвестно когда. От нас тоже имени не останется — Артист, Кеша и Труфан. Мы тоже Заморыши.

Устраиваемся у креста под кустами, наваливаемся на могилы, раскладываем на старой траве банки с консервами, расставляем бутылки.

— За три червонца твой крест толканул. Шесть пузырей.

Кеша достает длинную отвертку и

распечатывает всю выпивку и закуску.

— Давайте по первому. Ом мани падме хум!

— А почему ты пьешь и куришь? Ты же йог.

— Какой он йог? Его заклинило, он мокрое дело нарисовал, — пробормотал Труфан.

— Вот ты мне и скажи, Артист, куда мне деваться?

— Я у тебя то же самое и хочу спросить. Мне тоже на Земле делать нечего.

— К черту эту водку. Пора на шприц переходить. Я тут развел один к пяти. Большей концентрации нельзя — лыжи откинем. Давайте, я вам сначала укольчики поставлю, потом ты, Кеша, мне.

Вот уже перетягиваешь мне предплечье шнурком от своего ботинка, находишь вздувшуюся вену, втыкаешь иглу, соединяешь со шприцем, давишь на поршень...

— Тихо... Через пару минут начнется.

Минута проходит, другая проходит— ничего, ничего... То же кладбище, те же светлые облака над головой, те же деревья и те же птички поют...

— Слушай, Кеша, меня не берет. Может, выдохся этот порошок? Он ведь у бабушки черт знает сколько лет пролежал... Давай лучше махнем в центр — обчистим кому-нибудь карманы и побольше водки закупим. Поехали, чего тут...

А это что за юные девы идут нам навстречу?

— Привет, меня зовут Ляля, — кокетливо улыбается пухленькая кудрявая блондиночка.

— А меня — Яна, — говорит худенькая шатеночка.

— А меня никак не зовут. Раньше как-то звали, а сейчас не помню уже.

— А это и не важно. Сбегай к Полю за стаканом и закуской.

Ляля достает из сумочки бутылку «Пшеничной».

— Хитрый гад — дал какую-то корку хлеба, всю в плесени. Да еще и твердая, как камень!

— Ничего, ты же йог — зачем тебе есть? Ты энергию прямо из Космоса получаешь, от Кришны. Да и вообще — кто пьет, тот не ест.

— Это что еще за аморалка?! — остолбенела Тафиса. — Я вас всех исключаю!

— Ну и пожалуйста. Мы ведь все равно не здешние. Мы разведчицы из Нового Города планеты Вриндаван, где живет Кришна.

Трое ментов выскакивают из кустов по сигналу Тафисы, Кеше отрубают голову, а Труфану скручивают руки за спину и волокут куда-то...

— Ты, враг народа, украл у мистера Орлова сто джинсов фирмы «Орлов Корпорейшн»! Мы тебя к скале наручниками прикуем! — орет на него Поль.

— Ну и фиг с ними, — смеется Лялька. — Пошли, Андрей, к нам домой.

— Вот видишь! А ты говорил — не берет порошок! — смеется Кеша и откидывается на могилу, где храпит Труфан.

— Ну так что же, Орлов? — протягивает он поднос. — Или испугался?

— Хальтен! — гремит вдруг у входа в храм. — Цайген ире аусвайсе!

Толпа людей в кожаных тужурках с маузерами втаскивает за собой пушку с крейсера «Аврора». Она палит и разносит алтарь в щепки.

— Именем Прогрессивного Авангарда вы все арестованы как низшая раса и реакционные элементы загнивающего империализма!

Цепь закованных в кандалы тянется во двор. Нас растаскивают прикладами по фургонам с надписью «Хлеб».

Фургоны куда-то мчатся. Катаемся по полу и гремим кандалами, а над головами нашими висит большой портрет пожилого человека с усами и трубкой. На челе его военная фуражка, а на ней — начертание Зверя и Лжепророка.

Минорное аллегро нон мольто плывет по двухэтажному залу... Медленно кружимся в огромной толпе, плывет весь мир в глазах твоих, в глазах твоих...

— Храни меня, дождь, спаси меня, дождь... — печальный голос певца тонет в гулком пространстве...

И кажется — мира уже нет... Лишь чудом уцелел этот ресторан на краю света, среди сосен в закатных золотых лучах... Последний вечер последних людей на Древней Планете... Последний бал.

И ты — рядом — в медленном танце со мною... Но неуловима, но выскальзываешь из рук моих, и уже манишь изда-

ли, бросаюсь за тобой, и снова манишь издали, и снова — ускользнула в самый последний миг...

Галенька... Вечная Галенька, покуда мир стоит... Амата нобис, квантум амабитур нулла...

На вокзале еще светло поздним вечером. Подхватываю тебя на руки и кружу в тополиной метели... Как горячо отвечаешь ты на мои поцелуи, как страстно обнимаешь...

Но электропоезд грохочет вверху.

— Я останусь. Я не могу прожить без тебя и дня...

— Нет. Я приеду к тебе сама в июле. Жди. жди...

— Я буду у тебя завтра!

— Нет. Жди.

И последний поцелуй твой, уже на ступеньках вагона — не стыдясь никого вокруг, безудержный, безоглядный, безумный...

Оранжевый умирающий закат над соснами горит в глазах твоих.

Поезд несется в Старый Город, фотография твоя с дарственной надписью дрожит в руках моих, темнота сгущается, сумерки переходят в ночь... рельсы все сворачивают, сворачивают куда-то, но электропоезд мчится и мчится, и вот уже начинает светать, и опять твой Новый Город летит за окнами.

И снова — утро, снова — микрорайон 6-А...

Взгляд твой за порогом холоден и строг.

— Это ты... Зачем же ты приехал? Ведь я велела тебе ждать. Я сама собиралась приехать к тебе на днях... Зачем же ты... Ладно, проходи... Я не выспалась из-за тебя. Посиди здесь, в гостиной...

Лялька... Янка... Статуэтка Будды.... Икона Канта... Мерцание двух лампад... Свалился во сне с дивана — на пол... Никакой Галины не было. И нет.

— Я знаю высшую истину, — встает с могилы Нирхарикеша. — Мы с тобой, Артист, сброшены сюда с одной из планет группы Брахмалока. Но есть тайный путь возврата. Это — сампраджнята или нирвикальпа самадхи. Я научу тебя. Садись в падмасану. Вот так.

Нирхарикеша складывает ноги кренделем по-мусульмански. Руки на коленях, большие и указательные пальцы замкнуты в кольцо, остальные оставлены.

— Замкни махамудру. Теперь прана не будет выбрасываться из меридианов, а потечет по кольцу. А ты, Труфан, не мешай нам своей демонической аурой.

— Щас как тресну вас аурой в челюсть! Не мешай им...

— Благослови тебя Сат-Чит-Ананда! Поехали, Андрей. Врубай пратьяхару, переключай на дхарану... А ты, Труфан, ручку у мотора крути — зажигание не заводится!

— Чо, шизанулись, в натуре... Сидят на могиле по-татарски и скачут.

— Мы в левитацию входим, балда! Сейчас оторвемся от Бхараталоки и улетим. Повторяй за мной, Артист: «Харе Кришна Харе Кришна Кришна Кришна Харе Харе Харе Рама Харе Рама Рама Рама Харе Харе...»

— Эх вы, сволочи... Щас как вмажу рамой в харю вашей кришны!

— Кеша! Бей его! Он — шпион аборигенов! В него вселились лярвы, преты и асуры!

— Артист! Лови Труфана! Вяжи его! Бей!

Труфан вдруг соскакивает с могилы и бежит, но тут же запинается сам за себя и падает.

— Тише, Андрюшка, тише... Не кричи во сне. Весь дом разбудишь.

Ляля с Яной переворачивают меня на спину и укрывают одеялом.

Труфан падает, вяжем ему руки за спину колючей проволокой с оградки.

— Постойте. Зачем вы его так?

Это кто еще тут появился? И голос такой подозрительно знакомый... Неужели Шеф?

Да! Обличать пришел, призывать к покаянию, ха-ха...

— А, Сергей Петрович! Иуда... Ну, что скажем? Обличать пришли? Кеша, развязывай Труфана, вяжи Иуду. Он меня вчера ментам отдал. Еще и поцеловал потом... А сам знаешь что обещал? Труфан, ты тоже помогай. Сейчас... Сейчас... Вот — давайте его к этому кресту проволокой примотаем! Все ты мне, гад, порушил! Всю жизнь сломал! С Полем поссорил, к Галине толкнул на верную погибель, ментам в руки отдал! И еще

последнее пришел отбирать?! Мне и остались только всякие сны дурацкие... Да и ты мне сейчас снишься! Я у Ляльки с Янкой сплю, а ты еще ко мне в сны без спросу вламываешься. Вот, к этому кресту... Чего тут написано?: «Здѣсь спітъ Зоморышъ»... Родился и умер неизвестно когда... Мы тебя распнем, Шеф, во имя всех заморышей мира, которым ты много обещаешь, а потом — предаешь.

Кеша приматывает к кресту его правую руку, Труфан — левую.

— Так и будем молчать, а, Шеф? Как партизан? Может, попытать тебя?

Ишь как — висит себе спокойненько. Не кричит, не убегает. Не вырывается. И смотрит в глаза, смотрит, смотрит...

— Я отдаю себя вам в руки, чтобы ты, Андрей, понял — я никогда не желал тебе зла и не предал ни в чем. Совесть моя чиста пред тобой. Я люблю тебя и желаю тебе только добра. А если и принес тебе зло, не желая того, то прости меня.

— Добра! Святой Апостол, Спаситель Мира... Вот — из-за него все несчастья наши! Привязывайте ему ноги и голову. Труфан, снимай носки. Мы ему твоими носками рот заткнем, чтобы не проповедовал.

Молчишь, Шеф. Молчишь... Что ты можешь сказать в оправдание свое?

— Мужики! Это чо?.. Чо это у него?! — Труфан с ужасом оглядывается на нас с Нирхарикешей.

У Шефа на ногах, на руках, на голове, под ребром проступает кровь. Раны до костей, даже дыры насквозь... Мы не могли этого сделать... Откуда...

Что это?! Золотое свечение вдруг вспыхнуло вокруг головы Шефа!

— Труфан... Артист... Что мы сделали... Это — Архат! Это — Святой!

Крест наклоняется и выворачивается из земли, Шеф достает ногами до могилы...

— Бежим! — орет Кеша.

Запинаемся за корни, падаем, вскакиваем и снова бежим, ветки хлещут по лицу, ноги не держат... Я же сплю у Ляльки с Янкой... Вот сейчас снова проснусь... Нет — я так и сижу там на могиле, а это все мерещится от ампул... нет, Орлов сидит на могиле, я курю на балконе у Галины, а Артист спит у Ляльки... Тогда кто сейчас бежит? Это он, Орлов, бежит, а я сплю, и тут же на могиле сижу, а Шеф приснился Орлову или мне... или второму Орлову... что же я никак проснуться не могу?!

Тормоза скрипят. Машина остановилась прямо перед нами. Выскакивают менты и хватают Труфана.

— Опять пьяный? Поехали с нами!

Скручивают ему руки за спину и заталкивают в дверь с решеткой на окне. Кеша куда-то бежит впереди, отстаю и отстаю от него...

— Стой... Кеша... Стой... я больше не могу... давай отдышимся...

— В самом деле, куда бежать? Бежать все равно некуда. Порошки кончились, водка — тоже. Денег у нас нет. А выпить еще нужно. Думай, где достать.

— Да негде... Кто нам даст?

— Пошли к тебе домой. Возьмем что-нибудь и продадим у гастронома.

Кеша спокойно достает из кармана отвертку, которой открывал бутылки, и тыкает под ребро:

— Пойдем! И попробуй смойся!

Умереть не дадут спокойно, сволочи... А этот — убьет... убьет... Замкнет у него снова — и убьет... Наколет на отвертку, как шашлык.... Бежать от него... Куда?.. Куда?.. все равно, все равно... куда-нибудь... вдоль проспекта идем... только бы машину тормознуть... и успеть сесть... и...

...черная «Волга»!.. пустая!.. только успеть рукой махнуть! успел!

— Гоните! Гоните скорее!

Подбегает, подбегает сумасшедший йог с отверткой!.. а вот как наверну тебя этим камнем!

Черт, промахнулся самую малость! Рядом с головой камень пролетел... Орет и машет кулаками... да плевать теперь... машина уже летит вперед.

— Сейчас мы с тобой, мон шер, заключим пари. Ты окажешься никому не нужным. За каждого человека ты мне будешь отдавать зуб.

— Ладно... Летим к Галине!

Машина отрывается от дороги, взмывает в воздух, перелетает через реку и приземляется прямо в километровом коридоре Политехнического.

Галина... Это же ты идешь впереди нас.

— Постой! Что же ты — не узнаешь меня?

— Орлов?

Господи... Как ты изменилась за эти два дня...

— Что с тобой, Орлов? И где ты был целый месяц? Сколько раз я звонила тебе, сколько раз заходила к тебе, где только не искала тебя... Все мне теперь понятно — ты этот месяц провел в тюрьме. Это я тебе тогда и предсказывала...

— Как — месяц?.. Ведь мы с тобой только два дня назад...

— Сегодня десятое июня. Или ты уже с ума сошел? Орлов, Орлов... Как же я ждала тебя в тот день — а ты исчез... Если бы ты приехал тогда, была бы твоей навеки, а сейчас... Ищи меня за тридевять земель. Когда станешь другим, тогда и приходи...

— Вот как... А такой, как есть, я тебе не нужен? Не нужен? Ладно... Поль! Летим к моей бабушке!

Машина разгоняется по коридору Нечеловеческого Храма твоего.

— Один — ноль, мон шер. Пожалуйте ваш зуб.

Еще один рывок плоскогубцами — и еще один мой зуб украшает нить.

Месяц... Как же это... Выходит, я сам все разрушил, когда можно было...

Бабушка зажигает лампады у себя в комнате.

— Ты-то меня узнаешь? Помоги мне... Я с ума сошел...

— Ничего, Господь тебя исцелит. Пойдем в Храм, покаешься, причастишься, тогда Господь душу и спасет.

— А так я тебе не нужен, да? Без причастий, без покаяний? Ладно, больше ты меня не увидишь... Держи, Поль, еще зуб... Полетели к моей корпорации.

Вот они — в карты режутся на подоконнике в школьном коридоре.

— Артист! Ты откуда такой? Отсидел?! Да ты чо! Все, Артист, веди нас в кабак —отметим! Такое дело — из зоны откинулся! Веди — упьемся, баб снимем, снова бизнес закрутим!

— А без денег, баб, бизнеса? А самто я... Да что говорить... Держи, Поль, еще зуб... Гони к Зосимовой. Она ведь любит меня.

Дверь открывает девочка-первоклашка, ойкает от страха и прячется обратно. Снова открывает через цепочку:

— Вам кого?

— Мне — Марину.

— А ее нет. Она в больнице с этим... как его... аппендицитом!

Аппендицитом... таким же, как у Истоминой тогда... конечно... она забеременела от меня, вот и решилась... и что ей было еще делать.. я погубил ее! И никогда уже у нее не будет...

— А вы кто?

— Я? Не знаю, кто... Орлов, вроде бы... А может, и нет...

— Какой вы смешной... А она вам письмо писала, а отправить не успела. Нате вот.

«Милый Андрюша, я знаю, раньше или позже ты обязательно вернешься ко мне, полюбишь меня и на всю жизнь станешь только...»

Ясно. Дальше и читать нечего. Я тебе нужен для размножения и содержания семьи, душа моя тебе не нужна.

Одна Элен остается. Сразу и надо было к ней. И собирался ведь, да тут эти проклятые алкойогики...

— Улетаем, Поль. Теперь — к Элен.

И еще один зуб мой закачался на нити.

Где же это я? В самом центре Города... Люди спешат во все стороны... И сумерки вечерние, все небо в свинцовых тучах, ледяной ветер пробирает до костей... А вот тут ведь должно быть кафе, то маленькое кафе, где мы с тобой, Галина, тогда... А где оно? Почему здесь парикмахерская? Сошел с ума, совсем сошел.. Да было ли оно?! Было ли оно?!

— Андрюша? Ты чего тут стоишь и таращишься? Парик решил купить?

Толпа у кинотеатра в самом центре Старого Города все растет и растет. Выходит, я вслух рассуждаю? Вот и хорошо... Встану вот здесь, чтобы все меня видели и слышали.

— Да... Сами мы и творим все зло. И винить-то каждый может только самого себя. Кто же меня заставлял его творить? Зачем я поддался ему? Я у всех вас хочу прощения попросить. Кто знает, может, среди вас сейчас есть люди, перед которыми я виноват... Ведь только выпусти зло из своей души, а дальше не

уследишь. Я кого-то заразил своим злом, тот — еще кого-то, тот — еще кого-то... Вот мы и превращаем жизнь в ад. Сбылось древнее пророчество — мы приобрели себе весь мир, а душу свою при этом загубили... И всего один Человек был на земле не из праха созданным — Он и приходил к нам, чтобы разомкнуть этот круг зла... И Слово стало плотью, и обитало с нами, но мир не познал Его. И мы снова взялись этот круг замыкать. И чем сильнее старались приспособиться к земной жизни, тем сильнее сами же этот круг замыкали... Я все понял, все понял... Простите меня.

Стоят и молча слушают. Надо идти. В церковь, скорее в церковь.. Тут рядом, совсем рядом... они там все знают... там все тайны хранятся...

Уже закрыто. Крепостные стены, железные ворота двухметровые. Надо постучать. Ведь должен же быть кто-нибудь...

— Откройте... Я возвращаюсь! Я все понял — «возлюби Бога своего и ближнего своего, как самого себя»... «Ищите прежде всего Царства Небесного и Правды его»... Я вспомнил, кто я... Понял, кто я и зачем здесь... И раскаиваюсь во всем, Открой мне, Господи... Прими меня...

Уже все руки разбил в кровь о железные ворота, но никто, никто... или вот уже идет кто-то? Да, слышу, кто-то идет, идет!

Громадные железные ворота медленно открываются, выходит Шеф, несет на себе крест, привязанный колючей проволокой к окровавленным рукам, а рот его заткнут носками Труфана... да ведь я сам же заткнул ему рот, и жду, что он мне скажет, как мне спастись...

— Прости меня, Шеф... Ты шел ко мне, чтобы спасти меня, а я... Я пролил твою кровь... Нельзя меня прощать просто так... Я должен искупить, искупить чем-то... И я знаю, что...

Кто это хлопает по плечу сзади? Кеша и Труфан, откуда они взялись?

— Уже молишься, сволочь? Правильно. Ты меня убить хотел камнем, так получай теперь!

— А ты, гад, мне всю жись сломал, теперь я у ментов повязан. Получай!

На голову что-то обрушивается и череп проламывает... что-то теплое, липкое потекло по лицу... рухнул на асфальт... поздно каяться пошел... все кончено... опоздал... но совсем почему-то не больно вдруг уже, что-то отключилось внутри, какой-то клапан раскрылся со вспышкой света слепящего, вон оно лежит на асфальте перед воротами храма, мое убитое тело, бритая голова в крови, рядом монтировка тоже в крови, но я жив и ухожу куда-то вверх...

Светоносное существо медленно приближается ко мне, поднимается ввысь, и мое тело бесплотное увлекается за ним. Бескрайняя черная воронка простирается над нами, и, как жало смерча, затягивает в себя мириады светоносных существ и следующих покорно за ними смутных, слегка колышащихся живых теней...

Воронка переходит в бесконечный широкий туннель, уходящий вверх... Какие-то переходы, виадуки, арки отходят от него во все стороны...

...Провода, трубки, шланги тянутся куда-то из тела... голова вросла в жесткий шлем... к рукам, к ногам что-то прикручено резиновыми лентами... к груди подключены провода...

Глаза открываются с трудом... веки словно свинцом налиты... все вокруг — белое. Белые стены, белые рамы окна, белый подоконник, белые ткани укрывают тело мое бессильное, и молодая женщина в белом сидит рядом. Лицо ее закрыто белой повязкой, видны лишь глаза. Она смотрит на меня внимательно и будто бы с жалостью.

— Где я? Ведь я умер...

— Ты — жив. И ты в больнице.

— Значит, я воскрес...

— Ты трое суток не приходил в себя. Такая сложная операция была.

— Как я сюда попал?

— Тебя привезли какие-то мужчина с женщиной на своей машине и уехали.

— Как — уехали? Кто они?

— Неизвестно. Они сказали, что подобрали тебя на улице. Ты лежал с пробитой головой.

— Вот как.. Значит, я и вправду... Надо же... Да как же они уехали? Даже фамилий своих не оставили?

— Нет, ни фамилий, ни адреса, ни телефона — ничего.

Господи... Даже не задумались, стоит ли меня спасать... или лучше было бы для всех, чтоб я умер... и для меня самого... А если бы они знали, кто я и что совершил...

— И номера машины никто не заметил?

— Когда же было... Если бы они на две минуты опоздали, поздно было бы реанимацию делать.

Да... И доктора... Трое суток спасали меня... Тоже ведь думали — я есмь человек, образ и подобие Божие, меня нужно спасать и воскрешать, каким бы я ни был... А знали бы они все, что я...

Ты первой поняла это во мне, Галина... Падший ангел, верный слуга Люцифера... Что же я совершил сам над собой, Господи?! Куда, куда исчез тот мальчик, которым я был двенадцать лет назад?! Тот пятилетний мальчик, что ходил со своей бабушкой в Храм на исповедь и причастие? Что любил Бога и всех людей и весь мир? Что верил в добро? В кого же я превратил того мальчика...

А ведь они все равно спасли бы меня, если бы даже и знали обо всех моих делах... Они меня тут же простили бы — сразу и за все, — глядя на жалкое состояние мое... И разве подумали бы они, что я, спасенный и воскрешенный, снова буду кого-то соблазнять, обманывать, избивать, издеваться..

В кого же я превратил того мальчика... И ведь начало уже казаться, что всегда и был таким, что и на свет появился таким — вечным слугой Люцифера... И все это не сон — катастрофа с Галиной, расправа Поля, распятие Шефа... Да разве можно прощать меня?! Но вы — простили. А значит — Сам Бог меня простил... Тем, что спасли меня по Его воле... Тем, что поверили в меня...

И даже никогда не узнаю, кто они, эти мужчина и женщина, что подобрали меня... А ведь это могли быть те, кого всю жизнь считал плебеями! Кого всю жизнь презирал и ненавидел.. И они-то меня и спасли... И нарочно ведь имен не оставили, чтобы я не благодарил их потом. Ведь не ради награды, не ради славы, не ради благодарности спасли! Просто так... От души. Которой у них и быть не может, как я был уверен все эти годы...

Просто так. Раз человеку плохо, значит, надо помочь. Вот вся их истина. И им не нужно было никаких доказательств: надо ли, стоит ли... Вдруг это какой-нибудь злодей, негодяй? Если бы они начали рассуждать, то постояли бы над моим трупом и уехали... А все дело было в двух минутах... В двух минутках... И стоило лишь эти две минутки упустить...

Ведь ты, Наташа, как раз что-то такое и говорила мне два года назад. Как раз что-то такое словно предвидела... «Не любишь никого и не веришь в добро между людьми лишь потому, что никогда не бывало в твоей жизни, чтобы ты нуждался в помощи, и тебе кто-нибудь помог бы совершенно бескорыстно...» Сбылось твое пророчество...

А я поклонялся чему угодно и кому угодно... Силе... Красоте... Интеллекту... Верлену, Бодлеру, Ницше, Шопенгауэру, Канту, Кришне... Только не Тому, Кто единственно достоин поклонения и почитания. Только не Христу.

Господи! Неужели простил Ты меня? А потому и воскресил?

Но ты, Шеф, простишь ли меня? А ты, Наташа? А ты, Галина? А ты, Элен? Зосимова? Как же заслужить мне теперь прощение ваше? Но я должен, должен его заслужить...

И пусть уже почти весь мир во власти дьявола, и все повязано сверху донизу сговором и трусостью, и у них все — и власть, и деньги, и сила... Ведь если Ты, Господи, так заботишься даже о таких, как я, то чего же бояться на Земле? И эта власть зла предсказана, и сами мы тому виной...

Для того Ты и спас меня, и воскресил меня, чтобы воистину я заново родился и начал бы жить сначала — по Твоим законам. Разве не к этому и вела меня программа моя внутренняя, еще до рождения в душу заложенная? И не бессмысленными были все страдания мои — кто виной, что иначе я не хотел и не мог понять?

И эти три дня словно был в каком-то тоннеле, где демоны хотели меня по-

губить, но Ангелы не отдали меня им и отправили в новую жизнь...

В новую жизнь — любить все живое и неживое, найти всех, кто еще не погубил душу, и помогать им всеми силами — только этим и могу искупить все зло мое, только этим и могу подтвердить, что не напрасно дарована мне теперь новая жизнь.

Лицо медсестры закрыто белой повязкой. Лишь большие серые глаза внимательно смотрят на меня. Ты тоже спасала меня трое суток.

— Ты прости меня. Прости... За все и за всех.

Беззвучный запредельный Голос струится в синеве за окном, плывет в лучах вечернего солнца и колышется плавными волнами:

— Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода...

1986—1988, ИРКУТСК

Борис Ананьин

ВСТРЕЧА

□ □ □

Клонится по ветру ива,
Где-то скрипит журавель...
Мать ли качает тоскливо
В детстве мою колыбель?..

Полночью долго и трудно
Светит в окошко звезда.
Счастье ли в отзвуке скудном?..
И набегут холода.

Родина, что же такое
Вдруг приключилось с тобой?
Нет ни любви, ни покоя,
А на дорогах разбой.

Выползли темные силы
Снова на солнечный свет.
Это случалось, Россия,
Был ли безгласен поэт?

Ты велика и не больно,
Как ни меняйся судьба.
Но отреклась ты невольно
Лишь от себя, от себя.

ВСТРЕЧА

Я шел, мечтая о своем,—
Он предо мной возник.
И долго помнился потом,
Явившийся старик.

Глазами скорбными икон
Взглянул он на меня,
И в них почувствовал я стон
Земного бытия.

Откуда он и как зашел
В материальный век?
Что взглядом пристальным нашел
Уставший человек?

Народа скудные права,
Боль незаживших ран,
Народ, непомнящий родства,
И оскверненный храм...

БЕРЕЗА

Чуть грустная и строгая
В затишье у ворот,
Навеки одинокая
Меня береза ждет.

Она, как утро раннее,
Как первый снег чиста,—
Зеленое дыхание
Горячего листа.

Чуть воздух заколышется —
Вся так и обомрет,
И дышит, не надышится,
И так светло живет.

Когда цветет — вся светится,
А к холодам — горит;
И под ветрами плещется,
И всей листвой кипит.

Подвижная и пылкая,
Под обложным дождем
Листом и каждой былкою
Все шепчет о родном.

□ □ □

Этот вечер, что пропах
Мокрым лугом и сиренью!..
Блики, шорохи в углах...
Тишина, как потрясенье.

И покой, покой такой
В темноте до поднебесья.
Жизнь со мной, любовь со мной —
Обступают зримо, тесно.

Словно давнее опять
В звуках, запахе знакомом.
Только вот не будет мать
Печь топить по зимам в доме.

Не присядет у огня
Слушать тихое гуденье,
И далекого меня
Не посадит на колени.
Столько лет! — И дом не тот.
Вот и я уже старею.
Только с тем, что все пройдет,—
Согласиться не сумею.

Блики, шорох, дождь ночной...
Жизнь — повсюду.
Зримо, тесно.
И покой, такой покой
В темноте до поднебесья.

ХРЕБТЫ

Утром хмурым, утром скудным
Вид хребтов таежных дик,
Этой силе непробудной
Даже годы — краткий миг.

Высоко за хвойной гривой
В небе сосен четкий строй.
Широко и молчаливо
Вечность веет надо мной.

РОССИЯ

Полынный дух сухой земли.
Душа мятется, стонет...
Вдруг ветер вихрем!
Пыль вдали —
Как будто мчатся кони.

Набег... раздор?
И свист, и вой,
И гул в смятенном мире.
И туча синью грозовой
Все круче, ближе, шире,

Клубясь над кровлей городской,
Над крышей деревенской,
Все застилая плотной мглой
И тишиной вселенской.

Стрелой просторы расколов,
Ярясь, грохочет сила.
В тяжелых грозах гул веков
И бед твоих, Россия.

Ты вдаль глядишь, ты плачешь, мать.
Ты помнишь, чтишь... ты любишь!
Твою тревогу не унять,
Пока ты есть и будешь.

Сверкнула синь из темных гряд.
Вдали дожди цветные.
И в сердце светится твой взгляд —
Туманы голубые.

Ананьин Борис Васильевич родился в 1946 году в Иркутске. Закончил филологический факультет Иркутского госуниверситета. Работал рабочим на заводе, учителем в сельской школе.

В альманахе «Сибирь» публикуется впервые.

Живет в Иркутске.

Архиепископ Хризостом

ЖЕНА, КОТОРУЮ ТЫ МНЕ ДАЛ

На протяжении всей истории человечества происходит ожесточенная борьба между добром и злом. В этой борьбе страдают и гибнут люди: одни — растленные пороком, другие — в борьбе с ним. Большинство людей по своей слабости, лени, эгоизму, корысти становятся рабами зла. Наряду с ними всегда были люди, верные добру, добродетельные, высокой духовности и нравственности. Многими тысячелетиями человечество большими усилиями и жертвами накапливало духовный опыт и совершенствовало нравственные требования, без которых человек и человечество не могут развиваться и создавать необходимые условия для нормальной жизни. Сложна, противоречива и многотрудна история развития человеческой духовности и возвышенной нравственности, поскольку зло очень активно противоборствует добру. Зло облекается в привлекательные одежды и обещает легкодоступные удовольствия, тем самым оно привлекает к себе падких на них. Нередко зло принимает и личину добра, чтобы уловить в свои сети и тех, кто имеет благие намерения следовать добру, но не очень-то хочет утруждать себя всем, чтобы разобраться, что есть добро, а что — зло. История знает и такие случаи, когда зло провозглашали добром, повелевали служить ему, а тех, кто противился безумному велению, уничтожали, объявляя их врагами общего блага. Неоднократно пытались добрые и благие цели достигать дурными, жестокими средствами, как это было во времена инквизиции, Французской революции и Октябрьской в нашей стране.

Славный и трагический XX век. Как много он обещал людям в своем начале! Какие только блага он не сулил в ближайшем будущем, во имя которых с легкостью было отвергнуто или забыто почти все, что было достигнуто огромным трудом и талантом многих поколений наших предков! Век отрицаний и больших надежд, унесший многие миллионы человеческих жизней, отнявший веру в Бога, а вместе с ней духовность и нравственность у большинства людей, в конечном итоге приведший человечество к пропасти самоуничтожения. Предотвратить гибель, продлить историю человечества пока еще возможно одним радикальным средством — повысить духовность и нравственность людей. Другого пути, видимо, нет.

Нам долгое время внушали всеми средствами массовой информации, что мы живем в самой справедливой, прогрессивной и преуспевающей стране. Дурман мнимых успехов, благодарение Богу, начинает рассеиваться. Всеобщая спячка и равнодушие уходят в прошлое. Появилась потребность признать и проанализировать ошибки, чтобы сделать соответствующие выводы и поправить дело. Заметно оживилось наше общество. Теперь средства массовой информации соревнуются в подаче негативных явлений в нашей жизни. Мы постоянно узнаем о раз-

личных трагических событиях, совершающихся по вине беспечных и безответственных лиц. Все трагические события, имеющие место в различных регионах нашей страны, говорят о бездуховности и низкой нравственности. Отсутствие духовности и низкая нравственность большинства людей вызвана тем обстоятельством, что с некоторого времени у нас не уделялось внимания этой стороне человеческой сущности, считая, видимо, ее не столь важной по сравнению с материальными нуждами, которые были поставлены во главу угла. Но результат получился плачевный. Люди не получили обещанных благ. Вместо них появилось множество самых различных трудностей. Стали накапливаться неудовольствие, сомнение, раздражение и усиливаться эгоизм, который прочно вошел в сознание людей еще и потому, что поколебалась вера в справедливость. Она подорвана стилем жизни на протяжении всего периода культа личности и застоя, когда ложь выдавалась за правду, зло— за добро. Возродить веру в справедливость могут разумные и действенные законы, которые не были бы только на бумаге, в теории, но применялись бы в жизни, невзирая на лица и положение, очень нужна также и добрая нравственность людей, ибо при низкой нравственности и бездуховности не принесут существенной пользы и самые гуманные законы. Нужно уделить самое серьезное внимание нравственному воспитанию людей и особенно подрастающего поколения. Нравственность и духовность невозможно повысить директивой, указанием сверху.

Нравственную основу дети получают от своих родителей.

Главная и очень ответственная роль в этом принадлежит матери, поскольку она вынашивает плод своего чрева, кормит своей грудью и вместе с кровью и молоком передает ребенку частицу своей духовно-нравственной сущности. Нравственное состояние детей и общества в целом зависит не столько от мужчин, сколько от женщин. Вот почему так высоки всегда были моральные требования к женщинам вообще и матерям особенно. Может ли получить ребенок что-либо хорошего от матери, которая во время беременности и кормления грудью своего ребенка пьет спиртное, курит и вообще ведет очень свободный образ жизни, мягко говоря. Дети таких матерей и не лучших отцов получают в наследство расстроенное физическое здоровье, больную психику, слабые умственные способности и дурные наклонности.

В нашем современном обществе великое множество самых различных проблем. Все они жизненно важны и требуют неотложного решения. Но из всех проблем проблема материнства и детства является самой острой. Она настойчиво напоминает о себе и ждет разумного и справедливого решения, поскольку от этого зависит настоящее и будущее.

Соприкоснувшись с проблемами, одни, пожалуй, больше уделяют внимания не тому, как выйти из этого тупика, а ищут виновных, чтобы отвести душу бранью в их адрес. Другие же требуют скорейшего решения экономических проблем, не учитывая духовно-нравственного кризиса в обществе, который и является главным виновником многих наших бед. Пока не повысится нравственность и духовность, трудно ожидать существенных положительных перемен и в других сферах нашей жизни. Не велика заслуга указать цель, определить ее важность, нужно еще знать и дорогу к ней. Часто люди устремлялись с благими намерениями к желанной цели и не достигали ее потому, что избирали неверный путь и дурные средства. Людям очень хочется без особого труда и скорее достигнуть хорошей жизни, забывая о том, что все доброе достигается огромным трудом. Труд должен быть свободным, нравственным, усердным и творческим. Только тогда он приносит обильные плоды и внутреннее удовлетворение.

На протяжении девяти веков, с момента принятия христианства нашими предками до Октябрьской революции. Церковь окормляла людей, прививала им высокие моральные принципы, постоянно призывая их к духовности и добродетельной жизни. Голос Церкви достигал своей цели, многие люди жили по-христиански, исполняя свой гражданский и семейный долг. Религия охватывала все сферы общественной и частной жизни, ограждая многих и многих людей от порочного растления. По-разному можно

оценивать роль Церкви в истории нашего государства, но невозможно отвергнуть того огромного положительного влияния на развитие духовности и морали наших предков, которые оставили нам богатейшее духовное наследство, незаслуженно забытое неблагодарными их потомками.

На протяжении семидесяти лет воинствующий атеизм борется с религией, как виновницей якобы всех бед человеческих. Апологеты атеизма особенно беспощадно обвиняют религию в том, что она унижала женщин, что именно религия отняла у них свободу и равенство с мужчинами. Действительно, положение женщин в обществе и семье всегда было очень трудным и далеким от идеала справедливости. Женская любовь, верность, сердечная доброта, жертвенная преданность семье, чуткость, терпеливость и многие другие добродетели часто не замечались или воспринимались как должное. Много было негативного в общественной и семейной жизни женщин, но не религия была повинна в этом, а общественные нравы и мужской эгоизм. Острая проблема материнства и детства и другие женские проблемы нашей современности говорят о том, что не так все просто, однозначно в жизни. Недостаточной оказалась эмансипация женщин. Нужны еще и соответствующие условия, чтобы свобода и равенство послужили во благо и принесли полезные плоды им самим. Нынешние жизненные условия, несмотря на равенство в правах, не очень-то благоприятны для женщин. Многие утрачивают женственность, привлекательность, становясь уродливой мужской копией. Теперь на долю большинства женщин возложена обстоятельствами двойная ноша: собственная и мужская. Женщины наравне с мужчинами работают на производстве, часто на очень тяжелых и непрестижных участках, к тому же занимаются и домашней работой, подолгу стоят в очередях, ухитряются достать нужные вещи при всеобщем дефиците, рожают и воспитывают детей, если это можно назвать воспитанием, поскольку у них для этого практически не остается времени.

Религия имеет такую же большую историю, как и человечество. К сожалению, многие ее не знают. У нас к религии однозначный атеистический подход: религия — опиум для народа. Если бы это было даже и так, то и в этом случае можно было бы усмотреть положительное, поскольку опиум применяется в медицине для облегчения страданий. Религиозный опиум у большинства отняли, но взамен дали красивые лозунги, не обеспечив их практическим содержанием. Несбывшиеся надежды утоляют теперь настоящим опиумом — водкой и наркотиками.

* * *

В священной книге христиан Библии говорится, что Бог сотворил мужчину и женщину по образу и подобию Своему, благословил их на размножение и расселение по всей земле, повелел им хранить и возделывать землю, которая будет местом обитания и источником питания людей. Первая супружеская чета была возвышена Творцом над природой и живыми тварями, чтобы они разумно управляли ими ради общего блага. Озаренный Божественным светом разум автора книги Бытия смог воспринять и передать религиозную истину о Боге-Творце, Его абсолютной духовности и всемогуществе. Он проник также и в духовно-материальную сущность человека, постиг его предназначение в мире и то, как люди воспользовались своей свободой и к чему это привело человечество.

Бог сотворил Адама из праха земного и вдунул в него дыхание жизни. Жена Адама Ева сотворена Богом из ребра Адамова. Такой аллегорией автор этого повествования утверждает духовное единство людей с Богом, равенство и единство между мужчиной и женщиной, материальную общность людей с природой и живыми тварями. В этом связующем единстве Творца и твари проявлялась гармония жизни, блаженство твари, цель бытия.

Прародители человеческого рода получили от своего Творца заповедь, соблюдение которой давало им возможность добровольно духовно-нравственно совершенствоваться, приближаться к Богу — Источнику жизни и блаженства, уподобляться Ему. Цель человеческого бытия — блаженство. Блаженство — добровольный союз с Богом, движение к Нему через

сохранение Его заповедей, постоянный прогресс, Богоуподобление. Люди не сохранили заповеди Божией. Они поддались искушению обольстителя, который обещал им мгновенное Богоуподобление, равенство с Творцом, помимо нравственного усилия, постепенного духовно-нравственного развития. Сатана, искушавший Еву, своими лукаво-лживыми словами породил у нее недоверие к Творцу, сомнение в искренности Его отношения к ним. Ева, поверив словам искусителя, забыла о любви Божией к ним, воспламенившись надеждой на очень желанный конечный результат, сорвала плод с запрещенного дерева, съела сама и дала своему мужу, который тоже ел. Так была нарушена воля Божия. Началом зла послужили сомнение и гордость. Стремление к Богоуподоблению у наших прародителей было естественным. Их грех состоит в том, что они избрали дурное средство для его достижения. Эта греховная тенденция очень прочно вошла в естество потомков Адама и Евы, причиняя им огромные страдания. Адам и Ева, нарушив волю Божию, не окончательно пали. Они имели еще возможность осознать свою ошибку и исправить свое положение чистосердечным покаянием. Сам Творец призывал их к тому, когда спрашивал Адама: не ел ли он плодов с запретного дерева. Вместо покаяния Адам стал возлагать собственную вину на жену и Самого Бога, говоря: «Жена, которую ты мне дал, дала мне, и я ел». Ева тоже не смогла осознать своей вины перед Творцом и покаяться. Она смогла только сказать, что змей ее соблазнил. Повествуя о грехопадении Адама и Евы, поразительный бытописатель очень кратко и образно изложил религиозную философию о происхождении зла в человеке и причину его последующего бурного развития в драматической истории человечества.

Грех удалил людей от Бога, внес хаос в прежнюю гармонию бытия во Вселенной, помрачил разум, породил гордыню, эгоизм, различные разделения и веилкое множество пороков, которые с каждым поколением увеличиваются, стремясь окончательно подчинить и растлить человечество. Апостол любви Иоанн Богослов вынужден с горечью сказать: «Весь мир лежит во зле» (1 Ин. V, 19). Но при всем обилии и разнообразии зла в мире, оно не смогло истребить в человечестве стремление к добру. Бог, осудив Адама за грех на тяжкий труд добывания необходимого для жизни, а Еву на рождение в муках детей, не лишил их самих и их потомства заложенного в них Его образа и подобия, которые являются духовной сущностью людей. Образ и подобие Творца в людях может искажаться, оскудевать и подавляться безнравственным образом жизни, но не утрачивается окончательно. Поэтому каждый человек и общество могут переживать духовно-нравственный кризис и вместе с тем имеют возможность выходить из него, обновляться, преображаться. История тому свидетель.

Библейский рассказ о сотворении Богом мужчины и женщины возвещает краеугольную религиозную истину о том, что они являются единой сущности и равных духовно-нравственных возможностей при физиологическом их различии. Адам и Ева в равной степени виноваты перед своим Творцом (не беря во внимание некоторые нюансы их поведения) и получили равное наказание за свой грех — нравственные и физические страдания, в конечном итоге смерть. Имеется и другое мнение по поводу этого места Священного Писания, повествующего о происхождении зла, которое находится в зависимости от исторически сложившегося несправедливого отношения к женщине. Трудные условия жизни выдвигали на первый план физическую силу, необходимую в добывании плодов земли и защите своего жилища. Основными же обязанностями женщины были продление рода, рождение и воспитание детей и преданность семейному очагу. Обязанности святые, трудные и очень ответственные, но несправедливо обесцененные утратой подлинных духовно-нравственных ценностей. Нужно еще учитывать и то обстоятельство, что духовными писателями в основном были монашествующие, определенная часть которых не смогла верно понять христианский аскетизм. Не очень духовные ревнители благочестия вместо понятия «весь мир лежит во зле» стали считать, что все зло от мира, а главным источником зла — женщину, через которую зло вошло в мир и продолжает распространяться. Аргументом для них является тот факт, что искуси-

тель дерзнул приступить к Еве, якобы как к более неустойчивой в добре. Виновницами зла, по их мнению, оказываются Ева и ее дочери, Адам же и его сыны — бедная жертва. Уж очень унизительная роль отведена для мужчин! Справедливости ради следует отметить, что автор на первом этапе грехопадения отвел Адаму пассивную роль. Активность его проявилась в самооправдании, когда он перелагал свою вину на жену и Бога. Наш праотец положил начало пороку, прочно вошедшему в естество его потомков. Все виноваты, кроме меня. Самоопределение всегда мешало людям приносить исцеляющее покаяние. Нередко даже в самом покаянии присутствует укор не себе, а другим.

Следует обратить особое внимание на проклятие Богом змия, где содержится очень важная мысль в следующих словах: «И вражду положу между тобой и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. Ш, 15). Отцы Церкви видели в этом изречении пророчество о Христе. По их мнению, Бог дал людям надежду, которую многократно повторял через Своих праведников, на то, что зло не подчинит себе окончательно род человеческий, что придет Спаситель и укажет путь в Царство добра. Он даст людям силы в их борьбе со злом. Злу попускается только жалить в пятку, а людям дана возможность поражать его в голову. Этой аллегорией выражено соотношение возможности добра и зла. Этой верой жили и вдохновлялись многие люди на протяжении всей истории, борясь со злом, утверждая добро. Человеческую историю можно сравнить с болезненными родами женщины, которая быстро забывает о них, наполняясь материнской любовью. Радость же праведников, боровшихся со злом, будет вечной. Согласно обетованию Христову верующие в Него активно ожидают нового неба и новой земли, где будет обитать правда.

Первое мессианское пророчество отводит важную роль женщине в деле спасения людей, в борьбе со злом. Семя (потомство) жены, а не мужа, сотрет голову змию (сатане), виновнику зла. В Новом Завете евангелист Матфей в своем Евангелии приводит слова пророка Исаии, как уже сбывшегося пророчества о Мессии: «Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф. 71, 23). Вот о чем невозможно умолчать или истолковать по-своему тем, кто считает, что от женщины исходит только зло, что она не способна достигать духовно-нравственных высот. Дева Мария вознесена христианством выше херувимов и серафимов, бесплотных духов за свою высокую духовность и нравственную чистоту. Она заняла первое место в небесной торжествующей Церкви, являясь любящей Матерью всех людей, молясь за них своему Сыну и Богу.

Период от грехопадения наших прародителей до Рождества Христова исчисляется многими тысячелетиями и называется по церковной терминологии Ветхим Заветом. На протяжении всего этого периода Бог возвещал людям Свою волю через праведников, которые личным примером побуждали своих современников исполнять заповеди Божии и смело обличали пороки, за что нередко подвергались гонению, предавались жестоким пыткам и смерти, но их кровь была еще более сильной проповедью, призывавшей к добру и обличавшей зло.

В созидании духовно-нравственных ценностей, борьбе со злом участвовали не только ветхозаветные праведники мужского пола, но и женщины прежде всего подвигом материнства, воспитанием своих детей в духе добра. Выше материнской любви пророк Исаия ставит только любовь Божию. Он говорит от Имени Бога: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49. 15). В те древние жестокие времена женщины не бросали своих детей, как это делают некоторые матери в наш просвещенный век, в противном случае обличитель пороков своих сограждан Исаия не свидетельствовал бы о прекрасной и многотрудной женской добродетели материнства. Материнская любовь ветхозаветных праведниц могла в отечественные исторические периоды преодолевать личное природное чувство и выражаться в религиозном экстазе. Вот что говорит Библия об одной такой праведнице по имени

Соломония: «Наиболее же достойна удивления и славной памяти мать, которая, видя, как семь ее сыновей умерщвлены в течение одного дня, благодушно переносила это в надежде на Господа. Исполненная доблестных чувств и укрепляя женское рассуждение мужским духом, она поощряла каждого из них на отечественном языке и говорила им: «Я не знаю, как вы явились во чреве моем: не я дала вам дыхание и жизнь: не мною образовался состав каждого. Итак, Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите самих себя за Его законы» (2 Мак. VII, 20—23). Апофеоз религиозного чувства Соломонии выражен в словах, обращенных к младшему сыну, когда она боялась того, что он по своей молодости не выдержит пыток и уступит мучителю. Мать взывала к сыну: «Сын! Сжалься надо мною, которая девять месяцев носила тебя во чреве, три года питала тебя молоком, вскормила и вырастила, и воспитала тебя. Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего и что так произошел и род человеческий. Не страшись этого убийцы, но будь достойным братьев своих и прими смерть, чтобы я по милости Божией опять приобрела тебя с братьями твоими» (2 Мак. VII, 27—29).

Движимые горячей верой в Бога и личное бессмертие, ветхозаветные праведники обоего пола многими трудами и подвигами подготовили людей к пришествию в мир Спасителя и восприятию Его учения. Ветхий Завет завершился Голгофской искупительной жертвой, смертью Богочеловека и Его славным воскресением из мертвых.С основания Христовой Церкви начинается Новый Завет, который завершится концом этого мира, окончательной победой добра над злом.

* * *

Проповедь Иисуса Христа была обращена ко всем людям независимо от их национальности и социального положения, призывая каждого возлюбить Бога и своего ближнего не на словах только, а выражать любовь в конкретных добрых поступках, в служении своим ближним вплоть до самопожертвования. Утверждая единственным средством достижения праведности любовь к Богу и ближним. Спаситель отверг предписания левитов, выражавшихся во множестве различных мелочных запрещениях, далеких от духовно-нравственных ценностей, и указал в притче о милосердном самаритянине и примером Своей жизни, что ближними являются все люди без исключения. Дела любви должны оказываться всем нуждающимся в них. Кроткий Проповедник любви и милосердия из Назарета очень резко обличал лицемерие духовенства, книжников и фарисеев, руководителей народа иудейского, которые вводили людей в заблуждение подменой Моисеева закона внешней обрядностью. Иудейские духовные вожди враждебно отнеслись к Христову учению, запретили людям слушать Его и ходить за Ним. Поэтому нужно было иметь мужество, чтобы принадлежать к числу учеников Христовых. К Иисусу Христу приходили страдающие различными недугами, гонимые, обездоленные и жаждущие правды. Последних было немного, но именно они были первыми членами основанной Христом Церкви, распространившейся по всему миру и существующей почти две тысячи лет в очень трудных условиях, в постоянной борьбе со злом.

Среди сопровождавших Иисуса Христа были и женщины, воспринявшие Его учение и посвятившие свою жизнь Ему. Эти женщины, движимые горячей верой и любовью к своему Божественному Учителю, сохранили Ему верность и проявили героизм тогда, когда апостол Петр трижды отрекся, другие же, кроме Иоанна Богослова, апостолы в страхе разбежались, оставив своего Учителя среди врагов, которые Его распяли. За свои добродетели жены-мироносицы, как именует их Церковь, посвятившая их памяти второе воскресение после Пасхи, первыми сподобились увидеть воскресшего Господа. Спаситель, воскреснув из мертвых, явился женам-мироносицам и послал их возвестить радость Его ученикам. Вера, любовь и верность женщин приобщили их к радости воскресения и возвели в апостольское достоинство. Они исполнили возложенное на них самим Госпо-

дом апостольское служение для самих апостолов Христовых.

В Новом Завете женщины так же, как и прежде, получили равные права и возможности с мужчинами в созидании духовно-нравственных ценностей, в борьбе со злом, утверждении царства правды и добра. Царства Божия. История духовности и святости Христовой Церкви бережно хранит память мучениц, исповедниц, праведниц, а также благоговейно относится к огромному сонму матерей, воспитавших своих детей в духе христианского благочестия.

Христос проповедовал религиозную свободу, предоставляя право выбора и верный путь любви и добровольного крестоношения, но никого не принуждал против воли следовать за Ним. Иисус Христос освободил также верующих от непосильного и ненужного обрядового времени, сосредоточив внимание на внутреннем стяжании даров Святого Духа. Спаситель Своим отношением к людям показал их равенство перед Богом, поскольку они Его творение и дети, а Он их любящий Отец, пославший Своего Сына ценой страданий спасти человечество от рабства греху. Дети Небесного Отца являются братьями и сестрами, следовательно, должны соответствующим образом относиться друг к другу. Вот когда были провозглашены свобода, равенство и братство. Следует обратить внимание на то, что эти основные принципы человеческого бытия провозглашаются Иисусом Христом не как новые, не известные ранее, а только повторяются Им, поскольку люди по своей греховной немощи забыли о них, поскольку людям стало свойственно подменять подлинно духовные и нравственные ценности ложными, искаженными пороками гордости и эгоизма.

История христианства так же сложна и противоречива, как и общечеловеческая. Одно несомненно, что христианство оказало огромное положительное влияние на развитие духовно-нравственных ценностей. По мере оскудения веры падала нравственность и понижалась духовность. Вера в добро всегда была необходима всем, но более всего женщинам, жизнь которых, особенно в России, была очень и очень тяжелой. Многие русские женщины на протяжении десяти веков черпали силы для несения своего трудного подвига в семье и обществе, получали отраду, утешение в Церкви, являясь ее верными и преданными членами. Православные храмы России, которых было очень много, являлись живительными родниками высокой духовности и возвышенной нравственности. Совершенно справедливо архиепископ Смоленский Кирилл в телевизионной передаче «Философские беседы» сказал, что русские писатели видели и отразили в своем творчестве высокую духовность простого русского народа. Русские, и особенно женщины, смогли увидеть и принять в христианстве самое главное: суть Христова учения — спасение через страдания, безропотное несение собственного креста, следуя добровольно за Господом через Голгофу к воскресению, жизни вечной, где нет страданий, где торжествует Правда и Добро. Горячая вера в загробную жизнь и торжество справедливости помогала людям терпеливо переносить житейские невзгоды, давала силы не озлобляться и делать добро.

Христианское отношение русской женщины к страданию, как искупительному средству, отмена возмездия за личные грехи и даже облегчение участи в загробном мире умерших близких людей прекрасно отражено замечательным русским писателем (очень не характерен этот рассказ для его творчества, но тем-то он и ценен) И. С. Тургеневым в рассказе «Живые мощи», где он раскрывает богатый внутренний мир крепостной Лукерьи, безропотной страдалицы, истинной христианки.

Женщины всегда участвовали в жизни Церкви — мистического Тела Христова, подражая своими добродетелями женам-мироносицам. В последние десятилетия миссия женщин-христианок стала еще более ответственной в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств, которые лишили детей возможности получать религиозное воспитание и знания в школах и приходах. Малое количество храмов, отсутствие духовной литературы, низкий духовно-нравственный уровень большинства священнослужителей, воинствующий атеизм породили множество проблем в Русской Православной Церкви. Многие считали, что Церковь не сможет в таких условиях про-

существовать долго. Во времена Н.С. Хрущева на верующих обрушилась вся мощь бюрократической машины, закрывались и разрушались храмы, неустойчивые священнослужители публично отрекались от веры, христианские святыни осквернялись, верующие подвергались оскорблениям и глумлению через средства массовой информации. Было намечено к восьмидесятым годам покончить с религией в нашей стране. Господь не допустил вконец разрушить Свою Церковь на территории нашей страны. Он даровал Свою благодатную помощь женщинам, верой и усердием которых наша Церковь выжила и продолжает осуществлять свою спасительную миссию. Десятки миллионов наших современниц принадлежат к Русской Православной Церкви. Они, как правило, добросовестно исполняют свой гражданский и семейный долг, активно участвуют в жизни Церкви, вносят обильную лепту на церковные нужды и благотворительные цели. Религиозный подвиг женщин трудно переоценить.

В настоящее время Русская Православная Церковь в основном состоит из женщин. Они посещают храмы, активно участвуют в богослужении и административной жизни прихода. На сегодня, пожалуй, матери и бабушки являются единственными миссионерами, имеющими возможность беспрепятственно знакомить детей и внуков с религией в положительном аспекте. Следует отметить тот печальный факт, что духовно-нравственный уровень верующих понижается, поскольку Церковь пополняется, как правило, лицами, приходящими из мира, далекого от религиозного воспитания и знаний, со своими нравственными и физическими недугами. Для многих, особенно женщин, переживших различные невзгоды, разочарованных в своих надеждах, Церковь — пристанище, где они ищут только забвения и утешения, не сознавая того, что жизнь христианина — постоянная борьба с личными греховными привычками и наклонностями, максимальное напряжение воли для исполнения заповеди Спасителя о любви к Богу и ближним.

Наше общество находится в глубоком духовно-нравственном кризисе, который, может быть, еще можно преодолеть консолидацией сил всех тех, кто не хочет и не может видеть собственный народ, окончательно растленный пороками. Многое зависит от женщин, их нравственности. Поэтому необходимо срочно создать им нормальные условия на работе и в быту, чтобы женщины могли почувствовать себя женщинами; чтобы могли не только рожать, но и воспитывать в более или менее нормальных условиях своих детей. Очень важно было бы изыскать рычаги воздействия на преодоление мужского эгоизма, а также на повышение авторитета главы семьи. Прежде всего муж должен иметь материальную возможность содержать свою семью, чтобы жена могла больше уделять внимания воспитанию детей, чтобы она работала не ради материальной нужды, а из любви к своей профессии и столько, сколько позволят ей семейные обстоятельства.

Государство обязано уделить самое серьезное внимание семейному вопросу. Необходимо конкретными мерами содействовать укреплению семьи, ибо здоровая семья — сильное государство. Для этой цели нужно использовать все имеющиеся у нас средства — материальные, духовные и нравственные. Дети-сироты при живых родителях — позор для всего общества, государства. Мы не можем только обвинять матерей, бросивших своих детей на произвол судьбы. Нам следует очень деликатно и с пониманием отнестись к этой больной и очень сложной проблеме. Милосердием и чутким отношением к несчастным матерям и детям мы сделаем гораздо больше полезного, хорошего.

Христианская религия — религия любви и милосердия, обращенная ко всем людям и особенно к падшим грешникам, ибо Единородный Сын Божий приходил в этот мир ради спасения грешников. Церковь не только призывает к спасению, но и предлагает человеку благодатные средства для преодоления греховных привычек и наклонностей, духовно-нравственного обновления. Нужно внимательно прислушаться к призыву Господа и последовать за Ним, подражая Ему в любви и милосердии.

Женщины-христианки! Спаситель призывает вас в это трудное для нашего

общества время послужить своим ближним делами любви и милосердия, как это делали многие и многие ваши соотечественницы на протяжении десяти веков в годы великих испытаний для нашего народа, из которых наши предки выходили обновленными, с новыми силами и опытом, внося свою лепту в общую духовную сокровищницу для будущих поколений.

(Впервые статья опубликована в «Литературном Иркутске», Октябрь, 1989 г.)

Архиепископ Хризостом (Георгий Федорович Мартишкин) родился в 1934 году в Рязанской области.

Окончил Московскую духовную семинарию, а затем Московскую духовную академию.

Служил в приходах г. Москвы, работал в Отделе внешних церковных сношений. Возглавлял Иркутскую епархию.

В настоящее время архиепископ Виленский и Литовский.

Илья Юрьев

К ПОКАЯНИЮ...

□ □ □

Дыши свободой, проклятой навек,
Нестойко это противостоянье.
В расчетливом порыве покаянья
Не души очищают — путь наверх.
Уже нет сил бесстрастно принимать
Устроенную в мире клоунаду:
Кому-то нынче искренности надо?..
Прозревший сын, свою презревший мать,
Вдруг слезы накатил на холмы щек,
Запричитал: «Да как я мог, родная?..»
И фарисеи свои роли знают:
«Брависсимо! Гигант! Еще-еще!..»
Уж лучше б он смеялся над собой,
Комедию ошибок продлевая,
Тогда б я понял, что душа живая
В нем нервною натружена борьбой.
Но тщетно...
И, не напрягая глаз,
Я вижу: сын, как был, остался блудным.
Кто смог вот так покаяться прилюдно,
Тот будет каяться еще не раз.
И не напрасно он мигает мне,
Кривясь ухмылкой: в покаянья эти
Поверил зал.
А мне свобода светит
Безустно каяться наедине.
Вперед поскачет серая лошадка.
Как наше противостоянье шатко!

□ □ □

«Расплясались, разгулялись бесы
по России...»

М. Волошин

Сколько дней над родиною распри —
Беспокойных дней.
Что-то происходит в нашем братстве...
У его корней
Копошатся черти, травят зори,
Баламутят жизнь,
Норовят семейство перессорить,
Памяти лишить,
Напоить соленою водою
Русский водоем
И устроить шабаш на раздолье
С курским соловьем...

Русь!
Ужели машешь ты крылами
На прощанье нам?
Правда вновь в отечесном бедламе
С ложью пополам.

Позабыли, как — врагам на диво,
Обескровлена —
Гибнущим на помощь приходила
Нищая страна,
Скольких от безродия и дыма
В лютый час спасла,
Дабы купиной неопалимой
Прогореть дотла...

Но, пусть головы усыплют пеплом
Праздные шуты,
Все равно — из боли, грязи, пекла
Прорастаешь ты:
Для весны, для мира и для братства
Жертвуешь собой...
Сколько дней над Родиною распри!
Бесконечный бой.

В ЛЮБАНИ

Тетка вскрикнет в сенях: «Осторожно!
Не сверни головою косяк!..»
Поздно. Боль колокольною дрожью
Сдвинет мысли наперекосяк.

«Вот беда! — сокрушается тетя,—
Глянь, Петрович, гость шишку набил!
Как вы, соколы, быстро растете...
Ты ж сюда без поклона входил...
Лет уж двадцать, видать...»
Тетя Валя
И жалеет меня, и корит:
«Забываешь родню, забываешь!
Вот и бьешься зазря!» — говорит.

Здесь далекого детства оттенки
Проступают, легки и чисты:
Стол, кровать, и дрова у плиты,
И давнишние фото на стенке...

Да, приходит однажды пора нам
Равновесье в себе обрести.
Саднит то ли душа, то ли рана —
Видно, время поклоны нести.
Нечем мне возразить тете Вале...
Мы огонь, сберегающий нас,
И природную мудрость теряли.
И засечки на лбу — в самый раз!

□ □ □

От угла до угла
Не стена пролегла —
Череда то снегов, то дождей.
И не чайки кричат,
И не капли стучат —
Будь то ночь, будь то день.

Это землю мою
Разворовывают:
Что возьмут, что затопчут — и прочь!
Торгашей колготня
Рвет и душит меня
Будь то день, будь то ночь...

Лязги крепких костей —
Тьмы заморских гостей
Тянут руки, чтоб нищим помочь.

От великой любви
Эти руки — в крови,
Перстневая на пальчиках звень...
Вроде нету войны,
Но с лицом сатаны —
Будь то ночь, будь то день —
В свете адской зари
Над землею — смотри! —
Во все небо кровавая тень.

ГОСПОДА

«И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели».
А. Блок

Тянем гуж, не смыкаючи глаз,
А чиновные черные люди
Тихой сапою ходят средь нас
И о нашем усердии судят.
Не для нас голосят соловьи
В материнских дубравах и долах.
В дорогие просторы свои
Не пускают нас долг или доля.

В том же нищем краю, как в раю,
Господа собираются кругом,
Чьи-то песни срамные поют
И вино подливают подругам.
А потом предъявляют свой счет
Тем, кто их охраняет веселье,
Громко хают бесстыдный народ
И дремучую матерь-Рассею...

А зарей, вознесясь над толпой,
Приготовленной к смерти и к чуду,—

Все одно не живем! Так на кой!..—
Приговор нам читают Иуды,
Все жалеют тщедушный народ,
Катаклизм небывалый пророчат...

То назад позовут, то вперед —
И не всякий в толпе разберет:
Кто-куда поворачивать хочет...

Может, их справедлив приговор? —
Ни Февраль, ни Октябрь ведь,
ни Сталин,
Ни расстрелы, ни войны, ни мор —
Нам не стали наукой,
Не стали!
Нас загнали, как тех лошадей —
Снова слезы кровавые льются...
И с трибун призывавшие нам порадеть,
Как и прежде, считают-считают людей
И опять — в жолтых окнах смеются!..

УТРО РОССИИ

Неспешно заалеет даль,
Отдернув занавески ночи,
И радость, боль или печаль
В душе зажатой захлопочут.

Прозренья крутолобый струг
Прорежет тучу серой пены.
Мы были терпеливы, друг,
В потемках пряча нетерпенье.

Разбуженные новизной
Ловить загар уйдут пижоны,
Глаза замокнут белизной,
В зеркалье снега отраженной.

Согреемся. Пойдут на лад
Дела. Мы станем сыты, рады.
Но солнца ярь обрежет взгляд
Лучом в упор разящей правды.

Ночь не возьмет свое назад,
Но просто так не впустит лето.
Приученные к тьме глаза
Сквозь слезы привыкают к свету.

КРАСОТА

Всю-то жизнь непутевой крали,
Как ошибку самой земли,
И по косточкам разобрали,
И по бревнышкам разнесли.

Заклеймили молвою, дабы
Ни любви ей теперь, ни семьи...
Справедливость играла в бабах,
Словно правда самой земли.

Но опять замечали люди —
И, наверное, неспроста —
Она снова кого-то любит,
И ее кто-то снова любит...
В том ли тайна твоя, красота:
Все возьми! — от тебя не убудут
Ни грехи твои, ни высота!

НА ПРОЩАНИЕ С ПОЛЯРНЫМ

Ирине

Где мы с тобой свободны от присутствий
Всех тех, кто с нами стал накоротке,
Где шумным братством комары пасутся
На прокопченном пыльном потолке,
Где книги, фотографии и вещи
Хранят наш мир, наш собственный язык,—
Звук посторонний, резкий и зловещий
Со сквозняком пронзительным возник.

Сегодня дом имеет нашу душу,
А завтра станет он чужим жильем...
Который раз незыблемое рушим,
И снова остаемся мы вдвоем —
Вот главное!
А то, что потеряли,
Обогащалось тем, что обрели —
Два берега реки,
Одной медали
Две стороны,
Два полюса Земли.

Илья Юрьев (Логинов Илья Юрьевич) родился в 1954 году в Ленинграде.

Закончил Литературный институт в Москве.

Стихи публиковались в журналах и альманахах «Октябрь», «На Севере дальнем» и др.

В «Сибири» публикуется впервые.

Живет в г. Певеке.

Владимир Юдин

КОСМОПОЛИТИЗМ?— НЕТ. ПАТРИОТИЗМ!

(Полемические заметки)

Гласность и демократия — вещи чрезвычайно хрупкие, нежные, обращаться с ними надо осторожно и бережно, однако нередко по незнанию, глупости, а то и намеренно их путают с анархией и вседозволенностью, экстремизмом и разрушением все и вся. Вслушайтесь в некоторые заявления новоявленных «прорабов перестройки», без меры и совести шельмующих авторитетные имена, героические деяния предков, зачеркивающих с каким-то эйфорическим неистовством памятные страницы русской национальной истории. «Егор Лигачев — противник антисталинской кампании», — витийствует критик Ю. Корякин на собрании «Мемориала» в парке им. Горького в Москве. «Социалистический реализм — это идеологическая система, связывающая литературу по рукам и ногам, внедренная Сталиным», — безапелляционно, с каким-то сладострастием заявляет И. Золотусский в телепередаче «До и после полуночи», будто и не он восхищался шедеврами литературы, созданными в духе ненавистного ему соцреализма, в своих прежних, опубликованных в застойные годы работах...

Главный редактор журнала «Огонек» В. Коротич в своем интервью радиостанции «Би-Би-Си» развязно шельмовал «антиперестройщиков» — писателей А. Иванова, М. Алексеева, П. Проскурина, журналы (тоже, разумеется, по его мнению, «антиперестроечные!»), «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия». «Би-Би-Си», конечно, с большой охотой предоставила микрофон этому «прорабу перестройки»...

«Что вы думаете сейчас о социалистическом реализме?» — обратился корреспондент газеты «Книжное обозрение» Ф. Медведев к печально известному автору «Прогулок с Пушкиным» А. Синявскому (Абраму Терцу). Последний, солидаризируясь с нашей соотечественницей, столь же яро отвергающей «замшелый соцреализм», — Т. Толстой, тоном мэтра назидательно ответствовал:

— Так и думаю, как тогда, когда писал свою статью, за которую тоже пострадал. Соцреализм — дело прошлое. Тот, кто пишет в этой манере, тот архаик: Петр Проскурин, скажем, Анатолий Иванов...» (Книжное обозрение. 1990. № 4. С. 9).

Бывшему русскому писателю, ныне эмигранту А. Синявскому невдомек, что методология соцреализма (впрочем, как и всякая другая методология в искусстве) не может быть «спущена» или отменена сверху, директивно, волей пусть даже сверхсильного властелина, ибо она вырабатывается внутри самого искусства, развивается исторично, по велению времени. Социалистический реализм — это не «сталинское ЦУ для «художников в мундирах», как разглагольствуют нынче некоторые горе-литературоведы, прославившие свои имена в годы застоя тем, что создавали объемные монографии, между прочим, по теории соцреализма обеспечив себе безбедное житье, получив высокие научные степени. Не

методология «делает» художника, а художник своим творчеством творит методологию.

Каждому школьнику хорошо известно, что произведения соцреализма появились задолго до Сталина и созданного им тоталитарного режима, даже задолго до Октябрьской революции, в творчестве М. Горького, Д. Бедного, А. Серафимовича, а также некоторых зарубежных авторов той эпохи. Лишь много позже стала отчетливо вырисовываться в академическом литературоведении теория нового метода, за которым, после многочисленных дебатов, закрепилось определение — «социалистический реализм». Так при чем же здесь Сталин, его диктатура, наконец, при чем здесь пресловутая «архаика» творческого стиля А. Иванова, П. Проскурина и им подобных?..

Вряд ли А. Синявский и иже с ним демонстрируют элементарное незнание истории развития отечественной литературы. Скорее, это сознательное извращение общеизвестных фактов, ставящее своей целью все перевернуть с ног на голову, черное назвать белым, а белое черным, оклеветать, растоптать произведения, горячо принятые народом — «Вечный зов» А. Иванова, «Судьбу» П. Проскурина и многие другие.

Впрочем, споры о творческом методе — слишком тонкая материя, чтобы полемизировать о подлинных и мнимых ценностях искусства. Опустимся на грешную землю. Эстрадная певица в безудержном раже «борется» со спидом и, завершая свое исполнение, бросает в зал к зрителям пачки презервативов... Так сказать, искусство на службе народа!..

Поэт Е. Евтушенко за один только вечер своего выступления в Калининском цирке получил наличными семь тысяч рублей — и был таков. Билеты стоили по три рубля, без скидки школьникам, студентам, пенсионерам, приехавшим полицезреть стихотворца с окраин всей области. Средствами массовой информации областного центра был создан режим наибольшего благоприятствования, осуществлена оглушительная рекламная кампания заезжему гастролеру, в тесном содружестве с кооперативом «Диапазон» были изготовлены красочные транспаранты: «Выступает поэт Евгений Евтушенко, только один вечер, в 18 и 21 час». Под занавес многочасового ревю поэт выдал на-гора свою новую поэму — «Самсон». Дабы наглядно показать, как жестоко наказана подлость (Самсон — доносчик, стукач НКВД), поэт, усиленно помогая себе жестикуляцией, «предметно», на собственной персоне... кастрирует незадачливого героя... Бедные женщины, пришедшие на представление, не знали, куда глаза девать от стыда. Даже львы в клетках, за стеною цирка притихли...

Интервью с гостившим у нас в области Народным артистом СССР М. Ульяновым («Монолог о культуре») изобилует откровенными русофобскими перлами (странно, что в этом интервью газета «не увидела» элементарного неуважения к русскому народу!) вроде: «вывихнутый русский народ», «чуть открыли ворота — и стадо (то есть народ. — В. Ю.) вырвалось и топчет все святое».

Согласитесь, ни одна нация в мире не снесет молча подобные гнусности, от них ведь всего один шаг ступить до одиозных откровений А. Терца (А. Синявского) с его циничной фразой: «Россия — сука». Так почему же русские люди должны спокойно переносить эти издевательства?!

«Нам всем к этому надо привыкать!..» — призывает нас после своего турне по Прибалтике В. Коротич. К чему, собственно, привыкать-то? Речь шла ни много ни мало о трагических эксцессах на межнациональной почве в нашей стране. Именно к этому В. Коротич призвал нас (кстати, в том же цирке, где выступал Е. Евтушенко) «привыкать»...

Так живет провинция. А как ведут себя некоторые деятели искусства за рубежом, манипулируя «сверхгласностью» и «сверхдемократией»?

Мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг» за 9 февраля 1988 г. поместила интервью с А. Вознесенским, совершавшим длительный вояж по ФРГ. Без меры и совести поэт обливает грязью историко-патриотическое общество «Память», не дифференцируя его состав, характеризуя всех подряд как «антисемитов», «шовинистов», «черносотенцев» и пр. и пр. и в подтверждение своих «наблюдизмов» рас-

сказывает «случай», якобы происшедший с ним в родном отечестве.

«Антисемитизм в СССР, конечно, есть, — разглагольствует А. Вознесенский. — Однажды я выступал перед многочисленной публикой. Мне прислали две записки: в одной из них содержалась угроза в адрес широко известного режиссера: «Если ты не перестанешь говорить об антисемитизме в Советском Союзе, мы тебя повесим в собственном театре!», в другой записке была нарисована шестиконечная звезда...»

Надо ли комментировать сей легкомысленный, не лишенный, однако, политической клеветы монолог?.. Судить по двум запискам об «антисемитизме» в СССР — даже если такие записки и были в действительности — весьма необоснованно. Достаточно для сравнения вспомнить провокационные письма некоего Норинского из Ленинграда: тот немало истратил бумаги на клеветнические писульки аналогичного толка. На деле все оказалось мыльным пузырем, который тотчас же лопнул, как только за дело взялись компетентные органы, выявив элементарную гнусную провокацию...

Кому плачется в жилетку популярный советский поэт?.. Мюнхенской «Зюддойчецайтунг». Последнюю оперативно цитирует, не скрывая своего злорадства, радио «Свобода». Удивительное содружество, неподражаемый альянс сионистской империалистической радиостанции и советского литератора!..

Еще информация для размышления. Польский еженедельник «Политика» за 11 февраля 1989 г. опубликовал беседу своего корреспондента Анны Жебровской с писателем В. Дудинцевым. Привожу выдержку из нее.

— Не считаете ли вы, что советская интеллигенция не всегда противостояла злу? Она покорно соглашалась на все, что ей подсовывали. Пригласили ее в 50-е годы критиковать «Не хлебом единым» — критиковала. В 60-е начали кампанию против тунеядца Бродского — включилась. В 70-е написали, что Солженицын является клеветником — поверила. Сослали Сахарова как прихвостня ЦРУ — аплодировала.

— А где вы, мадам, нашли массы интеллигенции, которую вы осуждаете? Вся советская интеллигенция лежит в земле, она рассыпалась в прах. Ее ликвидировали в несколько этапов, причем эффективно. На протяжении 70 лет самые ценные, самые активные просвещенные элементы ставили к стенке, высылали, порочили как общественную гниль. Тех, которые все это пережили, можно по пальцам перечесть, словно зубров. Новая интеллигенция лишь начинает прорастать — Черниченко, Стреляный, Нуйкин, Коротич, Бакланов. Словом, единицы. Прошу не путать их с толпами «образованных» (определение Солженицына) коллаборантов, хорошо подкармливаемых и знающих, чего от них хотят взамен, с армией бездумных поддакивателей, которым подлинный интеллигент не должен подавать руку.

Как видим, «новую подлинную» интеллигенцию В. Дудинцев узрел в коротичах и стреляных. Не нашлось в этом ряду места и широко известным русским писателям-патриотам: Бондареву, Распутину, Астафьеву, Белову. Даже живой классик Л. М. Леонов не удостоился чести числиться в интеллигентах...

В той же «Политике» за 3 декабря 1988 г. опубликована беседа корреспондента Славомира Поповского с профессором ректором историко-архивного института в Москве Ю. Афанасьевым. Вот что, в частности, изрек ученый: «Одновременно происходит процесс реабилитации бывших деятелей, которые были репрессированы Сталиным и вычеркнуты из истории. Значение этого процесса просто трудно переоценить. Ведь еще год назад нельзя было даже допустить, что Бухарин будет реабилитирован не только как гражданин, но и политически, как член партии. Процесс этот происходит последовательно и даже быстро, но здесь не использованы еще все возможности. Вероятно, не будет популярным то, что сейчас вам скажу, но я считаю, что в ходе реабилитации ко всем деятелям следует относиться одинаково. Я имею в виду прежде всего Троцкого...»

Вот образчик исторического релятивизма, не имеющий ничего общего с гуманизмом, нравственностью и объективностью. Неужели маститому ученому не ясно, что Троцкий наиболее сущностно выражал доктрину остер-

венелой русофобии, «которая начиналась еще с первых тезисов Троцкого, который предлагал русский народ согнать в лагеря, — писал В. Личутин. — И тогда при заключении Брестского мира Ленин ратовал за мир, Троцкий был против. Он сказал, дескать, пусть немцы дойдут до Волги, пусть погибнет миллион-другой русских, зато все народы мира возмутятся, восстанут и начнут революцию у себя. Уже тогда человек представлялся в виде вши. И оттуда идет уже яркое проявление русофобии» (В. Личутин. «Не в свои сани...» (Литературная Россия, 1989. 14 апреля. С. 8). Для Троцкого Россия была всего лишь ничтожной вязанкой дров, которую надо бросить в костер пресловутой «перманентной революции»...

Право, как-то неловко напоминать профессиональному историку очевидные истины. А историк этот сетует, что задерживается открытие кабинета-музея Троцкого в Смольном «во имя справедливости, и восстановления исторической истины»...

Действительно, в современной публицистике, очерках и эссе, в научных изысканиях нередко приводятся искаженные или искусно подтасованные «факты», крайне односторонние мнения, сенсационные, рассчитанные на обывателя концепции. Массовая культура захватила в свое лоно общественное сознание — вот в чем видится серьезная опасность. Нынче, когда проводится нужная кропотливая работа по восстановлению исторических истин, переосмыслению культурно-нравственных обретений, важно избегать односторонности, нигилистически-ниспровергательного подхода, ибо потомки нам не простят бездумную подмену подлинных ценностей «шедеврами» вроде «Детей Арбата» или «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина».

Между тем практика жизни часто демонстрирует как раз обратное. В еженедельнике «Говорит и показывает Москва» (№ 47, 1989) помещена статья «Очищение» С. Цыгановой. В ней говорится, что Центральное телевидение подготовило передачу «Актуальный объектив», которая будет показана 22 ноября. Статья завершается психологическим нажимом: «Защищая Сталина и его систему, такие, как Шеховцов, борются с нами, с нашей перестройкой. Им не нужна гласность. Они мечтают о возрождении «сталинской эпохи» — эпохи беспрекословного подчинения верхам, эпохи безгласности и страха, эпохи «винтиков» и «вождей».

Пусть автор статьи не заподозрит меня в тайном сочувствии к «сталинистам», однако никак не могу взять себе в толк, на каком таком основании И. Т. Шеховцов выставлен «борцом против нашей перестройки»?... Только потому, что он сочувственно отзывается о Сталине и его системе? Если так, то насколько это грозное обвинение увязывается с плюрализмом мнений и суждений, с элементарной логикой спора, наконец, уважением к личности, пусть даже и не разделяющей твоих «прогрессивных» «заперестроечных» убеждений?.. Ведь телезритель этой передачи еще не видел, а ему уж заранее навязывают определенное негативное мнение. Разве это не воскрешение отвергнутого ныне принципа: если ты не согласен со мной, ты в р а г перестройки!...

Разными дорогами, но люди непременно придут к осознанию перестройки, всего нашего преобразовательного пути. И неправда, что И. Т. Шеховцову или Н. Андреевой «не нужна гласность», как пишет С. Цыганова. Гласность нужна в с е м в равной степени. Гласность н е н у ж н а цыгановым, монополизировавшим в своих руках средства массовой информации и навязывающим обществу «единственно правильное» мнение. И совершенно справедливо пишет Станислав Куняев: о том, что «необходимо принять как можно скорее законы и иные нормативные акты, чтобы органы массовой информации не могли манипулировать сознанием людей в своих корыстных, узконационалистических целях» (Сов. Россия. 1990, 23 февраля).

Если газета «Говорит и показывает Москва» решила высказаться по готовящейся телепередаче, то почему бы не поместить рядом два противоположных мнения о ней?

Но у кого учиться плюрализму бедным журналистам, если законодатели гласности нередко сами демонстрируют диктат и грубый произвол? Несть числа примерам такого ро-

да. Вышла, скажем, в минувшем году в издательстве «Советский писатель» новая литературно-критическая работа Ч. Гусейнова «Этот живой феномен». Писатели в ней жестко поделены на два лагеря — «своих» и «чужих». «Свои», конечно, «хорошие», «умные», «талантливые», «перспективные». А «чужие» — бездарности и невежды. Уничтожающей критике подвергались работы «почвенников»: Ю. Лошица, В. Старостина, Н. Скатова, С. Лыкошина, М. Лобанова, В. Кожинова... Список можно продолжить. Зато с каким упоением повествуется о «космополитах»: П. Николаеве, В. Оскоцком, Ю. Суровцеве!..

Если бы только дело касалось личных авторских симпатий или антипатий — кто от них застрахован? Увы, Ч. Гусейнов пытается «анализировать» историческую прозу русских писателей с одной-единственной целью — принизить ее успехи, извратить мысли о патриотизме, героической истории народа. Так, о книге костромского писателя В. Старостина «Русь богатырская», которую очень тепло принял читатель, критик пишет только «критически». Столь же неистово отвергается повесть В. Ганичева «Росс непобедимый». Почему? Что смущает Ч. Гусейнова? Ему не нравится «несколько прямолинейный подзаголовок»: «историческое повествование, были и легенды о южном «окне» в Европу, о земле, поднятой трудом и разумом наших людей, и о создании Черноморского флота». Не верит критик и в единство русичей, способных объединиться в грозный час опасности перед внешним врагом, зато принимает миф о пресловутых «потемкинских деревнях», давно развенчанный авторитетными историками как пасквиль на Россию и ее историю. Странно, что советский исследователь, пропагандирующий, между прочим, в своих декларациях интернационализм, крайне однобоко и болезненно воспринимает патриотический пафос романов В. Ганичева, В. Старостина, гражданские, пронизанные острой болью за судьбу Отечества, размышления критиков В. Кожинова, Н. Скатова, С. Лыкошина...

Сегодня, быть может, как никогда, честный, непредвзятый взгляд на историко-духовные ценности становится одной из самых насущных потребностей общества. Очень многое зависит от мировоззренческих, патриотических пристрастий полемизирующих сторон. Роль и значение деятельности того или иного исторического лица определяется в конечном счете его отношением к России, ее народу. Это ключ к истине.

«Культура — она ведь всемирная, не закрытая, а именно открытая эстетическая система. Сколько десятилетий нашу культуру, нашу науку старались отгородить от всего мира «железным занавесом», ничего не вышло. Она пережила странные, уродующие ее, деформирующие процессы, но выстояла», — справедливо рассуждает академик Д. С. Лихачев[1]. Однако далее совершает некий зигзаг: на «хвосте» крупных представителей реализма — Булгакова, Платонова, Набокова, Пильняка, Ахматовой — с необычайным хладнокровием, как само собой разумеющееся, причисляет к сонму подлинно великих художников шумных авангардистов — Кандинского, Шагала, Малевича, чье «величие» весьма сомнительно, и я решительно не принимаю псевдонаучную методологию симбиоза, когда в один ряд включаются творцы, явно не однозначные как по глубине таланта, так и по творческой устремленности.

Д. С. Лихачев ставит концептуальную проблему: что первично в искусстве — ее «всепланетарное», космополитическое начало (т. е. интернациональное, по мнению ученого) или начало национальное, из которого, собственно, по нашему мнению, и произрастает интернациональная широта всякого крупного таланта?

Позиция академика безапелляционно однозначна: «Творчество Пушкина зависит и от античной культуры, и от творчества английского романтика Байрона, и от французской литературы, от арабской литературы, и от многих других культур... В то же время Пушкин — самый русский, самый национальный поэт. Но мог ли он обрести свое, неповторимое, лицо, не овладей он иными культурами? На примере творчества великого русского поэ-

---

[1] Советская культура. 1990. 13 янв. С. 15. Интервью с академиком Д. С. Лихачевым.

та мы видим, как «космополитические», «всепланетарные» идеи не мешают, а наоборот, помогают художнику приобрести свое отчетливо выраженное национальное лицо».

По Д. С. Лихачеву получается, что национальное величие Пушкина обусловлено определяющим воздействием на него цивилизующей западноевропейской культуры, неким «ученичеством» у корифеев литературы чужедальних стран, не будь заморской культуры, не будь таких замечательных (кто же спорит?!) творцов, как Байрон, французской и арабской литературы, античной и «многих других культур» (Д. С. Лихачев), Пушкин, выходит, просто-напросто не состоялся бы как великий художник... Получается, «интернациональная», культура просвещенного Запада сформировала национального гения — ни больше ни меньше и лишь «в то же время (не прежде всего, а только «в т о ж е в р е м я!»!) Пушкин — самый русский, самый национальный поэт»...

Дивные дива творятся ныне вокруг благородного имени Пушкина!.. Закордонные ненавистники беспардонно обливают поэта грязью в русофобских изданиях, доморощенные космополиты с необычайным рвением распинают его на кресте и глумливо называют эту вакханалию «плюрализмом», «новым научным прочтением» гениальных сочинений художника. А теперь вот и почтенный академик внес посильную лепту.

«Прогулкам с Пушкиным» А. Терца, разумеется, не дотянуть до академических размышлений Д. С. Лихачева: уж больно они откровенны в своем цинизме, тогда как седовласый ученый сохраняет апломб и гордое достоинство... Но чья «антипушкиниана» опасней?..

С. Куняев призвал патриотов по достоинству отвечать русофобам всех мастей, «но так, как подобает великому народу, как подобает потомкам Пушкина: твердо, уверенно, спокойно. Отвечая на провокации не агрессивной, импульсивной яростью, а брезгливым и холодным презрением. Большего — ни крупные, ни мелкие бесы, провоцирующие нас,— не заслуживают...»

Ей-богу, очень трудно удержаться от праведного гнева. Столько накипело!.. И все же, попытаемся разобраться в суждениях Д. С. Лихачева, проявив такт и терпение.

Мне кажется, логичнее рассуждать в обратном, нежели академик, направлении: не родись Пушкин как русский национальный гений, не впитай он в себя целебные истоки устной фольклорной стихии («Что за прелесть — эти сказки!»), не овладей музыкой русской народной речи, всем великолепьем национальных народно-поэтических форм, никогда бы ему не стать гением мировой культуры, иначе говоря, Пушкин все-таки сначала неповторимый «самый русский», самый национальный поэт» (Д. С. Лихачев), а уж потом «планетарный» художник. Национальное питает и обуславливает в его творениях интернациональное, общечеловеческое, а не наоборот. На примере творений Пушкина (да только ли Пушкина?!) мы видим, как «космополитические», то есть в данном контексте мировые, общечеловеческие идеи поэта предопределены прежде всего и более всего его национально-эстетической культурной традицией, школой отечественного классического стиха (о Ломоносове, Кантемире, Сумарокове, Державине и других художниках — предшественниках Пушкина в рассуждениях Д. С. Лихачева нет ни слова...), благодаря чему лицо гения, говоря словами академика, обретает отчетливо выраженное «общенациональное» лицо.

Походя «ущипнув» историко-патриотическое объединение «Память» (понятное дело, без этого совкультуровская цензура интервью в свет не пустит!), Д. С. Лихачев обобщает: «Только подлинный интернационализм ведет к национальной самобытности. ...Нам нечего бояться «космополитизма», «всемирного» взгляда на природу и человека, искусство и культуру».

Действительно, чего теперь бояться космополитизма, когда он во всеоружии, в чести у множества доморощенных ниспровергателей Пушкина и других национальных святынь русского народа, когда слово «патриот» стало поистине запретным и, если так далее дело пойдет, окончательно выветрится из сознания потомков.

Хотелось бы все же уточнить у академика: если «подлинный интернационализм ведет к

национальной самобытности», то от чего он — «космополитизм-интернационализм» сам-то пляшет, от какой печки? Неужто возникает как птица Феникс — из пепла?.. А как быть с известным замечанием В. И. Ленина: «Интернациональная культура не безнациональная»?

В самом деле, «нам нечего бояться «космополитизма», выросшего из глубинной национальной идеи, но тут уместнее было бы прибегнуть к слову «патриотизм». Нам действительно нечего бояться патриотизма, хотя иные «новаторы-интернационалисты» страшатся его как черт ладана...

Академик Д. С. Лихачев вправе ставить вопрос о реабилитации слова «космополитизм», о снятии с него негативно-черной окраски, «слово «космополитизм», пишет он, вызывает у людей малосведущих негативное восприятие, тем более, многие с болью вспоминают «охоту» на «космополитов» конца сороковых — начала пятидесятых годов. Мысль верна, однако выберем другой термин, который ближе и понятнее, к примеру, «универсальный», «всемирный» масштаб мышления человека и общества».

Присоединяюсь к мнению ученого, но с принципиальным условием: давно настала пора реабилитировать оплеванное и извращенное слово п а т р и о т и з м, бессовестно дискредитируемое целой фалангой ярых русофобов как в прошлые десятилетия, так и в наше благословенное время. А то ведь рядом с этим благородным словом доброхоты выстраивают целые синонимические ряды, упражняясь в лингвистических изысках: «шовинизм», «квасный патриотизм», «воинствующий национализм», «энтическая однородность», «национальная замкнутость», тут есть все, кроме первородного сияющего значения, только и свойственного этому слову. Ну, а за словом, разумеется, скрывается его первозданный богатейший смысл: беспредельная любовь к матери-Отчизне.

Как подчеркивает литературовед П. С. Выходцев сама по себе эта проблема не нова. Начиная с 1917 года и до наших дней, она была и остается самой острой, самой напряженной и драматичной. Исключительно много вреда принесли в разрушении национальных традиций троцкисты, особенно засевшие в таких литературных группировках, как футуристы, пролеткультовцы, рапповцы. Эти лжереволюционеры с первых же дней Октября заняли крайне нигилистические позиции в отношении к любым проявлениям национального своеобразия в культуре, литературе и прежде всего в отношении к русским национальным традициям. Они активно втягивали в свою орбиту писателей и руководителей антирусской настроенности, сионистующие элементы, рядившиеся в тогу «интернационалистов». Заняв ключевые позиции в печати, они учинили полный разбой в сфере культуры, литературы, религии, духа, создали обстановку дискредитации всей прошлой русской истории, «сбрасывали» «с парохода современности Пушкина и Толстого, систематически поливали грязью русское крестьянство, да и весь русский народ.

Досадно, что жанр статьи не позволяет мне обильное цитирование специальных исследований по этому жгучему вопросу. Но идея, думаю, и без того предельно ясна. Она воплотилась в публикациях последнего времени В. Кожинова, М. Лобанова, Л. Ершова, П. Выходцева, М. Любомудрова, С. Куняева, С. Лукошина, С. Шешукова, Ф. Бирюкова, А. Огнева, В. Шафаревича, С. Журавлева, Т. Глушковой, В. Горбачева, А. Кузьмина, горячо обсуждалась на VI пленуме СП РСФСР, в целом ряде публикаций журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия» и т. д.

Закон математики гласит: от перестановки слагаемых сумма не меняется. Увы, законы точных наук не распространяются на сложные аксиомы социально-духовной жизни. Переставляя местами исходные категории национального и интернационального в искусстве, академик Д. С. Лихачев тем самым компрометирует проблему национального, придает ей некое второстепенное, производное, вторичное качество. Идя таким путем, легко скатиться на позиции современных радикальничающих неотроцкистов, ложно трактующих интернационализм как отмену национального содержания искусства. Применительно к русской литературе это находило и находит свое выражение в остервенелой русофобии, при этом,

конечно, не только не исключается, а предполагается фобия к национальной специфике культуры других народов.

Обеспокоенный ростом русофобско-нигилистических тенденций в духовной жизни конца 20-х — начала 30-х гг., А. В. Луначарский писал: «Нам нечего бояться стать народниками оттого, что мы будем искать опоры для нашего социалистического художественного творчества, созданного крестьянскими коллективами, в сокровищах народного искусства. Нам нечего бояться стать националистами оттого, что мы будем любоваться разнообразием творчества национальностей и всемерно содействовать развитию каждой из них» (А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве. / Собр. соч. в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 239).

Вряд ли случайно, что в дальнейшем эти тревожные сигналы о грядущих трагедиях русской национальной культуры были преданы забвению на целые десятилетия или сознательно отброшены некоторыми идеологами-руководителями, эти руководители возрождали пролеткультовско-рапповские вульгарно-социалистические концепции искусства и литературы, схематизировали только по классовому признаку всю социалистическую культуру, отвергали национальные основы всякого искусства — любой нации или народности, хотя в отличие от вульгаризаторов 20—30-х гг. и с некоторыми оговорками.

Не есть ли «новое», «космополитическое» прочтение Пушкина академиком Д. С. Лихачевым, его выводы о «первичности» интернационализма и «вторичности» патриотизма (исконное значение национализма, как известно, патриотизм»), по сути, воскрешение старых идеологических догм? Не есть ли это воскрешение «традиции» ниспровергателей духовных ценностей русской культуры в 20-е годы? Во всяком случае это созвучно русофобским «размышлизмам» нынешних неорапповцев, так же, как и их духовные праотцы-напостовцы, лефорцы, конструктивисты и пр. и пр., неистово уповающих на развал национальной самобытности русской литературы?..

Русофобия на марше. Она может выливаться в форму неприкрытой ненависти к национальным святыням, может рядиться в тогу мнимой космополитически-интеллектуальной импозантности и даже выражать себя в некой «озабоченности» о судьбах русской культуры. Только все это блеф и очень похоже на «дружеские» удушающие объятия медведя, после которых рискуешь света белого не увидеть.

Владимир Александрович Юдин родился в 1947 году в станице Губской Краснодарского края. Окончил Армавирский педагогический институт. Кандидат филологических наук, доцент.

Статьи и рецензии по проблемам советской литературы публиковались в сборниках, журналах «Дон», «Север», «Подъем», «Сибирские огни», «Волга», «Молодая гвардия». Автор книги «Человек. История. Память».

Живет в г. Калинине.

Петр Панецкий

СМОРЧОК

РАССКАЗ

Мы ехали на телеге, что само по себе для горожанина явление довольно редкое. Но пока я гостил у Арсентия Петровича, случилось так, что я к этому попривык и не замечал уже ни натужного поскрипывания шкворня, ни писка осей, ни того даже, как Лунатик отгонял хвостом слепней. Из томительной полудремы вырывала меня только какая-нибудь забежавшая под колеса колдобина или голос возницы, который вот уже на протяжении примерно восьми километров бубнил через равные промежутки времени: «Экий ты, однако, ну, пше-о-о-ол». И Лунатик шел, размахивая хвостом, тяжелым, как швабра.

Это был старый и странный мерин. Ко всем явлениям жизни он подходил со стоическим и философским спокойствием. Если он не был в упряжи, челюсть его мерно перемещалась, и ни один овод, даже самый кусучий, не удостаивался его внимания. Но стоило только затянуться подпруге, появиться старой, потрескавшейся, когда-то окрашенной вероятнее всего в голубой цвет дуге, мерин преображался. Он всем своим видом старался показать, как много вокруг него всякой мошкары, оводов, и, казалось, даже глаза его начинали слезиться намного больше, то есть, работать ему было никак нельзя. И сейчас на очередной окрик хозяина он откликнулся яростным ударом грязно-рыжего хвоста.

— Вот ведь, скотина, а все понимает, — обращаясь непонятно к кому, пробормотал Арсентий Петрович и еще раз, больше для очистки совести, добавил: — но, пше-о-ол, бестия.

Про Арсентия Петровича, мужа моей тетки, в деревеньке, где они жили, ходили легенды. Когда-то и где-то он командовал взводом, ходил в атаки, но во все это мало верилось, потому что Арсентий Петрович ничего и никогда об этом не говорил, а вид его был таким, что невольно думалось: «Ах, злые языки».

Сам Арсентий Петрович, что называется, был похож на сморчка. Его так и звали за глаза, но не злобно, а так, шутя.

Маленький, усохший, костлявый, с черепом совершенно лысым, неправильным, как кособокое яйцо (говорили: разрублен саблей, а где уж в наше время сабли), он неизменно вызывал улыбку у каждого нового знакомого. Соревнуясь с ним в весе, любой тучный баран вышел бы победителем. Как-то я поднял его пьяненького и уложил спать — от силы пуда три. А лицо все было в таких мелких и бесчисленных морщинах, что, как у нас говорят, на заплатку не выберешь.

Но к чести его сказать, он умел делать многое такое, о чем я понятия не имел, живя в городе. Сплести ли корзину, морду, отбить косу, изготовить мушку на хариуса — все это в его руках получалось на загляденье.

И сейчас он взял меня с собой не более как за компанию. Помощник из

меня на покосе был никудышный, тем не менее его, казалось, это нисколько не удручало.

Приехали мы на место так поздно, что я сразу за костер, Арсентий Петрович — за шалаш. На это нам потребовалось почти одинаковое время, правда, шалаш уже был, его надо было лишь обустроить. После моих многотрудных усилий смолье, что я нашел для растопки, занялось, костер зафыркал искрами, и мы с Арсентием Петровичем уселись друг против друга.

Для меня это был первый в жизни покос, и я тревожно прислушивался ко всем странным ночным шорохам, бульканью воды в речке, сплошь заросшей травой, непонятным, невесть откуда берущимся звукам, Арсентий Петрович за это время заварил чай, распечатал четвертинку, казавшуюся в бликах костра даже какой-то заманчивой, и, не спрашивая моего желания, разлил ее в два стакана.

— Ну, давай, Коля, за утро. По росе если смотреть, так вроде ничего будет, — он духом проглотил водку и, нюхая хлеб, покосился в сторону Лунатика.

Мы долго молчали. Свежий воздух и поездка сделали свое дело, и после выпитой водки меня сразу стало клонить в сон. Арсентий Петрович пошевелил палкой костер, снял вдруг свою старую с засаленным козырьком кепку, бросил рядом, проговорил:

— От, черти, все помнят.

— Кто помнит? — спросил я.

— Да этот, военкомат, — ответил Арсентий Петрович, блестя маленькими светлыми глазками над сморщенным носом.

Было видно, что он чем-то очень доволен.

— Что помнят-то? — переспросил я равнодушно.

— Все помнят, — сказал вдруг Арсентий Петрович таким голосом и глядя как бы сквозь меня, что я приподнялся и оглянулся в темноту.

— Знаешь что, Коля, давай-ка мы с тобой еще пропустим за пехоту — царицу полей, а? — спросил он меня и, не дожидаясь ответа, полез в котомку. Но голос, вот что было во всем этом странным. Я уже четвертый раз приезжал сюда к ним и жил по две, а то и три недели, но ни разу мне не приходилось слышать таких жестких, властных ноток в его певучем мягком голосе, как сейчас, когда он ответил: «Все помнят».

— Не буду, не надо больше, — запротестовал я, что Арсентий Петрович взял мой стакан.

— Как хочешь, — сразу согласился он и, налив себе, подмигнул мне и повторил: «За царицу полей». Выпив, он еще раз залез в котомку и вытащил к моему удивлению открытку, протянул:

— Получил вот, на май.

Открытка уже залоснилась, края ее чуть пообились. Почерком разборчивым и четким, каким пишут только в военкоматах, на ней было написано: «Сержанту запаса Арсентию Петровичу Голубкову. Поздравляю Вас с Днем Победы, для достижения которой Вы лично отдали много сил. Желаю счастья, здоровья, успехов в труде». Подпись была неразборчива.

— Даже отчество помнят, — заговорил Арсентий Петрович, закусывая пучком лука. Странно было, что он этому удивлялся. Уж он-то должен был знать, что в военкоматах все мужчины на учете.

— А у вас на самом деле голова разрублена? — вдруг осмелел я то ли от водки, то ли от разговора, повернувшегося неожиданной стороной.

Вместо ответа он вдруг поднял кепку и, не отряхнув, надел. Долго сидел молча, глядя в пламя, и сухими губами обронил:

— Это штыковая под Ленинградом. Мы тройкой шли, тезка твой не успел от меня отвести.

Он опять замолчал, потом заговорил, останавливаясь, и замолкая, и снова начиная:

— Ему еще хуже пришлось. Там такая карусель была. Мы вот врукопашную шли. А по нас тут же и мину пуляли. В своих ли, в чужих ли попадали, кто там разберет. Воет, так занудно летит. Но это уж я потом вспомнил и в памяти перебрал. А во время атаки я их и не слышал.

Вот твоему тезке-то, дружку моему, ногу-то и оторвало такой миной. Все говорят, судьбы нет. Как ее нет, когда мы в пяти метрах друг от друга лежали. На мне хоть бы царапина от мины-то, а у Кольки ноги нет. Я когда в себя пришел,

не сразу и понял, что у меня цело, а что нет, потом вспомнил, как он меня, фриц этот, штыком саданул. Измотал я тогда на себя весь пакет. Когда голову бинтовал, огляделся чуток, смотрю — Колька лежит, как я до него тогда дотащился и сам не знаю. Здоровому-то четыре шага, а я сознание терял сколько раз. Смотрю, а у Кольки ноги нет, вообще-то она была, но висит на кожице,— Арсентий Петрович остановился и сморщился, потом рукой махнул,— да больше на штанине, и кости белые торчат. Откуда в нем столько костей в одной ноге чуть выше колена?.. Тут-то и понятно стало, почему, когда я Кольку звал, он не откликнулся.

Что делать? Завертел я головой, а она гудит, и распирает ее, будто кто ее изнутри водой накачал. Так что «завертел-то»— это больно крепко сказано, просто осматриваться давай и углядел ведь. Провод мимо идет, связь наша, значит. Отмотал я его, наверное, метра полтора и Колькину ногу перевязал, чтобы кровь остановить. А у провода концы ободрал зубами да снова соединил, чтобы не мешать разговору, значит.

Сколько снова пролежал не в себе, уже не знаю. Очнулся, вижу, санитарка идет, молодая, совсем девчушка, мимо нас идет. Я ее окликнул и говорю: «Слушай, отбрось ты эту ногу подальше да Кольку прикрой чем-нибудь, пока нас не подберут, мухота заела — сил нет».

А жара, я тебе скажу, была несусветная, июль, что ты хочешь. Дальше я только в госпитале очнулся. Сколько дружков тогда полегло...

Арсентий Петрович провел под носом ладонью с таким видом, как будто он был виноват в том, что жив.

Он молча вылил остатки из второй четвертинки, посмотрел на пламя через стакан, сожалеюще хмыкнул и докончил бутылку.

Потом он посидел, повздыхал, пошмыгал носом, и мне показалось, что даже немного размяк. Выглядел он сейчас слабым и беззащитным. Как только я подумал об этом, мне тут же пришло на память прошлогоднее происшествие.

Был у тетки в деревне один тракторист, мужчина огромный, во хмелю невоздержанный и даже буйный. Перечить ему в такое время побаивались, а кто не боялся, тому связываться не хотелось. Он-то и зашел однажды в компанию, где оказались и мы с Арсентием Петровичем, и потребовал стакан водки.

Может быть, ничего бы и не случилось, будь хозяин порасторопнее или не послышалось бы в голосе этого тракториста такой самонадеянной нотки: а вот, дескать, попробуй, не дай. Ее все почувствовали и поняли, и хозяин тоже. Он и растерялся оттого, что унизили его этими словами. Понятное дело, гостю любому на гулянке рюмку подадут, без внимания не оставят. А тут хозяин от обиды замешкался. Действительно, попробуй не дай трактористу выпить в такой деревеньке, где он царь и бог, ищи потом, кто тебе дров подвезет или землю под картошку за несколько минут вспашет.

— Шел бы ты своей дорогой, парень,— поднимаясь из-за стола, проговорил тогда Арсентий Петрович. Я слышал все от слова до слова, потому что рядом сидел. И выражение в голосе Арсентия Петровича было такое увещевательно-мирное. И, казалось бы, ничего страшного не произошло, но все за столом замерли.

Тракторист этот сначала даже воздух ртом хватил от неожиданности, а потом краска бросилась ему в лицо, и он заговорил хрипло и медленно, чуть ли не заикаясь:

— А... ты... ты кто такой? Я с тобой разговариваю или с хозяином? Чего ты здесь суешься? Ах ты, сморчок, да я тебя по стене размажу.

Он протянул свою огромную руку с крупными в рыжих волосках пальцами. Мне стало страшно и за Арсентия Петровича и за себя тоже — слишком близко сидел,— и промелькнуло еще что-то вроде недовольства на него: кто тебя просил ввязываться, сидел бы тихо.

В ту же секунду поднялся крик и женский визг. Все остальное произошло в один необъяснимый момент. Арсентий Петрович, вместо того чтобы уклониться от руки, отскочить назад или в сторону, сделал вдруг шаг вперед. И сначала он чуть присел, а затем резко выпрямился и ударил тракториста головой в подбородок, как говорили потом, «на калган взял».

Дальше произошло совсем неожидан-

ное. Огромный тракторист сначала икнул, будто подавившись, потом закрыл глаза, опустил руку и рухнул как срубленный.

В одно мгновенье оборвались и визг и крик, и все пребывали в остолбенении, а затем вдруг сразу по-деловому зашевелились, забегали. Тракториста вчетвером вынесли на крыльцо, начали брызгать водой в лицо и, когда у него задергались жилки под веками, облегченно вздохнули и оставили одного, прислонив к колоде. В доме он больше не появился.

Но самое удивительное, что никто ничего не обсуждал, гулянье продолжалось, как ни в чем не бывало, как будто все, что было сделано, было так и надо. И только Костя Шамшурин, мой местный знакомец, наклонившись к моему уху, прошептал, сдерживая веселье: «Вот тебе и сморчок, вот тебе и метр с шапкой».

Странно было, что как-то я совсем забыл об этом и вспомнил лишь сейчас, глядя на этого мягкого человека, рассказывавшего про невероятно страшные вещи.

Костер вдруг стрельнул угольком, и он стрелкой метнулся в густую, вязкую тьму. Арсентий Петрович вздрогнул, посмотрел вслед и заговорил:

— Я, брат Коля, за свою жизнь столько поперевидел, что, если во сне приснится, и то страшно будет, и все война. Вы что — ни рыба, ни мясо. Прежде чем в человеке что-то твердое появится, должен он это чем-то выковать. А вам нечем, все-то у вас готово. Потому и руки ваши неспособные.

Читаю, правда, в газетках: там, значит,— ГЭС, там — завод. Есть же где-то ребята, но не у нас, не у нас. Вон, что у Марии, что у Валентины вымахали балбесы, а где прок? Толк где? Что толку, когда он растелешится и на травку завалится, ему ли кости-то греть? Зато, брат, при галстуках. Пусть бы он в городе и ходил в своем галстуке. А к матери приехал, так хоть помалу помог бы.

Арсентий Петрович махнул рукой и продолжал:

— Нет, хиреет народ. Вот в моем взводе был один интеллигент, при очках тоже. Лопату не знал куда сунуть спервоначалу, а потом, не-е-э, шалишь, он среди первых в землю влазил. Нужда заставила. Так на руки его попервости смотреть больно было — все в пузырях.

— А вы взводом командовали?— перебил я его, пытаясь вновь вернуть разговор в старое русло, тем более что ни о какой Марии и Валентине я и слыхом не слыхивал и только догадывался, что это тоже жители деревни или теткины соседи.

— У нас молоденький взводный был поначалу. Лейтенантик. Убили. Что ты хочешь, пехота — царица полей. Убили. Потом уж я. Я войну рядовым начал. Дай-ка сюда открытку-то,— протянул руку Арсентий Петрович, будто обидевшись за то, что его прервали.

Замолчали. С речки, снизу, потянуло сыростью.

— Спать надо, однако,— предложил Арсентий Петрович. Видимо, все-таки задело его мое любопытство или показалось праздным.

Но заснуть оказалось не так-то просто. Я лежал с открытыми глазами и прислушивался к звукам, которые с наступлением более глубокой ночи становились все звонче и таинственней и удалялись. Не выдержав, я встал и подошел к кострищу. Пламя уже исчезло, и угли прятались под пеплом от холода. Я раздул костер снова, подбросил сухих веток и просидел так не меньше часа. Потом сон начал одолевать меня, я забрался в шалаш. Но и засыпая, я чувствовал, как еще долго ворочался Арсентий Петрович, а потом уж затих.

Назавтра мы весь день косили. Конечно, косил в основном Арсентий Петрович, наставляя заодно и меня.

— Вот-вот, ты ее пяточкой-то прижимай, прижимай, не боясь. Вот и по одному вроде месту пройдись почаще. Оно и почище будет и получше,— приговаривал он.

— Ну вот видишь, для первого раза совсем ничего,— подбадривал он меня, словно не замечая, что я мокрый как мышь,— ты когда косу назад ведешь, ты траву-то, что полегла, обушком вроде восстанавливай. Вот так, вот так, а потом, когда она стоймя-то, ты ее и срежешь, и огрехов меньше, намного меньше будет.

К вечеру, когда я окончательно измученный и выбившийся из сил, пытаясь овладеть неподдающейся литовкой и со-

вершенно затупив ее в кочкарнике, сдался перед этим искусством, мы двинулись домой.

...Пробыв в гостях еще несколько дней, я поехал в свой институт. Каникулы кончились.

Где-то в январе, когда сессия была в разгаре, когда чуть ли не ведрами мы с ребятами поглощали кофе и неимоверной гущи чай, чтобы не уснуть за учебником, мне принесли телеграмму. Тетка сообщала, что Арсентий Петрович умер.

Вестью этой я был не столько опечален, сколько удивлен, потому что Арсентий Петрович никогда, во всяком случае на моей памяти, не болел. Разумеется, выехать я не мог.

Еще полгода спустя, вновь приехав на летний месяц, я поразился, что болезнь, оказывается, была затяжная и многолетняя. Но знала о ней только тетка.

И когда я услышал ее рассказ о его последних днях, в груди моей шевельнулось нечто похожее на стыд. Нет, это, пожалуй, не то. Просто мне стало как-то неловко, потому что теперь мне сразу вспомнилась наша ночевка у речки. Подумалось, что Арсентий Петрович хотел чем-то поделиться со мной тогда, а я не то чтобы оттолкнул его, но был как-то не очень осторожен, что ли.

Впрочем, я скоро успокоился. Хотя, если говорить совсем уж как на духу, стоит мне и сейчас столкнуться с чем-нибудь не очень обычным, таким, например, что заставляет меня сомневаться, прав ли я, искренен ли, я почему-то всегда вспоминаю Арсентия Петровича, нашу ночевку, покос и его постоянную присказку: «Ну что ты хочешь, пехота — царица полей».

НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...

РАССКАЗ

— Тра-та-та-та-та,— раздалось из-за сарая и в ту же секунду оттуда выскочил мальчонка лет девяти в черной рубашке и штанах, в сандалиях на босу ногу. В руках его была полуметровая палка с двумя прибитыми гвоздями чурбашками и грязной веревкой, перекинутой через голову, вся эта конструкция обозначала автомат.

— Падай,— требовательно закричал мальчонка кому-то,— я увидел тебя, я убил, я вперед увидел!

— Ну и что — увидел, подумаешь, а может, ты промазал,— заспорил, выходя из-за ящиков, его противник, такой же по возрасту, только еще более худой и рыжий,— и врешь ты все, что увидел, здесь и кошка ничего не увидит.

— Ага,— азартно запротестовал первый,— а расстояние, да я на таком расстоянии с пистоля запросто попаду, не только с автомата, в нем вон сколько пуль...

— А-а-а, неинтересно все это,— махнул рукой третий, тоже вынырнувший откуда-то из-за сараев,— темно уже, спорить только теперь.

Во дворе, окруженном со всех сторон домами и заборами, собрались ребятишки от восьми до одиннадцати лет. Все они повылезали из своих укрытий, почувствовав, что игра прервалась окончательно и спор затягивается на неопределенное время.

Играли в войну. Точнее, по мере того как катился день, играли по перемен-ке: сначала в лапту, потом в выжигалку, потом в попятки, а после всего уж в войну, потому что для нее нужны были сумерки.

Именно в этой игре больше всего было недоразумений. Никто не хотел быть ни раненым, ни убитым, ни даже замеченным.

То ли дело в прятках. Сначала считались, причем старой считалкой:

Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать и душить,
Ты останешься галить.

Потом играли. Теперь у ребятишек того же возраста новая считалка:

Со второго этажа
Полетели три ножа,
Синий, красный, голубой,
Выбирай себе любой.

Может быть, старая считалка больше подходила к месту, потому что в поселке двухэтажных домов не было. Во всяком случае, в прятках споров почти не бывало, не то что сейчас.

Васька Добрынин, самый рослый мальчишка из всех, вдруг предложил:

— Давайте в молодогвардейцев.

— Я буду Тюленин,— немедленно захватил роль рыженький, тот самый, который прервал игру и чьих веснушек уже не было видно из-за темноты.

— А я Кошевой,— сказал Васька Добрынин.

В один миг все роли были расхватаны, потому что кинофильм в поселковом клубе прошел недавно и все его помнили чуть ли не наизусть.

Мальчонка с деревянным самодельным автоматом оказался не столь расторопным и оборотистым, не успел застолбить себе роли и поэтому молчал.

Васька Добрынин был самым старшим, ему шел двенадцатый год, и самым сильным в этой ватаге, поэтому его слово было последним и решающим.

— Надо полицая. Мы должны его ночью подкараулить, поймать и повесить,— сказал он как-то медленно, словно бы сам страшась того, что говорил.

Все понуро молчали.

— Давай, Серьга, ты будешь?— вопросительно предложил кто-то.

— Пфу, чего это я, вот еще, сам давай,— фыркнул и огрызнулся Серьга, передернув плечиками и поправив грязную веревку своего автомата, только теперь сообразив, какую ошибку он допустил, не успев никем назваться.

Конечно, основным обстоятельством, что с таким предложением обратились именно к нему, было то, что он был самым слабеньким из всех здесь присутствовавших, мало того, он был, пожалуй, и наиболее простодушным. Никому бы и в голову не пришло обратиться с предложением такой роли, например, к Добрынину, опаска бы взяла.

От Серьги же по шее никто получить не опасался.

— Слушай, Серьга,— заговорил вдруг Добрынин,— а верно, попробуем. Ты же у нас парнишка самый ловкий кого передразнить,— польстил Добрынин.— А я вон читал, что простого-то человека изобразить не штука, самый-то талант, когда плохого — вот где тяжело. Ей богу, сам в книжке читал.

— Ага, Лешка вон еще хуже дразнится,— кивнул на рыженького Серьга,— вот, пусть он и будет,— он оборвал себя на полуфразе, побоявшись даже слово такое противное, как «полицай», вслух произнести.

— Ха,— пренебрежительно махнул рукой Васька,— Лешка! Куда ему против тебя. У тебя лучше получится, у Лешки вон глаза всегда на мокром месте, он как девчонка, он сейчас уже один-то в темноте и остаться забоится. А ты вон какой,— Васька даже руку протянул к Серьге, как бы показывая, какой он, Серьга, против Лешки герой и молодец.— А потом это же понарошку. Это же только сегодня, и все. И автомат у тебя есть, а у Лешки нет.

— Я дам ему автомат,— не раздумывая ни секунды, вскинулся и заговорил Серьга и уже начал снимать свое оружие, чтобы передать его Лешке.

Лешка, до этого стоически переносивший свое поношение из уст Васьки, презрительно скривил губы:

— Какой это автомат, так — палка.

— А сам ты, сам почему не хочешь, ты сам,— пораженный и неожиданной мыслью и своей смелостью, обратился вдруг Серьга к Ваське и злорадно добавил. — ты-то темноты не боишься?

— Чего-о-о?— протянул Васька, опешивший от такого поворота событий, и было видно, что сомнения неожиданно охватили его: то ли дать Серьге подзатыльник за такую наглость и покончить со всем разом, то ли попытаться извернуться.

Он уже пошевелил рукой, собираясь, видимо, дать доброго тумака предусмотрительно отодвинувшемуся Серьге, но в последний момент тряхнул кистью, словно к ней что-то прилипло и сказал:

— Ха, ума у тебя, как у цыпленка, да как вы меня вязать-то будете? Я вас

один всех разбросаю. Думать же надо, голова садовая.

Пока Васька все это говорил, всем стало ясно, что эта спасительная идея пришла ему в голову только что. Лицо его прояснилось и освободилось от той напряженности работы мысли, которой было охвачено вначале. Теперь он стоял свободно, горделиво, выше всех здесь присутствующих на целую голову, и все понимали неизбежность его правды, неумолимой и жестокой.

— Хлюзда ты, Серьга,— снова заговорил Васька голосом, обретшим убежденность,— из-за тебя теперь все должны расходиться, а еще никого даже не звали.

Серьга стоял понурившись, совершенно раздавленный Васькиными доказательствами и доводами, а также, как выяснилось вдобавок, еще и своим индивидуализмом в коллективном деле. Он почесал ногу ребром сандалии и швыркнул носом, наперекор всем выражая этим свое упрямство и несогласие даже с такими неопровержимыми аргументами, как «хлюзда» и «цыпленок».

Несколько секунд стояла тишина, так как все были в нерешительности и понимали, что все повисло на волоске и от этого момента зависит: будет ли игра продолжаться, или придется разойтись по домам, чего, понятно, никому не хотелось.

Совсем стемнело. Чистый, яркий и узкий, как веко, месяц взобрался на небо и удивленно взирал оттуда на всю округу.

Неожиданно глаза Серьги сверкнули, и радостная улыбка осветила его мрачное и сердитое до этого личико. Он облегченно, как будто только что нашел то, что долго искал, не сказал, а потребовал даже с вызовом:

— Считаться давай.

— Правильно,— сказал Васька, как бы удивляясь, почему такая простая мысль не пришла всем им в голову сразу,— как же мы забыли, тогда уж без обид.

— Конечно, конечно, там уж на кого выпадет,— загалдели все сразу,— там уж все.

Серьга никак не мог предполагать, что, выбрав такую форму распределения ролей, тем самым подписал себе приговор. Ему казалось, что нет ничего на свете случайнее и потому справедливее считалки. Сам он был еще не в состоянии догадаться, что все в таком случае зависело от количества участников игры и оттого, с кого начинать счет.

Зато об этом прекрасно знал Васька Добрынин и при всяком случае всегда пользовался этой тайной, которую ему открыл старший брат. Поэтому он так спокойно согласился на новые условия.

Все с замиранием сердца следили за каждым движением руки и каждым словом, произносимым Васькой. Слишком велика была плата за любую, даже ничтожную, ошибку в данном случае.

Васька, делая упор на всяком слове и тыча в грудь участника пальцем, чеканил:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевичь, король, королевич,
Сапожник, портной,
Кто ты будешь такой?

Палец уперся в грудь Лешки.

— Тюленин,— сглотнув слюну от счастливого волнения, повторил Лешка.

— Все, отойди, не путай, — приказал Васька, придавая словами этими еще большую важность самому процессу и всей торжествующей справедливости.

Когда они остались друг против друга с Серьгой, Васька начал счет с него и, спросив себя самого: «Кто он будет такой», ответил:

— Иван Туркенич.

Васька так назвался потому, что роль Кошевого у него по ходу счета перехватили. Теперь он молча и выразительно смотрел на совершенно убитого безжалостной и невыразимо подлой судьбой Серьгу, у которого никак не могло уложиться в голове, что из пятерых присутствующих жребий играть ужасную роль полицая-предателя снова выпал ему.

— Там-то он как будто бы на площади ходит,— заговорил Васька, тем самым перечеркнув все надежды на какие-то отсрочки и отбросив сомнения,— и ты вот здесь от угла сарая до ящиков гуляй, будто бы караулишь склад, а мы тебя скрадывать будем,— и голосом уже почти властным бросил остальным,— пойдем все за угол, уговоримся, как и что делать.

Опалевший от несправедливости и все еще не могущий прийти в себя Серь-

га остался один под все ярче мерцающими звездами. Как-то резко пала вокруг тишина, еще больше подчеркнутая какими-то дальними чуть ли не с другого конца поселка доносящимися шорохами и звуками, которых, может быть, на самом-то деле и не было, просто уж воображение у Серьги разыгралось.

Он постоял на месте, едва сдерживая подступившие всхлипы и слезы невыразимой обиды, потом почти равнодушно шагнул по направлению к ящикам: уговор был сейчас дороже денег.

Тишина становилась все более невыносимой и жуткой. Злость на судьбу и всех остальных, скрывшихся за углом, начала закипать в груди, слезы высохли на его глазах, и Серьга с напряжением всех своих жилок и разрастающимся внутри комом горечи изготовился к неожиданностям.

Однако минута за минутой неуловимо и неслышно растворялись в бесконечном пространстве глубокого черного неба и звезд, и ничего не случалось. Чтобы хоть как-то нарушить гнетущую своим однообразием тишину, Серьга пнул подвернувшуюся консервную банку, но и ее звук сразу же увяз в тишине. Серьгина настороженность и обида начали таять, и, наконец, вдруг появилась первая мысль о том, что все, наверное, уже ушли домой. Сначала мысль возникла как неудовольствие или неприязнь за то, что его забыли здесь и бросили чуть ли не специально. Потом, вспомнив, какую роль он сейчас здесь исполняет, Серьга как бы очнулся, и где-то на самом донышке души его, как в колодце, забил родничок надежды: вдруг на самом деле ушли, вдруг ничего больше не надо будет играть, вдруг... но тут старая злость и горечь снова взорвались и захлестули волной все Серьгины мысли.

Именно в этот момент, когда он забыл о том, что надо чего-то остерегаться, Серьга каким-то шестым чувством понял, что за спиной у него кто-то есть. Совсем забыв, что это могут быть его же ребята, он неожиданно для себя присел от страха.

Этот приступ необъяснимого Серьгиного страха спутал все карты нападавшим. Те двое, которые должны были по уговору за углом схватить и свалить его, пролетели мимо и упали зацепившись за сидевшего Серьгу, а Васька Дружинин с приготовленным ремнем в руках от неожиданности свалился в одну кучу с нападавшими. Только сию минуту сообразив, что происходит и что никто никуда не ушел, Серьга вскочил и с решимостью и злостью, охватившими все его маленькое возмутившееся существо, закричал:

— Нет, не буду... не буду играть. Не хочу... Нет, н-е-е-ет!

Нападавшие сделали еще одну попытку, но откуда-то взявшиеся в Серьге дикие силы раскидали их в разные стороны. В этой возне кто-то не нарочно, конечно, заехал Серьге кулаком в челюсть, кого-то он нечаянно пнул сам, пуговицы на рубашке отлетели, автомат валялся неподалеку.

Так как все произошло в считанные секунды, никто еще толком не успел прийти в себя. Васька Дружинин все еще сидел на земле, сжимая в руках ремешок, ошарашенный Серьгиной вспышкой, он сказал:

— Дурак, взял все испортил...

После этих слов сразу стало понятно, что действительно игра пошла насмарку. Изготовившийся к следующей схватке Серьга тоже понял, что больше борьбы не будет и сразу обмяк.

Он сделал шаг в сторону, поднял с земли свой автомат, исподлобья взглянул на всех, сплюнул, почувствовав во рту солоноватый привкус крови, и пробормотал снова:

— Не буду играть...

Он повернулся и не оглядываясь пошел к дому, конец порванной веревки волочился по земле.

Петр Петрович Панецкий родился в 1942 году на руднике Усть-Луговка Иркутской области.

Закончил Иркутский университет.

Рассказы и повести публиковались в альманахе «Сибирь», сборниках «Сибирский меридиан», «Грибное воскресенье».

Живет в Шелехове.

РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ

«Русские за рубежом» наша новая рубрика, родилась она далеко не случайно. Во многих публикациях ряда «прогрессивных» изданий наши трудности связываются с якобы исконно рабской натурой русского человека, не умеющего и не желающего работать по-настоящему без «крепкой руки». Складывается иногда впечатление, что средства массовой информации готовы вывернуть наизнанку отечественную историю, лишь бы найти дополнительные «аргументы» для существовавшей и существующей ныне на Западе расхожей версии о «рабстве» русских. О русофобии вообще писалось много. На ее опасность указывал в свое время Николай Константинович Рерих: «Где-то неуловимо гнездится чудище стозевно, обло и лаяй, похуляя все русское. И как нащупать и поразить такое чудовище?»

Об этом говорил и И. Шафаревич в своей блестящей статье «Русофобия».

В самом деле, русские, рассеянные по всему миру, превратились в «значительную силу, с которой нельзя не считаться и которую можно и должно направить в русло объединяющей общерусской идеи». Сегодня русское зарубежье составляет примерно 20 миллионов человек. Во многих странах мира, сообщает В. Сидоров, русские создали экономически сильные общины, они стимулировали культуру — особенно американскую, вообще внесли живой наступательный дух в затхлую атмосферу Запада. «Не так давно, отмечает В. Сидоров, я получил письмо из Западной Германии от Лидии и Владимира Князевых (русских православных, как они себя именуют). «Крест, взваленный на плечи нашего народа в этом столетии,— пишут они,— самый страшный и тяжкий из всех испытаний, которые приходились на долю России за всю ее историю. И вот кричат уже со всех сторон — раздавлен, деформирован, не поднимается! И только Чудом Божиим можно назвать те чистые родники, пробивающиеся из окровавленного, измученного и изуродованного тела Родины. Это Христианская Вера, любовь к своему Отечеству, боль и чувство ответственности за его судьбу».

Выход из создавшейся трагической ситуации, по их мнению, подсказывает сама жизнь: «Необходимо всем русским патриотам на Родине и за границей объединиться для общего дела».

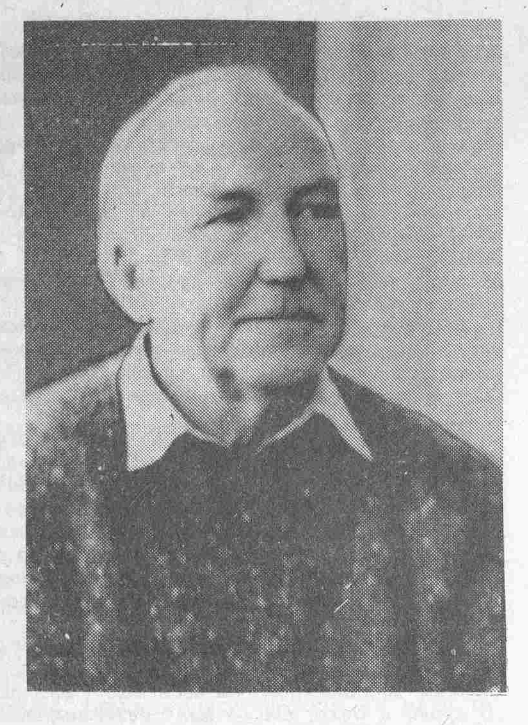
Какое это дело? Мы все мечтаем о крепкой державе, о могучем государственном российском корабле, способном с легкостью разбивать волны клеветы. Мы мечтаем о здоровом обществе, где человек становится счастливым, по-настоящему свободным... «Как пароль, как обнадеживающий знак нашего времени должен звучать лозунг: «Русские всех стран, соединяйтесь!»

Сегодня под нашей новой рубрикой встреча с Алексеем Михайловичем Ермаковым, американским миллионером, бизнесменом, русским по крови и духу. Он — сын белоэмигранта, родился в Югославии, где поселились после долгих скитаний и прожили свой век его родители. «Даст Бог, — говорит Алексей Михайлович,— придет время, я привезу их останки и перехороню уже в родную землю».

Корр.: Алексей Михайлович, для вас, наверное, не секрет, что до перестройки наши официальные средства информации или вообще не освещали жизнь русской эмиграции или писали в негативных тонах, как о некой «контрреволюционной силе». Я имею в виду представителей первой послереволюционной волны.

Ермаков. Не знаю. У меня язык не поворачивается так говорить. Где бы русские ни были, за границей всегда церкви строились. Русский человек без церкви не мог существо-

вать. Для нас Россия и Православие было одно и то же. Я себя чувствовал русским, когда бывал в церкви. Если мне не хватало России, я шел в храм Божий. И сюда я приехал посмотреть на священную Россию, на Байкал. На чистый красивый Байкал. Приехал и вижу, что до сих пор работает ваша зловонная фабрика, губит великое озеро... Сердце сжималось от боли во время поездок по стране. Я увидел две России. Одна Россия — это как будто моя Россия, о которой мне много рас-

сказывали родители, образ ее я носил в душе все эти годы. Другая Россия — это непонятная для меня земля, где вроде и на русском языке говорят, а люди как будто и не русские вовсе. Увидел, что все еще существуют планы всяких мировых революций, планы кого-то догнать и перегнать. Это мне не понятно. Неужели 72-летний опыт ничему не научил? Вижу поруганные монастыри, русские святыни, и никому дела как будто нет до них. Кто должен восстанавливать порушенную культуру? Мы-то, русские за рубежом, поддерживая друг друга, всю жизнь оберегали русские традиции, жили ими. Вот посмотрите, статистика в Америке говорит, что русские вышли на первое место по образованности. На первое! Среди нас никакого никогда криминала не было. И мы все добились материального благополучия и сохранили русскость и духовность. Каждый из нас свое дело имеет. Вообще, я никогда ни одного русского не видел, чтобы жаловался на безработицу. Я, например, сейчас ничем не занимаюсь, как говорится, пожинаю то, что посеял. А работал я в разных странах, занимался работами на конеферме; мебель делал, и архитектором был. Сейчас не приходится волноваться, думать о завтрашнем дне, есть возможность жить совершенно обеспеченно до конца дней своих. Я выбрал самый лучший город в Америке — Сан-Франциско, нашел высокую красивую скалу, на которой построил дом с прекраснейшим видом, русскую баньку поставил. Живу сейчас в свое удовольствие. И когда захочу, могу съездить в любой уголок мира. Вот выдалась возможность приехать сейчас в Россию...

Корр.: Вообще, прошу меня простить, впервые узнаю о высоком уровне образованности русских за рубежом, отсутствии преступности. Вы не преувеличиваете?

Ермаков: Я понимаю ваше удивление. Вот какая вещь. Преступности у нас не было до тех пор, пока не нахлынула вот эта новая (называется она третьей) волна эмиграции — исключительно еврейская. К сожалению, в американских газетах ложь часто выдают за правду; пишут, что русские такие-сякие: то убили, то какую-то мафию создали, еще — рэкетиры, наркомики. Но когда эмигранты этой волны выступают скрипачами или пианистами, то всегда подчеркивается, что это — евреи. А когда какой-то криминальный акт совершается, то это всегда... русские делают.

Корр.: Есть ли у вас друзья среди эмигрантов именно этой третьей волны?

Ермаков: Да не только у меня, вообще у русских за рубежом нет таких, как вы выразились, «друзей». Мы с ними вообще не общаемся. Они, конечно же, не русские. Они — обычные эмигранты, порвавшие с Россией. Наши отцы уходили с оружием в руках, им пришлось отступить, но они остались русскими. Иногда бывает обидно, что эти «друзья», при-

езжая в Америку, начинают плакаться, как их там (то есть у вас) все притесняли, как они, бедненькие, там страдали. А вместе с тем вдруг оказывается, что они и профессора, и доктора наук. Все высшее образование получили. Как же так?! — не увязывается все это, ведь учились же в лучших университетах, добились в стране известности и после этого... Какие-то перевертыши. Поэтому у нас не получается никакого общения.

Корр.: Скажите, что все-таки читают русские за рубежом, как узнают о том, что происходит на Родине, ведь вы не общаетесь и не встречаетесь так сказать со «свежими» людьми — нынешними эмигрантами?

Ермаков: Знаете, у меня над кроватью, дома есть полка с книгами. Там чудесные есть томики произведений писателя Валентина Распутина. Это — да! И очень приятно было встретиться с ним здесь, в Иркутске, ближе познакомиться. Что еще читаем? Конечно, Солженицына. А потом же у нас выходил (и выходит) журнал «Вече», который дает представление о жизни здесь, в России. Быть может, часть информации, которая публиковалась, была необъективной: шла она долго и разными путями. Но лучшего журнала у нас за рубежом не было. Издает журнал Олег Анатольевич Красовский. Это просто святой человек, если хотите. Он подхватил знамя из рук В. Н. Осипова, когда тот был арестован. И отдал журналу всю свою жизнь, это настоящий подвижник. Но времена меняются, наступили перемены и в «Вече». Олегу Анатольевичу уже 70 лет, возраст!

В Москве создана соредакция «Вече», и нынешний 35-й номер журнала впервые больше чем на половину подготовлен в Москве. Это радует. Мы за границей считаем, что наконец-то рождается сообщность русских, живущих на Западе и здесь. Теперь настало время подумать о будущем России. Мы обсудим наш опыт. Быть может, мы найдем какие-то выходы из создавшегося положения. Вокруг этого нового журнала возможно создание и общего нашего братства. Эта мысль пришла в голову здесь. Мы с философом Виктором Николаевичем Тростниковым ездили в Россию по монастырям, и, как говорят православные люди, сам Бог указал нам путь, что нужно именно создавать братство. Даже название уже придумано: оно должно называться в честь святых Владимира и Ольги.

Почему я приехал именно сюда, в Иркутск? Потому что понял, что здесь происходят интересные процессы в духовной жизни, что здесь идут поиски в переосмыслении истории нашей многострадальной России, в переосмыслении отношения к религии. А пищу для этих размышлений дали номера вашей газеты «Литературный Иркутск». Я их с огромным интересом читал. Это все положительные явления, ростки надежды и веры в великое будущее страны. А ведь все мы сегодня больше всего нуждаемся в чувстве оптимизма, надежды. Иногда, глядя вокруг, получая нерадостные вести из России, впадаешь просто в отчаяние; думаешь, не о себе, конечно, о Родине, в первую очередь. Но это, конечно же, все взаимосвязано. Мы, русские, живущие за рубежом, уже люди не молодые, прожили свой век, а вот как будут жить дети, вот за них и за внуков наших становится тревожно. Вы знаете, в России я встретил удивительного человека — Виктора Тростникова. Он родился и вырос здесь, в СССР, я живу в Америке, родился за границей. Оба мы с 1928 года рождения, я часто сравниваю себя с ним. Понимаете, у нас нет особенных различий! Мы оба русские по духу. Оба — русские! Вот что интересно и крайне важно для меня было. Значит, не исчезли такие люди в России! Поездил я по стране и увидел, что таких людей здесь, у вас, немало. Это вдохнуло в меня новую веру в будущее России. Вся сегодняшняя жизнь здесь позволяет человеку уже смелее говорить о своих взглядах. Я это приветствую. Хочу, чтобы жизнь здесь побыстрее менялась к лучшему, чтобы менялся и сам человек, становился более свободным. Конечно, нужно подумать, в первую очередь, о собственности. Это вопрос вопросов. Вот Виктор Николаевич, оказывается, интересуется земельными проблемами, вообще институтом собственности. Прежняя идеологическая установка на ликвидацию частной собственности была абсолютно неправильной, вредной, по сути своей даже безграмотной. Она не только не согласовывалась, например, с данными психологии человеческой натуры и вообще с философскими установками, разви-

тыми прогрессивным человечеством в последние столетия. Ликвидация частной собственности не согласовывалась и со Священным Писанием. Это ведь надо понять! Виктор Николаевич мне напомнил, что институт частной собственности освящен в Десяти заповедях, то есть в Ветхом Завете, и он не отменен (что очень важно) и Новым Заветом. Казалось бы, он подвергается там критике: «отдай свою рубашку» и «труднее богатому войти в царство Божие, чем верблюду в игольное ушко». То есть, на первый взгляд, Христос был как бы социалистом. Это глубокое заблуждение, на котором многие сломали себе ноги. Институт частной собственности не только не отменяется, но освещается еще в большей степени, потому что, например, в Нагорной проповеди есть призыв «отдать все ближнему», «пойти на два поприща, когда зовут на одно», — на самом деле, все это зиждется на праве собственности, потому что ты не можешь отдать свою рубашку, если у тебя ее нет. Основой благотворительности является тоже частная собственность.

Корр.: Алексей Михайлович, но вы так и не рассказали о той России, которую вы называете своей.

Ермаков: Знаете, здесь, в России, яркое чувство испытал я в Покровском монастыре. Вообще для меня исповедаться в Храме, причаститься в Киево-Печерской Лавре, приложиться к святым мощам — это словами передать невозможно. Это все равно что побывать в раю. Мы с Виктором Николаевичем Тростниковым были в семи Российских монастырях. Многое посмотрел. Но самое удивительное случилось, еще когда я был в Германии, мне позвонил Виктор Николаевич: «У нас впервые в России будет в Кремле богослужение». Что я почувствовал? Я тут ж сразу выехал, а в России началось странное и чудесное: передо мной как будто стали все двери открываться сами собой. Например, никакого пропуска у меня, конечно, не было в Кремль, как я прошел — до сих пор непонятно.

Понимаете, я ни разу до этого не был в России, я родился за рубежом, знаю о своей духовной родине только по рассказам родителей, и тут такое чудо!.. Я в Храме, в этом божественном месте, святом, где были, где короновались русские цари. Стою я в Успенском соборе, стою и держусь за колонну — весь просто колоссальнейшим преисполнился чувством восторга, умиления. Все во мне и рыдает и ликует...

А потом была новая встреча. Произошла она в Новоболотинском монастыре в Коломне, где мы встретились с выдающейся, на мой взгляд, подвижницей игуменьей Ксенией, которая за двадцать буквально минут объяснила нам смысл христианской жизни. И вот мне 61 год, а ей 30—35, но после общения с этой удивительной женщиной я задумался о своей жизни очень и очень серьезно. Теперь я думаю так: вернусь в Америку и начну свою жизнь совершенно по-другому. Мне нужно многое решить... Россия удивительная страна, сколько в ней таится неразбуженной еще силы. Я увидел в монастырях людей, по-настоящему верующих, увидел высокообразованных молодых монахов и монашек (кстати, удивительное дело, отцы их были атеистами, они — верующие). И, быть может, у нас, на Западе, такой веры уже нет. Все же мы жили и живем более свободно, раскрепощенно, да и имуществом, так сказать, обросли основательно. А тут через страдания неизмеримые, через испытания (я представляю, что пришлось перенести) остаться до конца верующими!.. Значит, жива вера в народе. И, как знать, не появятся ли именно в России новые мученики, не будут ли здесь новые святые, которые поведут за собой, помогут всем нам в спасении.

Корр.: Алексей Михайлович, вы говорили о сохранении русских традиций за рубежом, но вот вы говорите по-русски уже с акцентом, а ваши дети разговаривают по-русски? Знают русский язык?

Ермаков: У меня сын и дочь. Я скажу, что я очень плохой пример в этом смысле. Жена моя — японка. После 28 лет совместной жизни мы развелись. Это моя трагедия. Не стоит об этом говорить. Я жил долгое время в Японии и в семье мы говорили и по-английски, и по-японски. По-русски я их не учил. Однако за границей далеко не у всех так в отношении русского языка. Наоборот. Мои друзья женаты на русских, и дети по-русски говорят, русскими их воспитали, они очень любят русский язык, оберегают его чистоту. Конечно же, я сейчас

чувствую горечь, что сделал в своей жизни очень большую ошибку. Но, понимаете, когда дети родились, я думал, что мы постоянно будем жить именно в Японии, тем более я полюбил эту маленькую прекрасную страну, сохранившую и в полной мере развившую свои национальные традиции. Я думал, что мои дети должны иметь именно эту культуру. А свою русскость я им не передал, потому что нам ведь приходилось очень много страдать, объяснять всем и всегда, что мы — русские, а нашей России уже не существует. Существует СССР. Теперь-то я понимаю, что настоящая Россия существует, но время не повернешь вспять...

Корр.: Сегодня некоторые наши энергичные предприниматели интенсивно обращаются за поддержкой к иностранному капиталу. Спешно создаются совместные предприятия, заключаются договоры... И в печати начинают уже мелькать сообщения о том, что где-то уже продается наша земля, где-то начато строительство, по сути, ненужных государству предприятий. Вы американский бизнесмен, капиталист, представитель западного делового мира, не считаете ли вы, что это всего-навсего какие-то единичные «недоразумения» и чтобы поправить свое экономическое положение, мы должны думать только о поддержке Запада?

Ермаков: Абсурдно надеяться на капиталистов. Правы, на мой взгляд, те, кто говорит, что Запад совершенно не заинтересован в развитии России, совершенно не заинтересован!

Запад спит и видит, как бы обескровить Россию, вытеснить ее с политической арены. Мечта западных капиталистов (поймите это!) сделать Россию страной третьего мира, сырьевым придатком западной экономики. И даже если бы нашелся какой-то сумасшедший бизнесмен на Западе, который просто решил поддержать Россию своим капиталом, ему бы в своей стране просто не поздоровилось.

Корр.: А вы сами, Алексей Михайлович, вы горячо симпатизируете России, вы высказываете крамольные для Запада мысли, не будет ли у вас самого неприятностей в Америке?

Ермаков: Мне бояться нечего. Я свободный человек. Но, в самом деле, в Америке, в нашей свободной стране, если кто-то скажет то, что сейчас говорю я, ему бы, конечно, не поздоровилось. Например, если бы я был политиком, то меня бы не выбрали уже на следующих выборах. Власть-то у нас известно кому принадлежит. Что же касается непосредственной экономической поддержки (я — бизнесмен, и этим все сказано), я должен, разумеется, знать и видеть перед собой настоящего, равного мне партнера. То есть хозяина, настоящего хозяина, имеющего и умеющего распоряжаться своим имуществом, собственностью. У меня есть собственность и я — хозяин своего слова. А где же партнер? Когда я вижу, что ваше правительство закупает за рубежом какие-то ценные предукты питания, промышленные товары, это, бесспорно, нужное дело. Но эти вагоны стоят подолгу неразгруженные, — это вызывает по крайней мере недоумение. Как так — страна, запускающая в космос искусственные спутники, не может найти людей разгрузить вагоны. Любой русский за рубежом, мне кажется, может быть, и смог бы чем-то пожертвовать на нужды вашей страны. Но ведь это трудно, потому что, повторяю, настоящих хозяев у вас нет. Куда ни поедешь, везде бесхозяйственность. Но я вас прекрасно понимаю и должен сказать, что ни один прекраснейший уголок мира мне не дал столько радости, восторга, чувства сострадания, сколько дала ваша страна. И, конечно, мне очень и очень хочется разделить с вами и счастье и несчастье. Быть может, только сейчас начинается у вас что-то настоящее, новое; чем скорей произойдут у вас перемены, тем лучше будет. Тогда наконец новая свободная жизнь начнется. Когда хозяин (хозяин!) начнет заниматься своим делом, когда собственность в конце концов будет существовать, пришло время, пора почувствовать себя собственником. Будет это, все пойдет своим чередом. Надо обязательно этого добиться.

Корр.: Я знаю, Алексей Михайлович, что пальму первенства в разумном ведении своего хозяйства вы отдаете Японии. Не считаете ли вы, что нам, быть может, стоит пристальнее смотреть как раз на Восток, а не на Запад?

Ермаков: О! Об Японии я могу говорить до бесконечности. Люблю эту страну, уважаю ее народ и народные традиции. Конечно же, конечно, думая о наведении порядка, следует иметь в виду опыт маленькой Японии. Страна высокоразвита и даже Америка задолжала колоссальную сумму денег Японии. Опыт этой

страны показывает, что за короткое время, следуя ее примеру, можно достичь чрезвычайно многого. Я помню, лет 30 назад я был в Японии, там ни одной японской машины не было — все американские. Помню, мы свою машину привезли туда: ни одной бензинной станции не было, механиков не было, дороги были паршивые. Теперь, если бы вы поехали в Калифорнию, в Сан-Франциско, большинство машин — японские, и они считаются лучшими. 10 лет назад в Токио была компьютерная выставка. Там, конечно, различные иностранные фирмы показывали свою продукцию, и были компьютеры всего лишь пяти японских компаний. На следующий год на выставке была продукция уже 150 японских компаний. Видите как! Японец работает, учится, не ленится. А почему это? Если кто-то спросит, в чем же сила, я скажу, что сила в народе. Знаете, 100 лет назад японский император призвал к себе самые лучшие семьи и роды, лучших детей он послал учиться в учебные заведения стран мира. Япония стала одной из сильнейших держав. Может быть, длинный рассказ получится, но я, например, очень четко ощущаю отличие Японии от Америки. Допустим, молодой человек поехал бы в Америку, у него, может быть, профессия есть хорошая, пришел он в Сан-Франциско, где я живу, и ему бы захотелось иметь дом, купить его. Он пошел бы в банк и сказал: «Дайте мне заем, хочу купить дом». Банкир бы на него посмотрел и сказал бы: «О, вы хороший молодой человек, я вижу, вы сильный, вы улыбаетесь очень хорошо, и профессия у вас очень хорошая, и, может быть, зарплата хорошая, но у нас опыта работы с вами не было. Извините!» Очень важно для всякого американца устроить этот самый кредит платежа — это начинается, может быть, с заема на машину. Если он аккуратно платит каждый месяц, значит, устанавливаются отношения между банком и кредитором. В конце концов вам с удовольствием дают заем на дом, потому что есть доверие. И это самое важное в Америке. Мы живем очень хорошо, мы имеем хорошие кредиты, это очень важно. Как только вы перестанете платить, значит, вы не ответственны за свой кредит, у вас отбирается дом и все. Так что очень важно понять, что такое кредит для американца. Теперь перейдем к японцам. У японцев религия. У них синтуизм и буддизм могут существовать вместе. Они даже могут быть христианами. Вот и моя жена, кстати, крестилась: перед тем как мы поженились, она приняла православие. Ей нисколько не мешало быть и тем, и тем. Важно понять, в чем суть этой религии. Синтуизм — это поклонение своим предкам. И японец живет именно кредитами своих предков, тем, что родители установили. Вот мы в Японии сидели в компании, и японец мне говорит, что он — шестнадцатое поколение того, того, того, он прекрасно знает историю своего рода. И вот он работает, учится, чтобы этот исторический кредит не только поддержать, но и умножить и передать следующим поколениям. В этом — сила. А поскольку Россия и Китай, например, от своего прошлого отказались и религии уничтожили, другой религии не нашли, у вас будет проблема. И когда только начнем уважать, гордиться своим прошлым, только тогда, может быть, мы и построим крепкое государство. А когда сейчас видишь в России порушенные святыни и думаешь, что на поругание их отдал именно русский человек, теряешься; никак это не увязывается в сознании и никакому не поддается объяснению. Дъявольская сила, что ли, руководила тогда людьми?! Но ведь это случилось, и, может, все-таки через страдания произойдет очищение духа, и, может, народ действительно вернется к своей истории, церкви. Не надо здесь выдумывать каких-то новых систем. Надо вернуться к своему старому и так же, как это делают японцы, начинать строить на твердом фундаменте. И еще. Сейчас наконец-то настало время, настоящее, когда мы, эмигранты, начнем с вами по-настоящему общаться. И, повторю, может быть, будем сотрудничать. Рассчитывать на американских капиталистов, на Запад — нельзя. Мы должны, русские, объединяться. А пока, честное слово, мне, например, всегда стыдно, приезжает ли Хрущев (видел я его выступление в ООН) и шлепает башмаком по столу, приезжает ли ваш Ельцин с восторгами, как это капитализм прекрасно живет — всегда приходится объяснять: это — не настоящие русские. Давайте думать больше о братстве россиян и друг другу помогать. Пока, к сожалению, взгляды России больше об-

ращены к капиталу. Повторяю, последние соки выжмут из вас, и все.

Корр.: О работе наших средств массовой информации, полно ли они отражают неоднозначность перестройки в стране.

Ермаков: Если об этом речь вести, я больше смотрел ваше телевидение. Очень жаль, что ЦТ мало теперь чем отличается от американского телевидения. Особенно в музыкальной части — какая-то разнузданность, бесовщина. Я с изумлением посмотрел, увидел первых «мисс красоты» — полуобнаженных русских девушек, демонстрирующих свое тело. До этого уж, думалось, дело не дойдет в России. Увы — вы переживаете те же грехи, что и Америка.

Мне иногда даже кажется, что идеологическое руководство, руководство телевизионными компаниями в обеих странах одно и то же, — общее. Одни и те же лица, что у вас, что у нас...

Корр.: Алексей Михайлович, заканчивая наш разговор, хотел у вас все-таки спросить о вашей будущей жизни? Вы признались, что встреча с игуменьей Ксенией, беседа с ней взволновала вас, заставила задуматься о будущем.

Ермаков: Да у меня секретов ни от кого никаких нет. Я рад за Россию, начавшую думать по-новому. Я теперь не боюсь за себя, что со мной может что-то случиться здесь, что, например, приехал и не смогу выехать. Общество становится открытым, я буду сюда приезжать чаще. Ведь Россия — мои корни. Я сейчас очень серьезно думаю, что мне нужно приготовиться к будущей новой жизни, что нужно себя привести в порядок. И мне кажется, таких, как я, задумавшихся о новой жизни, русских, живущих ныне за рубежом, будет много. У меня появилась мечта построить своими руками поселок. Кстати, присмотрел место около Рязани: великолепная гора на берегу Окской поймы, оттуда вид на десятки километров открывается. Там стоит монастырь Иоанна Богослова, один из красивейших в России. Думаю, что мы продадим свои дома в Калифорнии и т. д., сможем переехать сюда, построить здесь дома и готовиться к переходу в лучший мир. И после передавать свои дома церкви. Может, это был бы настоящий путь к светлому будущему для нас, русских зарубежья.

Мы стареем, нам осталось жить не так много — мне бы очень хотелось, чтобы это осуществилось.

Беседу вел Александр Шахматов

Валентина Семенова

КРИТИКА 60-х НА СТРАНИЦАХ «АНГАРЫ»*

Обзор

ОТ АВТОРА

Цель предлагаемых читателю наблюдений сводится главным образом не к критике, а к попытке представить то состояние общественного сознания, каким оно запечатлелось на страницах критического раздела «Ангары» в одном из прошедших десятилетий. Хотелось увидеть, как менялось восприятие сибиряками литературы и жизни после событий, связанных с XX съездом партии, и одновременно определить для себя меру оценок, с которыми возможно подходить к критике, привыкшей работать в условиях жесткого идеологического контроля.

Веря в искренность писавших и невольность заблуждений, свойственных времени, хотелось бы также учесть то лучшее, что всетаки было исполнено авторами сибирского альманаха в 60-е годы.

В 1958 году альманах «Новая Сибирь» меняет свое название на «Ангару». Это единственное периодическое издание журнального типа в Иркутске, объединяющее литературные силы Приангарья, а с 1965 г.— Приангарья и Забайкалья. До 1967 г. «Ангара» выходит 4 раза в год, с 67-го— 6, т. е. становится двухмесячником.

Выпуск альманаха с обновленным названием пришелся на годы, связанные с началом интенсивного промышленного освоения Восточной Сибири. В 1958 г. заканчивается строительство первой на Ангаре Иркутской ГЭС. В 4-м номере альманаха за 1961 г.— снимок во весь формат полосы, на котором Н. С. Хрущев перерезает ленточку перед пусковым пультом на Братской ГЭС. Под рубрикой «Очерки наших дней» в 60-е годы идут обширные материалы, посвященные преобразованию Сибири в край индустрии, строители становятся на многие годы главными героями не только очерков «Ангары», но и повестей, рассказов, стихов.

Общий тон всех публикаций— восславляющий наступившие перемены. «Когда мысленно представляешь пройденный путь за последние полтора-два десятилетия, вглядываешься в настоящий день родного края, знакомишься с планами будущего, все чаще и чаще сталкиваешься с прилагательными «крупный», «гигантский», «уникальный», «первый в мире». Они, эти эпитеты, не смущают нас, они естественно входят в нашу жизнь, потому что отражают действительность, тот стремительный разбег индустрии, который продиктован величием советской эпохи» (Евг.

---

* «Ангара» — прежнее название нашего альманаха.

* В дальнейшем ссылки на альманах «Ангара» ограничатся годом и номером выпуска.

Бандо. Меридиан Байкала. Ангара, 1961, № 1)*. Таков дух публицистики тех лет, и не ее одной.

В общественно-политической жизни конец 50-х — 60-е годы — это первая волна осмысления культа личности, поднявшаяся в стране после XX съезда партии. Это событие тоже отразилось на содержании «Ангары», но в гораздо меньшей степени.

Редакционная коллегия альманаха периодически обновляется. За 13 лет его главными редакторами были: Ф. Таурин (1958—63), М. Сергеев (1964—67), Ю. Самсонов (1967—68), А. Шастин (1969—70), постоянными членами редколлегии оставались: Г. Кунгуров, Инн. Луговской, К. Седых, М. Сергеев, Ф. Таурин, в разные годы сотрудничали: П. Маляревский, И. Молчанов, В. Киселев, Е. Жилкина, Б. Лапин, Дм. Сергеев, Г. Грубин, В. Ляхницкий, В. Трушкин, В. Распутин, Р. Филиппов и др.

В годы с 1958 по 70-й более или менее постоянно сотрудничают в «Ангаре» критики А. Абрамович, В. Гайдук, Н. Кузнецова, Л. Лисин, Е. Макарова, А. Московский, В. Трушкин, Н. Тендитник, Е. Шастина, С. Баранов, Б. Кислов, Е. Раппопорт, из иногородних изредка публикуются Э. Шик, Н. Яновский. Чаще других выступает с рецензиями и литературно-критическими статьями В. П. Трушкин — ныне доктор филологических наук, профессор Иркутского университета.

Критики «Ангары»— в основном литературоведы, преподаватели иркутских вузов. Отсюда и характер материалов: с одной стороны, обстоятельность, аргументированный язык, с другой— суховатость, ослабленность личностного, публицистического звучания. Это одна особенность, другие обусловлены общественно-политической атмосферой тех лет.

И здесь необходимо сказать, что в Сибири послесъездовские перемены в идеологии отозвались несколько по-иному, чем в других районах страны. И дело не в отдаленности Сибири, хотя и это важно, и не только в том, что пересмотру истории быстро был положен конец— общество, не успев осмыслить трагизма предыдущих двух десятилетий недостроенного социализма, бросилось строить коммунизм— всего за два следующих! — но если там, в других районах, коммунизм был больше в лозунгах и планах, то здесь, в Сибири, развернувшееся строительство явилось как бы реальным воплощением мечты о коммунизме. Материально-техническая база коммунизма создавалась у всех на глазах, и потому тема промышленного преобразования, победного шествия научно-технического прогресса в общественном сознании тех лет значительно потеснила все другие.

С чем же приходят в этой обстановке критики на страницы «Ангары»? Одни— со старыми представлениями о задачах литературы, ее политизацией, другие— уходя от прежних стереотипов, вырабатывают новые, третьи прилагают силы к реабилитации незаслуженно забытых имен. Но общее впечатление таково: сознание меняется медленно.

Так, например, в № 2 за 1961 год опубликована рецензия на роман К. Н. Шней-Красикова «Шумели Саяны» (Минск, 1960)*. В своих размышлениях критик опирается на «Историю КПСС» 1959 г. (делается ссылка)— о 30-х годах: «Затаив злобу против советской власти и партии, эти люди занимались вредительством, расхищали государственное и колхозное имущество, стремились подорвать основу советского строя — общественную собственность». Так обличаются отрицательные герои романа. И вот как отразились в этой рецензии новые веяния: «Вместе с тем в романе убедительно показано, что означал практически в жизни общества тезис о неизбежности классовой борьбы в период победы социализма. Все это органически входит в сюжет романа, определяет судьбу его героев, делает произведение политически острым, художественно убедительным». Так уживаются в одной рецензии две эпохи.

Общие принципы анализа произведения носят установочный характер.

Критик рассматривает всякое литературное произведение как факт литературного процесса. В начале статьи обычно говорится о том, какие задачи ставил перед собой ху-

---

* Кузнецова Н. Саяны шумят. 1961. № 2.

дожник, что полезного удалось ему выразить, при этом в зачет идут и попытки — не столь реализованные, сколько угаданные критиком.

«Идейно-художественная позиция писателя является совершенно верной,— говорится в одной из рецензий.— (Автор — *В. С.*) создает в своем романе очень смелую в идейном и, следовательно, сюжетном плане ситуацию... Герои прочной сибирской закалки встают перед нами на многих страницах романа. Правда, и в развитии этой главной темы далеко не все обдумано, взвешено и изображено...»* Очевидно, что отношения с автором строятся на полном доверии к нему, критик и писатель смотрят в одном направлении, расходясь только в деталях. Скажем, критика не устроило развитие личной линии в повести или некоторая декларативность в выражении правильных с точки зрения идеологии времени взглядов. Последние фразы рецензии — неизменное напутствие новой книги в жизнь: «...Большие и мелкие просчеты... вовсе не означают, что выступление (писателя.— *В. С.*) с новой книгой является неудачным... Судя по тому, чего он достиг (имеется в виду творчество в целом. — *В. С.*), у него есть большой запас впечатлений, фактов, мыслей». Иногда, желая добра писателю, критик входит в противоречие с самим собой, с собственным оптимизмом, (продолжим цитату): «...Теперь самое важное — взыскательная работа над превращением их (впечатлений, фактов, мыслей.— *В. С.*) в явления художественные, где композиция, сюжет, глубокая мотивировка характеров составят неразрывное единство, где логика и диалектика изображаемых событий приведут к полноценному раскрытию идеи и темы задуманного произведения». Спрашивается, а есть ли писатель-то? То есть при всей доброжелательности критика трудно бывает определить, состоялось ли произведение в целом.

В таком ключе написано большинство рецензий «Ангары» конца 50-х — середины 60-х годов.

Отрицательных рецензий тогда, видимо, не печатали, единичные короткие отрицательные отзывы на то или иное произведение можно встретить лишь в обзорах.

Можно только предполагать, что критики просто не писали об авторах, к которым относились плохо.

Критик и писатель совпадали не только в идейно-политических убеждениях, но и во взглядах на литературное творчество. Продолжалось время, когда писатель должен был обязательно быть реалистом, быть убежденным в преимуществах социализма и в том, что советский человек, преодолевая трудности, уверенно идет в светлое завтра. Времена культа, если они задевались в произведениях, а затем в рецензии, еще лучше закаляли героя, справедливость торжествовала при его жизни.

Сегодня легко видеть ограниченность критики прошлых лет, зажатой в идеологические тиски, породившие теорию бесконфликтности, вульгарный социологизм, что приводило к схематизму и неправде в литературе. Вопрос о мере ответственности критика перед читателем и писателем — вопрос очень тонкий, если учесть близость к временам репрессий. Как сегодня определить эту меру? Можно требовать качества в любом случае — в пределах, так сказать, единомыслия. Отчего не спросить с автора за идейную непоследовательность, за ходульность положительных героев, зачем было хвалить писателя за одну только попытку — раскрыть, отобразить? Но вот какие тут ждали перспективы: любой упрек писателя в идейной несостоятельности превращал критика в политического обвинителя, а за упрек в том, что изображаемое не соответствует действительности и писатель забегает вперед, критик и сам мог получить политическое обвинение — дескать, не рассмотрел в жизни передового. То есть политизация сознания, отведение критериев художественности на второй, а то и на третий план ставили критика в положение либо палача, либо жертвы — как, впрочем, и каждого человека в то время.

Как, например, относиться к такому требованию критика: рецензируя новый роман В. Тычинина «Год жизни», он находит, что в изображении отрицательных персонажей лишь однажды писателю изменило чувство меры. Это секретарь парторганизации прииска Нор-

---

* Абрамович А. Герои сибирской закалки. 1963. № 1.

кин. «И смущает нас не то, что вместе с Крутовым он олицетворяет негодное руководство (так тоже в жизни бывает),— пишет рецензент, — а нарочитость в живописании характера, прием шаржирования. Такой прием привел к созданию карикатуры и, что еще хуже, к известному принижению идейного смысла романа... Норкин изображен настолько глупым и ограниченным, что остается лишь удивляться: как его выбрали секретарем партийной организации»*. Далее следуют доказательства с опорой на текст произведения; они выглядят убедительными и приводят к мысли о том, что писатель допустил явные художественные просчеты при раскрытии характера героя. Но вот следующее положение: «ощущая небходимость как-то объяснить неоднократное избрание Норкина секретарем партийной организации, писатель ссылается на пассивность коммунистов, охотно предоставляющих право Норкину заседать, болтать и угодничать. Но показать в таком виде партийный коллектив — значит сказать неправду. Как раз последующее изображение разрешающегося на прииске конфликта свидетельствует: партийный коллектив был в авангарде борьбы против администрирования и самодурства Крутова. Так нарушен закон единства в художественном произведении...»

Неправда здесь — догадаться не так уж трудно, — скорее всего, в другом. Больше похоже на то, что писатель резко увеличил активность партийного коллектива прииска к концу конфликтной ситуации и тем самым себя и наказал, подтвердив текстом упрек в «принижении идейного смысла». Критик в данном случае по сути контролирует логику идеологической установки, тяготеющей над писателем, причем установки меняющейся (это 58-й год), когда партийного руководителя уже можно критиковать (умеренно), но видеть партийный коллектив пассивным слишком долго еще нельзя. И вот изменения в самой общественной атмосфере: то, что еще недавно могло быть политическим обвинением писателю, превращается в легкую журьбу, которая заканчивается вполне идиллически: «Как верно думает писатель, сила советского строя проявляется прежде всего в том, что «простой» человек, труженик завода или колхоза осознает себя подлинным хозяином страны, ощущает в себе силы, могущие преодолеть любые противоречия». (Приводится убедительная цитата) и конец: «Торжество справедливости, силу и значение народных масс в строительстве коммунистического общества утверждает (писатель—*В. С.*) своим романом».

В голосе такой критики голоса общественности не услышишь. Да и какой была общественность, если проекций художественного произведения на реальную действительность не предпринималось?

С другой стороны — к вопросу о мере ответственности и общественной атмосфере — необходимо помнить, что к концу 50-х процесс отрыва литературы от действительности зашел слишком далеко, чтобы можно было быстро повернуть его вспять. Истоки уходят в 30-е, 20-е годы.

Рассматривая сегодня материалы критики конца 50-х—60-х годов, важно, на наш взгляд, отметить особенности критического мышления тех лет и сказать о переменах, последовавших к началу 70-х.

Попробуем ответить на вопрос, как осмыслялись критикой темы, важные для жизни и литературы той части Сибири, о которой писал альманах «Ангара».

Труд, современность, человек труда — тема, одна из главных в творчестве советских писателей тех лет, сибиряков тоже. Естественно, и критика не обошла ее вниманием.

Работа в нелегких условиях Сибири, особенно Севера, не придумывалась авторами художественных произведений: она была реальностью. Но осмысление этой реальности и писателями, и критиками шло в одном ключе: героизация труда без глубокого художественного исследования характера труженика и проблем действительности. И если писатель, следуя за жизненным фактом, был способен нарисовать картину труда в экстремальных условиях, и достаточно достоверно, то критик в своей рецензии, как правило, делал упор на конечный результат героических усилий, видя в них «осязаемые шаги», ведущие в коммунистическое завтра.

* Абрамович А. Люди и золото. 1958. № 4.

«Замысел нового произведения приводит к одной и той же мысли,— пишет А. Абрамович в уже упомянутой рецензии на роман В. Тычинина,— советские люди добывают золото во имя дальнейшего укрепления и развития социалистической Родины и, следовательно, во имя интересов советского народа, составляющего самый ценный капитал нашего общества: «Все для человека!.. Все ему, строителю новой жизни. Большое счастье служить своему народу!»— эти слова одного из персонажей критик выделяет как девиз для всего романа.

Вопрос о том, какой ценой оплачены успехи строительства в Сибири, не ставится ни писателями, ни критиками. Наиболее характерная реакция — восхищение трудовыми подвигами. «Думается, что история о том, как автоколонны под водительством голодных, коченеющих от холода шоферов пробивались к замерзшим на Лене баржам и везли продовольствие еще дальше на многие сотни километров, раскрыта в романе с подлинно высоким пафосом, большой авторской взволнованностью и теплотой»,— пишет А. Абрамович в другой рецензии — на роман Н. Чаусова «Сибиряки» (Иркутск, 1962).

Человек труда приковывает внимание В. Гайдука — в его статье «Черты современника в произведениях иркутских писателей» (1960, № 3). Критик рассматривает романы: «Ангара» Ф. Таурина, «Год жизни» В. Тычинина, изданные в Иркутске в 1958 г., повесть «Строители» А. Ермолаева, изданную в то же время в Москве. Стоит остановиться на этой статье, ибо по ней можно судить об отношениях критики начала 60-х к герою-современнику.

Перечисляя положительных героев названных произведений, автор статьи отмечает: «...новая и наиболее характерная черта современного человека конца 50-х годов — какое-то обостренное ощущение личной ответственности за все, что делает он сам и его товарищи, какое-то особенное чувство современности. Чем рождается это чувство современности? Прежде всего гражданской честностью...» Для Алексея Шатрова характерна «ежедневная постоянная борьба за радостный производительный труд, за то, чтобы люди уже сейчас стали жить лучше, чище, счастливее.

Именно в этом и заключена настоящая правда наших дней, в этом смысл современной борьбы против Крутовых и Гусаровых...»

Итак, идет борьба между добром и злом, и далее критик справедливо замечает облегченность конфликта в одном из произведений. «Приговор действительности над Крутовым и Гусаровым прозвучал не в полную силу, хотя во всех этих произведениях, как говорится, порок наказан, а добродетель торжествует...» Почему?— задает вопрос критик и отвечает: «Основная причина не только в недостатках художественного мастерства (т. е. недостатки замечаются, но мера их остается неясной и разговор о них не важен). Другая проблема — мировоззренческая...» Критик считает, что писателям недостало «той высшей точки зрения» художника, которая лежит в основе подлинного произведения искусства, и упрекает их в простом копировании жизни: «Эти просчеты приводят к тому, что огромный исторический смысл борьбы советских людей за коммунизм как-то порой мельчает, растворяется в лишних житейских подробностях». Выход на такой, казалось бы, высокий уровень требований на деле исключил для критика необходимость сопоставления литературного произведения и реальной действительности, необходимость дать ответ на простой вопрос: а получилась ли «копия жизни», скажем, в романе «Ангара»? Разглядели ли писатели действительные конфликты? С другой стороны, мало сообразуется с «высшей точкой зрения» эстетическая оценка положительных героев, судя по тексту, весьма увлекших критика: «...среди борцов против Крутовых и Гусаровых все чаще становится не так уж трудно разглядеть счастливые, гордые лица. На них вы не увидите ни боли, ни тоски, ни сомнений. Именно на судьбе этих людей лежит наиболее яркий отблеск нового, грядущего мира...»

Здесь, очевидно, можно говорить о романтизации положительного героя, о стремлении критика приподнять его над действительностью, что продиктовано, весьма вероятно, жаждой идеала.

Продолжить тему поиска идеала можно на примере двух статей В. Трушкина — о твор-

честве И. Лаврова. Рецензируются повесть «Встреча с чудом» и роман «Штормовое предупреждение»*. Написаны статьи традиционно: отмечаются достоинства, затем недостатки, и хотя не делается попытки поставить писателя в литературный ряд, тем не менее видно, что критик относится к автору с большой симпатией.

Привлекает критика постановка морально-этических проблем в произведениях Лаврова, борьба за человеческое в человеке. Но любопытны эти две рецензии, опубликованные с двухлетним перерывом, тем, что обе начинаются с сердитого выпада в адрес В. Аксенова (упоминаются его повести «Звездный билет» и «Апельсины из Марокко»). Повторение одной и то же мысли можно считать случайностью, но оно свидетельствует о неприятии критиком героев Аксенова и о желании противопоставить им героев Лаврова. И что характерно: не чувствуется тревоги за действительность, в которой появились «звездные мальчики», все-таки схваченные Аксеновым довольно точно (другое дело, что писатель принял их слишком всерьез, как показало время, и здесь В. Трушкин был прав), но чувствуется недовольство писателем, увидевшим в жизни «не ту» молодежь: «...неужели же, спрашивает критик,— этой дешевенькой позой и исчерпывается духовная сущность нашей молодежи или хотя бы какой-то части ее?» И далее: «...и, очевидно, в духовном обеднении части нашей молодежи виноваты писатели, которые пишут от лица самой молодежи, где герои — 20-летние старички, которые брюзжат и совершают эксцентричные поступки». Таким образом, вся ответственность за героя возлагается на автора, и нравственная оценка героя сменяется требованием от писателя отыскивать в жизни идеалы и выводить их в произведениях. Это подтверждается концовкой второй статьи о И. Лаврове: «Появление романа И. Лаврова хочется приветствовать. «Штормовое предупреждение» — в ряду тех, пока еще немногих в нашей литературе книг, в которых остро поставлены проблемы нравственного воспитания молодежи в духе морального кодекса строителей коммунизма».

Размышления о нравственной оценке героя произведения заставляют нас коснуться метода социалистического реализма, ибо писатели и критики 50-60-х стремились работать в его пределах. Коснемся — хоть это и нелегко во времена, когда еще недавно столь почитаемый литературоведческий термин стал появляться в прессе лишь затем, чтобы быть в очередной раз высеченным. Что ж, реакция вполне понятна, так как за термином стоит послереволюционное сознание, ограниченное материализмом и атеизмом, но претендующее на духовную власть во всех сферах жизни, включая литературу и искусство. Однако историк литературы не должен ограничивать себя одной только переменой знака с плюса на минус в оценке системы, которая продержалась в идеологии нашего общества несколько десятилетий. Не вредно бы задаться вопросом: как вписывалось живое, талантливое слово в искусственные рамки или, лучше сказать, как прорастало оно в жесткой схеме, постепенно разрушая ее? Если литература все-таки не погибла?

И здесь придется, видимо, признать, что «идея жертвенности» (Ф. Лилиенфельд), или подвижничества имела для соцреализма большое значение. Другой вопрос, жертвенности во имя чего? Во имя социальной свободы и материального изобилия? И другое дело, что литература подвижничества не создается по одному только желанию, а тем более заказу, как это постепенно стало складываться, напротив, очень немногие художники способны идти по этому пути. В литературе 50—60-х гг. мы наблюдаем как раз следствия того, как в жизни начинает иссякать революционное подвижничество, меняется само содержание подвига, а в литературе (именно поэтому) все более усиливается требование дать народу раз и навсегда установившийся идеал.

Требование героизма в художественном произведении породило привычку выдавать желаемое за действительное, а ложность многих идеалов 20—30-х гг. привела к тому, что настоящего подвижника не удавалось разглядеть. Ибо он все менее походил на героя в общепринятом представлении, а все более на

---

* Трушкин В. Здравствуй, жизнь! 1962. № 1; Спор о счастье. 1964. № 2.

жертву. Но это предмет особого разговора.

Возвращаясь к страницам нашего альманаха, отметим весьма показательное замечание В. Трушкина в уже упомянутой рецензии на повесть «Встреча с чудом»: «Следует честно и прямо сказать, что современная наша литература не знает героев, представителей молодежи, равных по масштабам героям Островского и Фадеева. Здесь все еще в поисках и становлении. Нередко эти художественные поиски скользят по поверхности явлений, когда частное и случайное выдается за нечто типическое и характерное...» Как мы видим, критик осознает, что привычный герой ушел из литературы, но как выражаются поиски нового? «В его книге все залито ярким светом, озарено солнцем и молодостью. Это не значит, конечно, что у героев Лаврова легко складывается жизнь, что существование их безоблачно. На пути к своей мечте они встретятся и с грозами и ливнями, переживут холод и ненастье, когда на душе тоскливо, а за окном носится ошалелый ветер... Но за ненастьем обязательно будет вёдро, будет солнце и радость...» Бросается в глаза неопределенность представлений об идеальном будущем для героев.

Подвижники есть во все времена, только иногда они становятся очень и очень незаметными. Плохо только то, что литература, если обнаруживала их, то делала из них героев — прибавляла им сил, предрекала неизбежную победу. Поэтому не сразу можно отличить чистую подделку от приукрашивания как дани времени.

Скажем, есть ли у нас основание не доверять сначала писателю, затем критику в трактовке образов двух девушек-сестер в повести «Встреча с чудом», которых романтика уносит на север, бросает на трудную работу? Освоение севера — разве не подвижничество? Да, и нет оснований для недоверия. И не было бы большого вреда от небольшого приукрашивания, если бы в дальнейшем героизация труда не связывалась и не стала бы выражением такого явления, когда благородное дело освоения края стало превращаться в насилие над природой. Противоестественность жизненных явлений не могла не повлечь за собой искажения литературного идеала, даже если составляющие этого идеала налицо. Видимо, только тогда мы вправе ждать и требовать от литературы идеала, когда он будет по-настоящему высоким в общественном сознании. Выработка же идеала в общественном сознании невозможна без опоры на те нравственные ценности, что накоплены веками, и без здорового отношения к действительности.

Сложные отношения литературы реализма с реальной жизнью, с одной стороны, и с представлением об идеале, идеальном герое — с другой, определили и своеобразие оценок критикой исторического матерала, к которому обращались писатели Сибири.

Самая близкая история — это Великая Отечественная война. О характере исследования военной прозы в конце 50-х — начале 60-х можно судить по рецензии В. Трушкина на роман Л. Кукуева «Живые и мертвые» (1960, № 1).

Автор сравнивает советских писателей с Ремарком. Говорит о развитии философско-эстетических позиций, о том, что Ремарк трагичен в теме войны. «Советские литераторы всегда сохраняют чувство перспективы, реального выхода из сложнейших противоречий жизни,— пишет критик.— Поэтому и трагедийное начало в их произведениях не оборачивается столь трагической безысходностью, как у Ремарка, да и других зарубежных литераторов наших дней, далеких от эстетических принципов метода социалистического реализма». Анализируя роман, критик ставит вопрос о необходимости соблюдения исторической дистанции в оценке событий (книга появилась через 14 лет после войны), говорит о нарушении исторической правды (имя Сталина вычеркнуто из сознания героев романа), о необходимости более строгого отбора материала и неправомерности грубовато-плакатного изображения врага. Несмотря на недостатки (а их называется довольно много), критик считает, что «писателю удалось создать правдивое произведение о Великой Отечественной войне, о рядовых участниках этой тяжелой страды, хранивших в своих походных повозках еще в 1942 году впрок заготовленные указания с лаконической надписью: «Дорога на Берлин». В эти годы ни в одном критическом материале «Ангары» не ставится вопрос о цене великой Победы, о горькой

правде войны, как не ставится он и писателями Сибири.

Следующие исторические события — трагедия 30-х годов, связанная с культом личности. В 50-е, как известно, открылась эта тема. Глубокого развития она не получила, т. к. к началу 70-х оказалась, по сути, под запретом, но что же все-таки успела сказать критика «Ангары»?

Главным образом, это публикации реабилитационного характера: например, Н. Яновский. Жизнь начинается снова (о И. Гольдберге) — 1960, № 4. Р. Смирнов. Путь поэта (Творчество А. И. Балина), 1962, № 3. В. Трушкин. Ранний Павел Васильев (Сибирский период в жизни и творчестве поэта), 1969, № 3, сюда же можно отнести и статью В. Трушкина о романе В. Зазубрина «Два мира» — «Живая летопись», 1959, № 4, его же публикацию «Литературный Иркутск 30-х годов», 1962, № 4.

В материалах, где прямо говорилось о судьбах репрессированных литераторов, доказывались две вещи: первое — что прозаик, или поэт талантлив, его вклад в литературу не подлежит сомнению и второе — что пострадал в годы культа незаслуженно, т. к. всегда был предан делу социализма и к троцкистско-зиновьевскому блоку отношения не имел. Восстановить забытое имя, ввести его в литературный оборот являлось для критиков главной задачей. И это естественно для времени, когда еще свежа память о жесточайших репрессиях. И все-таки поворот в сознании наметился.

Так, в № 1 за 1963 г. «Ангары» в статье «Беспокойная тишина» В. Трушкин вступает в полемику с рецензентами из журналов «Октябрь» и «Звезда» по роману Ю. Бондарева «Тишина» — с Ю. Юдашкиным и В. Гусаровым, не принявшими это произведение. (Здесь же приводится и положительная пресса о романе.)

В. Трушкин высоко оценивает постановку моральных проблем в «Тишине», ответственное отношение писателя к теме человека во времена культа. «Отличие Бондарева от названных здесь авторов (имеются в виду М. Стельмах «Правда и кривда» и А. Твардовский «За далью — даль»), говоривших в книгах своих о культе личности, заключается прежде всего в том, что он сделал эту тему фокусом, к которому стягивается все повествование, все сюжетные и идейно-эмоциональные перипетии произведения».

Другая публикация — она тоже принадлежит В. Трушкину — называется «Сквозь призму времени» — о романе новосибирского прозаика А. Никулькова «В буче». Критик горячо поддерживает писателя, взявшего трудную тему: показать, как честный, убежденный ленинец постепенно превращается в орудие культа, а затем и сам становится жертвой. Но следует отметить, не меньше радует критика и тот факт, что младшее поколение, несмотря на репрессии близких, с оптимизмом устремлено в будущее. Вместе с писателем критик верит: «...молодое поколение несет высокие нравственные идеалы», «культ Сталина и все связанное с ним не могли изменить основы нашей жизни, поколебать уверенность в правду ленинского дела, дела партии и народа». И в этих словах заключен предел углубления в тему культа, свойственный общественному сознанию 50—60-х годов, когда культ расценивался как случайность и о потерях говорилось вполголоса. Привычный идеальный герой — участник гражданской войны, затем Отечественной, все на свете перенесший и выстоявший, прибавил в свой актив испытания 37-м годом, которые больше украшали его облик, чем драматизировали.

Трагедия 30-х годов полное звучание обретает только сегодня, к концу 80-х, но и сегодня историки не без боязни вторгаются за пределы 30-х — в 20-е, еще боязливее в 10-е, 900-е годы, отчего масштабы трагедии остаются пока до конца не выявленными.

Тема революционного прошлого, коллективизации в рецензиях и солидных статьях о творчестве маститых писателей Сибири освещается в незыблемых, канонизированных традициях. Так, в резенции П. Петрова на книгу И. Я. Строда «В якутской тайге», изданную в Военном издательстве Министерства обороны СССР (М, 1961),— «Книга героя гражданской войны» (1962, № 4)—героизм стродовского отряда, высоко оцененный критиком, подкрепляется следующей цитатой из текста: «Над небольшим клочком земли, среди бар-

рикад из трупов, поднялось красное знамя с портретом Ленина. И нам стало легче. Казалось, в этот трудный час сам Ильич явился верным своим бойцам... Жолнин присел, прислонясь спиной к балбахам. В руках у него уцелевшая в походах гармошка. Минуту он пробует голоса, потом громко, чтобы слышно было белякам, играет «Интернационал». Простуженными голосами бойцы подхватывают мелодию, и она несется над снежной равниной как гимн мужеству и верности революции». Как видим, «гимн мужеству» «среди баррикад из трупов» нисколько не смущает рецензента, и это показывает, как далеко было общество от осознания революции прежде всего как трагедии страны.

Отдельной темой в обозреваемом временном отрезке может быть рассмотрена критика творчества прозаиков и поэтов нашего края, определявших в послевоенные годы уровень местной литературы. Это Г. Кунгуров, Г. Марков, И. Молчанов-Сибирский, К Седых, А. Ольхон. И. Гольдберг, позднее — П. Маляревский и М. Сергеев.

Этим авторам посвящались объемные критико-биографические материалы, в которых подробно рассматривались проблематика и характеры, художественные особенности произведений. Общий тон — уважительный; в нем гордость за земляков, серьезно работающих в литературе. Мысль о закономерности социалистических преобразований отдаленных районов России, изображение жизни как процесса хозяйственного, культурного, духовного развития — обязательна и для писателя, и для критика.

В статье о Г. Маркове говорится о родственности романов «Даурии» К. Седых, «Строговых» Г. Маркова и «Хребтов Саянских» С. Сартакова*. «Это звенья одной цепи — правдивой художественной летописи Сибири, закономерно своим специфическим путем пришедшей к революции, к утверждению и безоговорочному приятию ее... Это борьба народа за свое счастье, за право чувствовать себя и быть хозяином родной земли, ее угодий и богатств».

В статье о Г. Кунгурове** сказано: «В повести «Топка» правдиво показан процесс становления новой жизни у небольшого отсталого народа Севера, проникновение в его среду культуры, новых человеческих взаимоотношений и социалистических преобразований». «Философия этой повести («Свет погас»), очевидно, должна была, по замыслу писателя, противостоять буржуазной литературе, с ее неверием в человека, проповедью пессимизма и фатальной обреченности».

Помимо идеологической установочности (что было свойственно в то время не только литературе Сибири), нельзя не отметить некоторый провинциализм критического мышления, выразившийся в двух моментах: прежде всего, в отсутствии необходимой строгости при оценке произведения.

Так, в целом слабый, как показало время, роман Г. Кунгурова «Наташа Брускова» рассматривается по уже приводившейся в нашей работе схеме: дается перечень недостатков, очень серьезных — таких как затянутость предыстории, бездеятельность главной героини, композиционная рыхлость, психологическая недостоверность в поведении героев, но вместо их анализа следует, по существу, оправдание: «Но спорные стороны романа не могут от нас заслонить достоинств этого значительного произведения, согретого дыханием нашего времени, произведения, которое вторгается в повседневный быт... Судьба Наташи волнует большой человеческой правдой...»

Одной лишь требовательностью к себе писателя Г. Маркова объясняет этот же критик факт значительной доработки первой книги романа «Соль земли» во 2-м, московском издании 1959 г. относительно 1-го, иркутского. В разговоре о творчестве К. Седых, Е. Макарова критическую часть закругляет надеждой на то, что недостатки романа «Отчий край» будут устранены при следующих изданиях.

С другой стороны, критики не делают попыток взглянуть на литературный процесс региона исходя из достигнутого в общероссийском процессе, отчего создается впечатление, что литература Сибири — это литература отдельная. Очень редки сопоставления про-

* Трушкин В. Георгий Марков. 1960. № 3.

** Он же. О творчестве Гавриила Кунгурова. 1961. № 2.

изведений писателей-сибиряков с тем, что издавалось в то время в других районах страны. Такой разговор был бы весьма полезен, но он, безусловно, требовал мужества и независимости критиков. Пришлось бы признать, что далеко не все, что написано Г. Кунгуровым, Г. Марковым и К. Седых, можно поставить в литературный ряд. Но зато отдельные произведения. допустим, «Артамошка Лузин», «Даурия», возможно, «Строговы» были бы в этот ряд вписаны.

Осознавая очевидные сегодня недостатки статей монографического склада о писателях 50-х, хотелось бы тем не менее понять, что объективно ценного находила критика в их произведениях. То есть что останется, если отбросить политические заклинания, постепенно принимавшие характер некоего ритуала?

Останется: сибирский материал, знание местного быта, жизни народов Сибири, особенности человеческих отношений, свойственные времени — в произведениях писателей и в указаниях на это критиков (К. Седых, Г. Кунгуров). Останется развитие характера сибиряка в творчестве Г. Маркова. Это отмечает В. Трушкин, упоминая о полемике Г. Маркова с писателями-областниками; он приводит следующие слова писателя: «Мне казалось обидным, что сибирская деревня рисуется неумытой, неумной, дикой, беспросветной. Внутренне я все время полемизировал с авторами таких книг. По собственному опыту и по рассказам я знал, что среди сибирских крестьян были и есть очень даровитые люди, доискивающиеся справедливости». Останется сибирский пейзаж в стихах И. Молчанова-Сибирского и Инн. Луговского. Все это имело значение для дальнейшего развития литературы региона, и не следует этого забывать.

К писателям прошлого альманах обращается не слишком часто. Это воспоминания Г. Кунгурова о Л. Сейфуллиной — к 70-летию писательницы — о ее участии в иркутской конференции молодых писателей в 1951 г., очерк В. Трушкина о повестях Л. Сейфуллиной (1959. № 1), рецензия А. Абрамовича на книгу Н. Янковского «Лидия Сейфуллина. Критико-биографический очерк» (М., Сов. пис., 1959) — «Книга о большой советской писательнице», 1961, № 1. О творчестве В. Зазубрина пишет В. Трушкин (1959, № 4; 1970, № 6), его же перу принадлежит публикация о М. Горьком — «Горький и писатели-сибиряки (Забытая страничка из истории литературы Сибири)» — 1958, № 3. А. П. Чехов и Сибирь — тема юбилейной статьи Г. Кунгурова (к 100-летию со дня рождения) — 1960, № 1; отношение к сибирской природе Вяч. Шишкова — предмет наблюдений Е. Шастиной («Природа и художник», 1963, № 2). Две публикации литературоведа А. П. Московского о В. Маяковском-сатирике отражают работу иркутского ученого по его теме (1958, № 1; 1963, № 4).

Любопытна с точки зрения сегодняшних проблем творчества и редактирования статья П. Моролева «В творческой лаборатии Д. А. Фурманова» (1962, № 2). Речь идет о доработке «Чапаева». В начале статьи критик так определяет цель доработки: «Улучшая текст рукописи, автор стремится усилить политическую направленность произведения». Из приведенных примеров можно видеть, как шло улучшение. Так, образ комиссара Клычкова утратил первоначальную противоречивость. Выброшен эпизод, когда комиссар отказывается сдать второй револьвер, объясняя свой отказ тем, что не имеет права распоряжаться чужой собственностью (револьвер его жены). Но под влиянием товарищей сдает. Критик пишет: «Под воздействием опытного редактора Лепешинского писатель увидел, что изображенный им эпизод имеет чисто случайный, частный характер. Внесенные в образ Клычкова несвойственные большевику качества противоречат жизненной правде, заслоняют собою сущность характера будущего комиссара Чапаевской дивизии».

Не можем ли мы видеть на примере этого материала тот путь внешней героизации литературного образа, о котором говорили выше? Не в 20-е ли годы уходит начало того процесса, когда идеал начал создаваться более на бумаге, чем осмысливаться в действительности? Видимо, до тех пор, пока «держали» героя очистительные (в той степени, в какой это объективно возможно) революционные события — он жил в литературе.

Дважды обращается «Ангара» к имени Л. Толстого.

Это небольшая статья Г. Кунгурова «Лев Николаевич Толстой и Сибирь» (50 лет со дня смерти великого писателя) — 1960, № 4, в которой говорится о Толстом как обличителе самодержавия, приводится его отношение к сибирской ссылке. Вторая публикация — исторического порядка. Остановимся на ней, ибо она показывает, как имя великого писателя участвовало в подготовке революции (Авторы — С. Ф. Коваль, В. Т. Агалаков: «Начало социал-демократического движения в Сибири и Л. Н. Толстой», 1961, № 3).

Л. Толстым в начале XX века были написаны воззвания: «Не убий», «Офицерская памятка», «Солдатская памятка», «Отвергая для народа путь революционной борьбы, — пишут историки, — он предлагал пассивный путь неучастия в борьбе, для солдат и офицеров — отказ от убийства своих братьев, рабочих и крестьян, следование «истинному» христианству. Однако эти слабые, реакционные стороны взглядов Толстого не мешали использованию наиболее ярких его публицистических произведений в революционной пропагандистской работе русской, в частности сибирской, социал-демократии... Этот материал позволяет установить объективную причастность Л. Толстого к сибирскому социал-демократическому движению, которого субъективно Л. Н. Толстой разделять не мог».

Как же Толстой «объективно» участвовал, «субъективно» не разделяя? «Сочинял прокламации к рабочим Ем. Ярославский. Тексты толстовских «памяток» переписывались с печатных экземпляров без значительных изменений содержания и стиля. Но небольшие стилистические изменения переписчиками все же были внесены... например, «толпа» заменялась на «люди»... Иногда толстовские произведения дополнялись, расширялись... «Солдатская памятка», кроме фамилии Толстого, имела подпись: «Издание Комитета Сибирского Социал-демократического Союза» и надпись на первом листе: «Читайте и передавайте товарищам!» А это имело большое значение и рассматривалось читателями как исходящее от революционного комитета, имеющее революционное содержание». Послесловие же к «Офицерской памятке», являвшееся «самостоятельным революционным призывом», отличилось, по мнению историков, настолько «замечательным развитием мысли Толстого», что прокурор Иркутской судебной палаты «принял все за содержание «памятки» графа Л. Н. Толстого».

Заканчивается статья утверждением: «Своим неповторимым творчеством Л. Н. Толстой объективно звал к борьбе против эксплуатации и нищеты народных масс, против мракобесия и невежества, за новый лучший общественный строй».

Интересно, знал ли великий писатель о своей «объективной причастности» к сибирскому социал-демократическому движению» и как к этому относился?

Критике, посвященной творчеству народов Сибири, фольклору, альманах отводит в эти годы не много места. Основное количество материалов (7 из 8) приходится на первые 9 лет, на последние 5—1, причем это очень сжатая информация Е. Шастиной о Всесибирской фольклорной конференции в Улан-Удэ — 1969, № 1. В конце 50-х, в 60-е годы мы можем наблюдать, как шло постепенное снижение интереса к этой области духовной жизни в единственном периодическом издании Восточной Сибири и Забайкалья.

Так, в статье В. Найдакова «Творчество М. Н. Тимофеева-Терешкина» — 1958, № 3 — почти ничего не говорится о национальном своеобразии якутского поэта, зато много о «неуклонном движении от фольклорла к литературе...» В. Найдаков считает, что влияние фольклора на творчество поэта преувеличено, что фольклор необходим «лишь для того, чтобы приблизить через понятное непонятное якутам». Оспаривается утверждение К. Азадовского в том, что «импровизации слепого якутского поэта целиком находятся в поэтической системе якутского фольклора»,— критик считает, что позже этого не стало.

В 1959 г., № 1 выходит обстоятельная рецензия С. Баранова «Книга об устном народном творчестве» на «Историю русской фольклористики» М. К. Азадовского. Труду крупного ученого-фольклориста дается высо-

кая оценка, в частности — вопросу о периодизации фольклора, доказательствам самобытности русского фольклора; приводится мысль ученого о Радищеве: «...в «Путешествии» фольклор — как форма народной мысли, как выражение народного сознания, как путь к его познанию и как основа народной культуры». Вместе с тем автор рецензии требует от Азадовского уточнения позиции относительно следующего: «в общепринципиальном отношении к фольклору западники-демократы в сущности сближались со славянофилами...» Требование рецензента, видимо, можно объяснить той тенденциозностью в оценке славянофильства, которая была свойственна прошедшим десятилетиям.

Встречая сегодня эти претензии к М. Азадовскому, нельзя не прийти к выводу, что ученого не удалось опровергнуть ни в его взглядах на фольклор как основу народной культуры, систему, органичную творчеству, ни в том, что славянофильские концепции «определили и дальнейшие судьбы проблемы народного творчества в истории идейных течений русского общества и характер дальнейших изучений». Вопрос о славянофильстве начинает освещаться на новом уровне (взять, к примеру, статью С. Аверинцева «Старый спор и новые спорщики»* и др.).

В рецензии бурятского исследователя фольклора Р. Шерхунаева на роман П. Малакшинова «Учитель» (М., Сов. пис., 1959) — «Пробуждение народа», 1960, № 3 — основное внимание направлено на революционные изменения в бурятской деревне после 17-го года. Критик рассматривает эту книгу как «подарок писателя к 300-летней дате вхождения бурят в состав России». В таком же духе выдержан «Творческий портрет улигерши Аполлона Тороева, принадлежащий перу другого ученого-фольклориста — Н. Шаракшиновой.

Общее впечатление от работ по литературе народов Сибири фольклору Сибири таково, что критика не выходила за пределы идеологических рамок своего времени. И как итог — грубый социологизм при анализе произведений, упрощенный подход к тексту народных песен.

* Аверинцев С. Попытки объясниться. Б-ка «Огонек», 1988. № 13. С. 21.

Такое замечание высказал В. Трушкин с приведением убедительных цитат в рецензии на книгу М. П. Хамаганова «Бурятская фольклористика...» Улан-Удэ, 1962, — «Первая книга по истории бурятской фольклористики», 1963, № 3. И хотя В. Трушкин положительно оценивает книгу, цитаты из ее текста, размышления критика говорят о другом — издание не удалось.

Ослаблен интерес критики «Ангары» и к тем произведениям сибирских писателей, в которых отразились быт и культура аборигенов края. Назовем только одну публикацию — И. Панневиц. «Эвенкийский фольклор в повести Г. Ф. Кунгурова «Артамошка Лузин».

С темой преобразования Сибири, увлекшей в 60-е годы и литературу, и критику, никак не связывалась тема охраны природы. Во всяком случае, критики не имели ее в виду, касаясь современности. Исключением можно считать лишь заметки об иркутской прозе 1965 г. Б. Ротенфельда — «Вечные заботы», 1966, № 3, где, рассматривая новую повесть Л. Огневского «Зеленый шум», рецензент говорит о необходимости «разумного», «даже «деликатного» вторжения в тайгу, о том, что «надо не только все брать от тайги, но и помочь ей здорово жить и трудиться на людей».

Вот почему стоит обратиться к двум коротким информациям, которые как раз характеризуют состояние общественной мысли по экологии в рассматриваемый период времени.

Первая, на двух страницах, принадлежит А. Граниной — о книге «Дороже золота» (М., 1962) — 1963, № 3. В ней отмечается, что в московском сборнике впервые поставлен вопрос об общечеловеческой солидарности в борьбе за красоту мира, что был выставлен лозунг: «Пора выйти с защитой природы на международный форум». Таким образом, охрана среды как проблема осознается критиком, но — в глобальном масштабе, никаких мостков к современной Сибири не пробрасывается. Вторая информация — «Новые книги» — 1964, № 3 — на книгу В. Синедубского и Ю. Николаева «20 ступенек в завтра», выпущенную издательством «Советская Россия»,

очевидно, накануне — год не обозначен. Заметка подписана инициалами Н. А.

Предваряет ее эпиграф из стихотворения М. Сергеева:

...и живая вода
за руками пошла
и забилась,
как кровь в человеческих
жилах.

Затем следует несколько строк о содержании книги — она посвящена комплексному использованию гидросооружений в масштабах страны.

Автор рекламы полностью разделяет энтузиазм авторов «20 ступенек», поведавших читателю о планах приручения Ангары, создания водопадов на Енисее, соединения Балтики с Черным морем, поворота стока северных рек, и как итог — создания единой глубоководной системы Советского Союза. Упоением техническим прогрессом дышит каждая строка этого текста, и нет сомнения в том, что технические решения по использованию рек — решения замечательные и «представляют увлекательную и поучительную тему книги, предлагаемой вниманию широких масс советских читателей».

Критика поэзии в «Ангаре» 60-х во многом носила те же черты, что и критика прозы: отход от эстетических критериев, предпочтение декларативности глубине переживания, грубый социологизм в вопросе мировоззрения художника, в толковании произведения, преобладание рецензий и очерков творчества над проблемными, полемическими статьями.

Было напечатано несколько материалов реабилитационного характера — о них говорилось выше.

Вниманием критики пользуются такие поэты, как И. Молчанов-Сибирский, А. Ольхон, Инн. Луговской, М. Сергеев. Наиболее подробно и основательно анализируются В. Трушкиным коллективные поэтические сборники, издаваемые в Новосибирске и в Иркутске.

Примером не слишком внимательного отношения может послужить полуторастраничная и единственная за эти годы рецензия на книжку С. Кузнецовой — возможно, первую. Автор рецензии Ю. Томский («Езда в незнаемое», 1963, № 2) не указывает названия книги — «эта зеленая книжица» — обозначает он ее. Легко касаясь строчек «зеленой книжицы»: здесь — наивно, здесь — банально, здесь — погрешности рифмы и вкуса, рецензент отмечает как удачу строки о таежной Сибири, которая «густо выпирает... хвойными запахами, пламенем багульника, гулом великих просторов», а также любовную лирику поэтессы. Заметки оставляют ощущение, что стихи все-таки понравились, но поверить себе до конца рецензент не смеет. «И ведь если въедливо разобрать — ничего особенного нет здесь: ни большой мысли, ни большой страсти. А от стиха этого так щемит сердце, словно кто-то взял его на ладонь и то сожмет, то погладит»,— с легким недоумением итожит он свои наблюдения.

Не вызывают особого интереса поэты, начинавшие в те годы, или чуть раньше, в Иркутске, ныне известные всей стране — С. Кузнецова, Ю. Левитанский, А. Преловский. Исключением можно считать А. Преловского, о книге которого «Просека» писал В. Трушкин в своей рецензии «Ветер юности» (1959, № 3).

Изредка можно встретить на страницах «Ангары» публикации, посвященные книгам для детей или детским писателям (их всего 6, если не считать кратких информаций о вышедших книгах). Общим для них является призыв к писателям создавать произведения для детей на материале сегодняшнего дня Сибири.

«И все же много в альманахе (имеется в виду детский альманах «Край родной») вчерашнего материала,— пишет Марк Сергеев.— Пора уже подумать о расширении круга тем, поднимаемых сборником. Сибирь — край великого созидания, третья промышленная база страны, край сказочного настоящего и еще более сказочного будущего». — «Мир открывается заново. Размышления о книгах для детей, изданных в Иркутске», 1959, № 1. Эта же мысль высказана и К. Владимировым в обзоре «О книгах для детей за 1960 г.» — 1961, № 1, Л. Лисиным в статье о книгах Н. Печерского — «Книги, зовущие к подвигам», 1959, № 4. Призыв созвучен приветственному письму ЦК КПСС участников объединенного пленума правлений СП РСФСР,

Московского и Ленинградского отделений, проходившего в 1960 г. «Каждая книга, написанная для юного человека, идущего в великое Завтра, должна помогать формированию коммунистического сознания, учить героизму созидания, взращивать чувство прекрасного, звать к сияющему будущему, к трудовым подвигам и научным дерзаниям». Цитата приводится в статье Е. Макаровой «Иркутские писатели — детям» — 1962, № 2. Следуя принятому курсу, критик рассматривает книги Л. Красовского «Кусочек солнца», Вяч. Тычинина «Отважные мальчишки», А. Шастина «Жили-были мальчишки» и в целом находит их «хорошими, добрыми книгами о юных, которые смотрят на все происходящее вокруг них как хозяева и творцы жизни... готовятся к труду, к большим свершениям».

И здесь происходила смена стереотипов.

Так, Л. Лисин упрекает Н. Печерского за то, что он вводит шпионов в повесть «У тебя все впереди, Валерка» и т. о. идет по пути внешнего эффекта; одновременно критик делает ударение на «романтике живой жизни», «героических преобразованиях Сибири», «способствующих превращению Н. Печерского в замечательного детского писателя».

Критика детской литературы позволяет сделать такие наблюдения: с одной стороны, шла внешняя героизация преобразований в Сибири (и в художественном творчестве и в критике) и делалась попытка решать задачи воспитания на этом материале; с другой — поиск идеального, убежденность в том, что именно через положительное в литературе можно и должно воспитывать юное поколение.

И здесь стоит привести статью А. Абрамовича «Детская тема в творчестве И. Молчанова-Сибирского» — 1960, № 2. Начиная с упоминания знаменитой «Базы курносых» (создавалась под руководством И. Молчанова-Сибирского) как уникального факта коллективного детского творчества, критик затем рассматривает стихи поэта для детей именно с воспитательной точки зрения. Критик находит «долю умной поучительности», когда поэт «возвышает значимость хорошей школьной отметки до уровня всякого важного «взрослого» дела», поощряет стремление приучать ребенка к труду: «Радостна, отрадна забота, когда дети выполняют «всамделишные» поручения, например, создали «пришкольный огород и вырастили великолепный урожай»; умение передать радость, которая рождается в детских заботах и делах. Но: «автор не боится дидактического» вывода потому, что он не навязан ребенку, а естественно включает в себя совершенно реальную перспективу развития маленького человека — в большого. Что же входит в эту перспективу:

...Подрастем немного мы —
Переделаем природу,
Переделаем погоду...

В годы, о которых идет речь, это была очень важная часть перспективы. Сегодня мы можем видеть, что перспектива оказалась нереальной, да и ненужной, а средства приближения ее — неразборчивыми, идеалы 50-х не воплощенными.

И разве не ложность ориентиров причина тому, что сегодня общественность почти не ставит задачи воспитания молодежи, предпочитая говорить о ее проблемах, необходимости понимания «особого» молодежного мира — но не воспитания как целенаправленного духовного процесса? Можно сказать, что отказ от идеалов прежних лет привел к отказу от воспитания, и именно в 50—60-е годы в критике детской литературы, как и взрослой, зафиксирована тяга к идеалу, не подкрепленная наличием полноценного идеала в общественном сознании. В критике, как и в художественной литературе, как и в жизни, идеалы не только не изменялись, но как бы укреплялись в прежнем виде — за счет небольших поправок в истории и за счет героизации хозяйственных преобразований. Созидание на разрушительных началах — по отношению к природе, к человеку как части ее, к прошлому опыту, неумение учитывать отрицательные уроки истории (а можно ли научиться их учитывать, отрицательные?) не дало ожидаемых результатов, и не могло их дать. В таких условиях идеалы быстро становились стереотипами и утрачивали воспитательное значение.

О критике второй половины 60-х хотелось бы поговорить отдельно — она выглядит несколько иной.

Прежде всего, стало меньше публиковаться статей литературоведческого характера, меньше и рецензий на выходящие книги. Реже

выступают такие критики, как В. Гайдук, Н. Кузнецова, Е. Макарова, совсем не выступает один из самых активных критиков «Ангары» А. Абрамович — он уезжает из Иркутска. Надо также отметить, что и количество материалов снижается. Хотя вместо 4 номеров альманаха в год выходит уже 6 раз, отдел критики не вырос, а сократился. Да и сами книжки стали тоньше.

С приходом в 1967—1988 г. в качестве главного редактора писателя-фантаста Юрия Самсонова и альманах делает заметный крен в сторону фантастики. Печатаются повести и рассказы не только местных, но и иногородних фантастов, а иной раз и зарубежных. Так поднялся «железный занавес» для читателя сибирской «Ангары». 3-й номер альманаха за 1968 г. был полностью отдан фантастике (правда, заметим в скобках, после публикации «Сказки о тройке» братьев Стругацких Ю. Самсонов перестает быть главным редактором). Есть в этом номере и критическая статья о фантастической литературе (Р. Нудельман. «Фантастика и научный прогресс». 1968, № 3).

Чувствуется увлеченность автора этой разновидностью художественной литературы. Фантастика возводится им в категорию метода: «По-видимому, современная фантастика является полноправным (по отношению к реализму) своеобразным методом отражения и познания действительности. Она существует не внутри реализма и не вместо него, а наряду с ним, как бы дополнительно к нему...» Последнее «дополнительно» и вся статья в целом, утверждающая, что современная действительность как бы не вмещается в рамки реализма, что «наука впервые в истории стала играть командную роль в жизни человечества», дают повод предположить, что критик видит фантастику в авангарде современной литературы. Время пока не подтверждает энтузиазма критика: и командная роль науки, и фантастика как метод отражения действительности остаются весьма сомнительными.

Рецензия на отдельные произведения в эти годы вытесняется обзорами, заметками, информациями. Вместе с тем к концу 60-х впервые появляются материалы проблемного характера.

Это статьи Б. Кислова, который выступает как критик критики.

В заметках по поводу книги С. Гольдентрихта «О природе эстетического творчества» (МГУ, 1966) — «Устарели ли «традиционные» представления в эстетике» — 1967, № 4 — Б. Кислов возражает против того, чтобы признавать идеал только как идеал, вырастающий «на почве реальной действительности» и предлагает рассматривать вопрос в другой плоскости. Признавая определенные противоречия между объективным и субъективным соотношением идеального, Б. Кислов считает, что «жизнеспособность» эстетического идеала зависит от уровня мастерства художника и идейной зрелости. Упрекает в отсутствии научной методики анализа критиков З. Кедрину и И. Золотусского, высказавшихся о повести В. Тендрякова «Поденка — век короткий».

В статье «Что такое хорошо и что такое плохо» (1968, № 3) Б. Кислов размышляет о критической оценке. Протестует против предвзятости, с которой, по его мнению, подходят критики М. Златогоров к повести С. Антонова «Разорванный рубль» и М. Гус к повести В. Войновича «Два товарища». «Презумпция невиновности» должна соблюдаться при рассмотрении художественного произведения, считает критик. Затрагивается вопрос о единстве идейного и художественного анализа в критике. Б. Кислов настаивает на том положении, что эстетический принцип искусства не связан с партийностью, как считает литературовед В. Ф. Половинкин в статье «Партийность и народность — важнейший принцип советского искусства» (Сб. «Вопросы марксистско-ленинской эстетики». Изд. МГУ, 1964), а вбирает в себя партийность: «Художественная идея рождается вместе с самим произведением искусства, а не до и не после».

По сути Б. Кислов в своих публикациях ставит вопрос о приоритете художественности и протестует против концепции, получившей распространение в 50-е гг.: прежде всего важно, что изображено в произведении, и менее всего — как,— и это, безусловно, новое в критике «Ангары».

С критикой критики выступает Э. Шик — статья «Книга о писателе и борце. Замечательные люди Сибири» (о кн. В. Трушкина «Сибирский партизан и писатель П. П. Петров», Иркутск, 1965) — 1966, № 1. Отмечая

отдельные недостатки книги, Э. Шик дает достаточно высокую оценку этому «единственному исследованию жизни и творчества писателя-сибиряка».

Отзывы на другую литературоведческую книгу В. Трушкина опубликованы в № 3 и № 5 «Ангара» за 1968 г. Эта книга — «Литературная Сибирь первых лет революции», Иркутск, 1967. Отзывы, небольшие по объему, принадлежат Г. Кунгурову и М. Скуратову. Поэт А. Скуратов лично знал многих литераторов, живших и работавших в Иркутске в 20—30-е гг., и «Литературная Сибирь...» вызвала его воспоминания. Приветствуя появление книги В. Трушкина, А. Скуратов делает одно любопытное для нас замечание: благодаря влиянию на него, поэта Скуратова, Н. Ф. Насимовича-Чужака, он как великий опасности избежал «клюевщины», которая состояла в «воспевании избяно-мужицкой бревенчатой Сибиро-Руси» и могла в свое время его увлечь. Это замечание свидетельствует о том, что до реабилитации крестьянских поэтов в конце 60-х было еще далеко.

В Трушкин публикует статью о книге Н. Яновского о С. Залыгине (Кемерово, 1966) — «С позиции жизни», 1967, № 1. Как один из важных моментов отмечается внимание Н. Яновского к граждански смелой позиции писателя С. Залыгина в теме крестьянства.

В. Трушкин в эти годы продолжает активно печататься в альманахе. Его перу принадлежит и одна из первых в стране критическая статья о творчестве В. Распутина.— «Поэзия прозы» — 1968, № 1.

После обзора первых произведений начинающего прозаика критик останавливается на повести «Деньги для Марии» и признает ее удачей писателя. «Без сомнения, — пишет В. Трушкин, подводя итог сказанному,— этому талантливому произведению молодого писателя предстоит большая жизнь, а ее автору не менее большой и добрый творческий путь, который только-только еще начинается и начинается по-настоящему неплохо».

В 1968—1969 гг. на страницах «Ангары» появляются первые статьи критика Н. С. Тендитник, преподавателя ИГУ, ныне кандидата филологических наук, профессора. Их всего три, и общее впечатление таково, что и через 20 лет они не утратили своей актуальности.

Это размышления о прозе иркутских писателей, в подзаголовке обозначенные заметками — «Наш современник в творчестве молодых» — 1968, № 6. Первым именем в них является имя В. Распутина. Н. Тендитник не просто дает высокую оценку повести «Деньги для Марии». Критик говорит о «деревенской» прозе, о том, что она «поднимает сейчас сложные нравственно-этические проблемы, и Распутин по глубине и смелости исследуемого им явления встал вровень с опытными и знающими жизнь мастерами литературы». При этом Н. Тендитник возражает В. Трушкину, проведшему в своей недавней статье параллель между Марией из повести В. Распутина и Настей из повести В. Тендрякова «Поденка — век короткий». Н. Тендитник считает, что ни содержание, ни стиль этих двух произведений подобной аналогии не допускают.

Второе имя в этих заметках — А. Вампилов. Достоинство его «Предместья» видится критику в жизненности ситуации, найденной драматургом, в изображении человека, медленно, трудно, на глазах у зрителя пробуждающегося для добра.

Далее подробно рассматривается повесть В. Шугаева «Проводины», книга В. Гусенкова «Между двумя рассветами», повесть Ю. Скопа «Ту-104 и другие» — по степени снижения художественного уровня этих произведений. Последней повести дается однозначно отрицательная оценка — указывается на заданность приемов, надуманность характеров и событий. И в этой определенности выводов проявляется стремление Н. Тендитник судить о художественном произведении с позиции строгой общественной критики.

Н. Тендитник первой заговорила и о военной прозе писателей иркутян, о суровой правде войны в их произведениях.

Появление повести Дм. Сергеева «Позади фронта» в 1968 г. в Иркутске вызвало разные мнения. Некоторым показалось, что автор уделил неоправданное внимание «задворкам» войны (даже писались жалобы в обком, по свидетельству издательских работников).

Н. Тендитник вступает в спор с критиком Ю. Мостковым и положительно оценивает эту

повесть как правдивое произведение о судьбе женщины на войне и о том, «как бесчеловечные условия войны коверкают человека, отнимают у него чистые помыслы...» — «О повестях Дм. Сергеева» — 1969, № 2.

Получает признание Н. Тендитник и документальная повесть И. Черемных, непрофессионального в то время писателя, «Разведчики» — «Солдат России», 1968, № 6 — за искренность рассказчика и верность жизненному факту, за создание «коллективного образа разведчиков». Не обходит критик и недостатков первой книги (некоторое однообразие в портретных характеристиках). Заканчивая статью о Черемных, критик высказывает мысль опять-таки общественного звучания: «Сибиряки прославили себя в Великой Отечественной войне беззаветным мужеством. Сибирякам есть что рассказать о ней. Очень разные по содержанию и степени мастерства «Позади фронта» Дм. Сергеева и «Разведчики» Ин. Черемных наглядное тому доказательство. Альманах «Ангара» вносит публикацией этих произведений свой вклад в летопись великой войны».

Сегодня необходимо признать, что тема деревенской и военной прозы получила в работах Н. Тендитник серьезное развитие, и именно на материале местных писателей.

Во всем рассматриваемом нами более чем 10-летнем временном отрезке трудно отыскать критические материалы, в которых бы литературное произведение проецировалось на жизнь, на жизнь реальную, а не такую, какой она должна быть в соответствии с постановлениями и планами. Можно считать замечательным исключением в этом смысле статью писательницы В. Мариной «... И счастья в личной жизни» — 1970, № 5, где автор обнаруживает качества критика-публициста, способного свободно выразить свое отношение к одной очень важной проблеме общества — проблеме семьи.

В. Марина делится своими наблюдениями над тем, как в разные времена освещалась семейная тема в нашей литературе. Эти наблюдения и сегодня поражают своей точностью и знанием жизни.

Автор привлекает обширный материал; рассмотрены отдельные романы Ф. Гладкова, М. Шолохова, В. Катаева, Ф. Панферова, С. Залыгина, Г. Николаевой, А. Фадеева, Ф. Абрамова, повести В. Распутина и В. Белова. Выводы таковы: в послереволюционные годы и годы первых пятилеток в советской прозе мало придавалось значение семье. «В тридцатых годах главные герои романов и повестей были преимущественно бездетными. Конфликты личного, семейного плана не играли в их жизни почти никакой роли». Приводятся убедительные цитаты из «Брусков», «Цемента», «Поднятой целины», «Соти» и др. И как следствие, считает В. Марина,— появление у «идейных» родителей эгоистичных детей (драма Дорофеи в романе В. Пановой «Времена года»).

«Цену семьи... и мира личных чувств помогла нам понять война», — замечает автор. В качестве доказательства приводятся страницы романа «Молодая гвардия», посвященные матери Олега Кошевого, популярные на фронте песни «Землянка», «Темная ночь», «Враги сожгли родную хату», воспоминания об отце одного из героев романа Г. Бакланова «Июль 41 года».

Из последних по времени произведений В. Марина выделяет «Деньги для Марии» В. Распутина и «Привычное дело» В. Белова, в которых, по ее мнению, тема супружеской любви звучит «проникновенно», «поэтично» и «выразительно».

От литературного материала писательница переходит на социальные проблемы современности, с тревогой говорит о хрупкости семейных уз, о положении эмансипированной женщины, напоминает о том, что «истинное равноправие женщины в обществе вопрос культуры общества». Сожалеет автор и о нежелании писателей обращаться к опыту счастливых семей.

На этой статье мы заканчиваем наш обзор, но прежде чем поставить точку, попробуем сделать выводы из наших наблюдений.

Критика конца 50—60-х годов в альманахе «Ангара» отразила то состояние в сознании сибиряков, когда оставались еще прочными идеалы революционных преобразований.

Первая волна разоблачения культа лично-

сти всколыхнула лишь чувства попранной справедливости, сострадания по отношению к незаслуженно наказанным и безвинно погубленным. Переосмысления истории не произошло,— как и во всей стране. Оттого и подход к литературному творчеству в первое десятилетие после XX съезда оставался по-прежнему установочным.

Установка — на изображение действительности в революционном развитии, в непременной уверенности наступления светлого завтра — несколько подправлялась, но не отменялась, напротив, оставалась единственным законом и для писателя, и для критика.

Критика носит в эти годы по преимуществу нормативный характер; эстетические критерии и критерии реальной действительности принципиального значения не имеют.

Те перемены, которые все-таки произошли, выразились в появлении на страницах «Ангары» реабилитационных публикаций, большинство из которых принадлежит критику В. Трушкину, во внимании критиков к нравственным вопросам в связи с новыми героями произведений — жертвами культа.

С другой стороны, происходила и смена стереотипов: героизация современника — борца за коммунизм идет с учетом новой обстановки — интенсивного строительства в Сибири. Романтика освоения края бросает отблеск на разработку всех главных тем литературы, заслоняя жизненные проблемы, возникшие в связи с этим освоением, и отдвигая во времени их серьезную постановку как в художественном произведении, так и в критике.

Так осталась за пределами общественного внимания проблема, спустя 10-летие принявшая глобальный характер» — экологическая, а также проблема социального неравноправия сибиряка, снизился интерес к фольклору и творчеству народов Сибири.

До середины 60-х критика «Ангары» остается регионально замкнутой: творчество писателей-сибиряков, как правило, не соотносится с общероссийским литературным процессом, отчего художественный уровень местной литературы остается невыясненным — при всей доброжелательности критических разборов.

Потеряв в объеме, раздел критики к концу 60-х изменился качественно. Выход на крупные направления советской литературы, заявившие о себе как раз в 60-е — «деревенскую» прозу и «военную» прозу — происходит в Иркутске благодаря Н. Тендитник, увидевшей возможность вести разговор на материале произведений местных писателей. Причем очень важно, что произведения отбираются критиком с позиции высокой художественной требовательности и рассматриваются в системе общероссийского процесса.

Впервые в эти годы поднимается вопрос о принципах анализа литературного произведения — в работах Б. Кислова, — выдвигается требование непредвзятого подхода к авторскому тексту, отказа от идеологического нажима в ущерб художественности. Критик вступает в полемику со столичными коллегами по творчеству известных советских писателей, а это — редкость для «Ангары».

По этим приметам можно видеть, что в критике альманаха «Ангара» отразились черты общего для нашей литературы процесса: медленный поворот от надуманного, схематического отношения к художественному произведению, первые попытки взглянуть в глаза исторической правде, невозможность при этом сразу отказаться от стереотипного мышления и, затем — это следует подчеркнуть — чуткое восприятие нового, глубокого и правдивого слова, которое зазвучало в Сибири в прозе В. Распутина, драматургии А. Вампилова, а также в произведениях писателей военного поколения — Дм. Сергеева и И. Черемных.

Семенова Валентина Андреевна родилась в селе Харик Иркутской области. В 1970 году закончила Иркутский Государственный педагогический институт.

Критические статьи публиковались в газетах, в альманахе «Сибирь».

Живет в Иркутске.

ДОПРОС АДМИРАЛА КОЛЧАКА В ИРКУТСКЕ

Ранним утром 7 февраля 1920 года неподалеку от губернской тюрьмы и закованной в лед реки Ушаковки по постановлению Иркутского ревкома был расстрелян бывший Верховный правитель и главнокомандующий вооруженными силами «Временного российского правительства» адмирал А. В. Колчак. Вместе с ним его участь разделил и последний премьер его правительства, видный антибольшевистский деятель В. Н. Пепеляев. (Его дневник мы опубликовали в 6-м номере «Сибири» за 1989 г. и 1-м номере за этот год).

Город еще не проснулся, когда два ружейных залпа вплелись в эхо отдаленных орудийных выстрелов: заканчивалась гражданская война в Иркутской губернии и на подступах к Иркутску.

Постановление о расстреле вынесли: подпольщик-коммунист, недавно ставший председателем Иркутского военного ревкома А. Ширямов, иркутский большевик А. Сноскарев, левый эсер М. Левенсон и управделами ревкома Н. Оборин.

Ночью постановление было вручено председателю Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновскому для исполнения. Руководили процедурой расстрела комендант города и тюрьмы большевик И. Бурсак и большевик С. Чудновский.

Был еще третий человек, кого расстреляли в то раннее зимнее утро. Это — китаец, палач, работавший в тюрьме. Он предлагал свои услуги новой власти, но большевики решили справиться без него. И справились отлично[1].

В постановлении ревкома говорилось:

«1) Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять. Лучше казнь двух преступников, чем сотни невинных жертв».

Постановление ревкома может показаться вполне обоснованным: как же, враг у ворот Иркутска, внутри притаилась всякая «контра», готовая вонзить нож в спину революции. Тут уж медлить нельзя, надо карать пленников. Но, как оказалось, никаких оснований опасаться восстания в городе не было. Уже к 5 январю 1920 года город полностью контролировался частями Политцентра и рабочими дружинниками, а активисты и руководители старой власти, так называемые сычевцы, оказались за Байкалом. Откуда же было быть «сотням невинных жертв»?

О процедуре расстрела Колчака и Пепеляева рассказали в печати его вдохновители и исполнители — С. Чудновский и И. Бурсак[2]. Свидетельств других участников расстрела, скажем, дружинников и тюремщиков, мы пока не обнаруживаем. Может быть, трезво поразмыслив, они просто устыдились поведать потомкам о содеянном?

Почему все же поторопились победители с

---

[1] Бойцы революции. Иркутск, 1980. С. 249.

[2] Бойцы революции. С. 311. Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960. С. 161.

расстрелом известного русского адмирала и последнего премьера его правительства? Авторы ревкомовского постановления объясняли это тем, что... «обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. д., «что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение... Колчака и его сподвижников». В то же время в воззвании ревкома от 4 февраля 1920 года говорилось: «...нет никаких оснований ожидать, что бессильные, могущие двигаться вперед только под защитой чехов, каппелевские банды смогут не только занять, но даже подойти к городу» («Изв. Иркутского рев. ком.». № 11, от 5/II 1920 г.).

В шестидесятые годы, когда был еще жив помощник командующего народно-революционной армией Политцентра А. Г. Нестеров, отбывший многолетнее заключение в сталинских лагерях как «враг народа», ознакомившись с текстом постановления Иркутского ревкома, приведенным в сборнике А. Г. Солодянкина, где говорилось об угрозе «тайной организации» освободить Колчака, написал на полях книги всего одно слово: «Чепуха!». Кому-кому, а Нестерову, принявшему от чехов адмирала и его премьера, хорошо была известна обстановка в городе.

Правда, говорить о том, что в Иркутске в те дни царила тишь и гладь тоже не приходится: все же опасались приближающихся каппелевцев, хотя серьезной угрозы, как мы увидим ниже, они не представляли. Это были остатки отступающих армий Колчака, сведенные в группу под командованием генерала В. Каппеля. 27 января Каппель умер в пути от гангрены ног, и его место занял генерал С. Войцеховский.

2 февраля каппелевцы заняли станцию Зима, а их конная разведка вошла в Тыреть. В группу входили конники Анненкова, пулеметная команда Волкова и офицерский отряд Красильникова. Сам свирепый атаман к тому времени уже умер от тифа в Иркутске.

Боевую силу каппелевцев составлял 1-й отряд, двигавшийся в авангарде, численностью до 3 тысяч человек. За ним двигался обоз, в котором находилось до 12 тысяч человек — раненые, больные, обмороженные. Представлять угрозу городу они уже не могли.

Иркутский ревком пытался склонить каппелевцев к сдаче. С этой целью посылались ходоки из числа членов семей и родственников каппелевцев, проживающих в Иркутске. Одновременно над колоннами белых сбрасывались с самолетов листовки. Наконец, через уполномоченного чехословацкого правительства, доктора Благожа, предложение о сдаче было передано самому С. Войцеховскому. Последний, в свою очередь, предъявил встречные требования, при выполнении которых «противобольшевистские армии могут отказаться от прохождения через Иркутск». Каппелевцы требовали прекратить против них все враждебные действия на пути за Байкал; беспрепятственного пропуска их за Байкал по всем путям в обход Иркутска; снабжение армии деньгами, имеющими широкое хождение на Дальнем Востоке в сумме 200 миллионов рублей, в том числе на 50 миллионов рублей звонкой монетой. Из этой суммы они просили не менее 100 миллионов рублей, из которых 25 миллионов звонкой монетой, которые должны быть высланы на станцию Черемхово; освобождение адмирала Колчака и арестованных с ним лиц. Одновременно они просили иностранных представителей взять этих лиц под свое покровительство и гарантировать им свободный проезд за границу. В числе требований было и такое: советские регулярные и нерегулярные войска должны быть выведены из района на запад от Иркутска до Черемхово включительно, на север из 150-верстной полосы и на юг из 100-верстной полосы. Кроме того, они просили выделить им санитарный поезд, обеспечить перевязочными средствами, продуктами, фуражом и т. п.

Командующий Восточно-Сибирской советской армией Д. Е. Зверев все эти требования отверг и предложил генералу Войцеховскому сложить оружие под гарантию неприкосновенности личности. (Последние дни колчаковщины. М.-Л., 1926. С. 202—203).

Конечно, ревком и главком армии хорошо знали, на чьей стороне перевес сил. В это время от Красноярска шла на восток 5-я Крас-

ная Армия с приданными ей двумя дивизиями 3-й армии. К тому же в самом Иркутске уже было сосредоточено около 16 тысяч вооруженных бойцов из числа стянутых к городу партизан, восставших частей и дружинников. Таким путем армия Зверева состояла из пяти дивизий и одной бригады. Сам город был хорошо подготовлен к возможным боям: заминирована набережная, на улицах были устроены завалы из бревен, баррикады из камня, ледяные валы, на набережной дома были освобождены от жителей и вся линия занята стрелковыми цепями[3].

Могли в этих условиях взять город каппелевцы и освободить Колчака? Беусловно, нет.

Потерпев поражение на дальних подступах к Иркутску во встречных боях — у д. Пономарево, вблизи села Олонки, каппелевцы «перешли железную дорогу на станции Иннокентьевская и более двух суток поспешно на лошадях бежали мимо Иркутска по «нейтральной» полосе вдоль железной дороги, которую должны были охранять чехословаки»[4].

На случай же реальной угрозы председатель следственной комиссии С. Чудновский, сменивший К. Попова, по приказу ревкома «имел уже в своем распоряжении подготовленный аппарат для борьбы с внутренней контрреволюцией»[5].

Позже Александр Ширямов вспоминал: «Готовясь к бою, мы приняли все меры к предупреждению восстания у себя в тылу, интернировали юнкеров, провели ряд арестов, в специальном приказе ревкома предупредили буржуазию и белогвардейщину, что в случае какой-либо попытки к восстанию пощады не будет никому... Председателю следственной комиссии т. Чудновскому было дано распоряжение держать наготове специальный отряд, который, в случае боя на улицах, должен был взять Колчака из тюрьмы и увезти из города в более безопасное место»[6].

Кажется, ревкомовцы сделали все, чтобы обезопасить город и себя. Даже «провели ряд арестов», надо полагать, для страховки, создали специальный отряд для временной эвакуации арестованных, но ничего не предприняли, чтобы поступить с ними по общепринятым правовым нормам.

Иной читатель может возразить: «А сами колчаковцы действовали всегда по закону? Гуманно обращались с подпольщиками-партийцами и другими своими личными врагами?» Нет, конечно. Действовали военно-полевые суды в прифронтовой полосе, свирепствовала контрразведка, «эшелоны смерти» двигались в Забайкалье, в семеновскую вотчину. Террор царил обоюдный.

В данном случае речь идет не о рядовом разбойнике, а о политическом деятеле крупного масштаба, которого выдали его бывшие союзники — чехи. Мы можем осуждать путь Колчака, не принимать образ его мыслей и действий, называть его реакционером или монархистом, но мы не вправе однозначно воспринимать то сложное, непростое время. Мы должны во всем разобраться с наибольшей объективностью, ибо, как писал поэт,— «большое видится на расстоянии».

Сегодня, мысленно возвращаясь к тем драматическим страницам истории гражданской войны, невольно приходишь к выводу, что многим тогдашним «прорабам» революции явно не хватало сдержанности и взвешенности в своих поступках. То и дело торжествовал ветхозаветный принцип: «око за око, зуб — за зуб».

В Иркутске в начале января 1920 года завершилось победой антиколчаковское восстание. Начал его эсеро-меньшевистский Политцентр, опиравшийся на ряд колчаковских офицеров и распропагандированных солдат 53, 54-го полков и других частей, дислоцировавшихся в Иркутске. Боясь упустить власть, к восстанию примкнули большевики-подпольщики, проводившие свою агитацию среди рабочих. Цель Политцентра — свержение колчаковщины, создание временного Совета Сибирского народного управления, прекращения гражданской войны, передача власти земству, создание к востоку от Черемхово буферного демократического государства. Коммунисты Иркутска преследовали иную цель: организация власти Советов и воссоединение с Советской Россией.

---

[3] Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. С. 142.
[4] Там же. С. 145.
[5] Бойцы революции. С. 309.
[6] Бойцы революции. С. 248.

Под давлением большевиков Политцентр был вынужден передать власть ревкому 21 января. Через 4 дня состоялось первое заседание Иркутского Совета. В его составе преобладали большевики. Но уже в начале марта «из состава Иркутского Совета были исключены (!) представители всех несоветских партий, сам Совет был распущен, а затем проведены новые выборы»[7].

Весьма своеобразное решение вопроса завоевания власти!

Ревком, взяв власть в свои руки, теперь уже мог безраздельно распоряжаться судьбой Колчака. Между тем еще 3 февраля следственная комиссия представила список 18 колчаковцев. По ее «мнению», все они заслуживали смертной казни. Однако ревком расстрелял только двоих — Колчака и Пепеляева. Что-то удержало Ширямова и его соратников от применения самосуда. Правда, это «упущение» вскоре было исправлено. 23 мая 1920 года перед чрезвычайным ревтрибуналом в Омске предстало уже 24 высших колчаковских чиновника. В августе процесс над ними был окончен. Теперь к расстрелу были приговорены министр иностранных дел Червен-Водали, министр труда Шумиловский, товарищ министра путей сообщения Ларионов, директор бюро печати при Верховном правителе Клафтон. Остальные были приговорены к различным срокам лишения свободы. Приговоренные к расстрелу обратились во ВЦИК с ходатайством о помиловании. Ходатайство ВЦИК отклонил.

Те министры и члены правительства Колчака, которые сумели нелегально покинуть Иркутск, эмигрировали за границу. Многие из них оставили свои воспоминания, в двадцатые годы они у нас издавались.

Что же касается судьбы Колчака, то надо сказать, что его конец был предрешен задолго до постановления ревкома. Так, 22 января 1920 года начальник 30-й стрелковой дивизии А. Я. Лапин (Лапиньш) передал в Иркутск по прямому проводу: Колчака расстрелять немедленно. Однако он вскоре скорректировал свое распоряжение таким образом: «Революционный Совет 5-й Армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики»[8].

Безусловно, бывший Верховный правитель хорошо понимал, к кому он попал и какая участь его ожидает. Он находился под надежной охраной наружной и внутренней стражи из числа специально подобранных лиц коменданта города и тюрьмы И. Бурсака. Никаких верных Колчаку частей в городе уже не было. Они либо перешли на сторону Политцентра, либо эвакуировались в Забайкалье.

В одной из камер некоторое время содержалась гражданская жена Колчака, Анна Тимирева. Им удавалось обмениваться записками. Узнав о требовании каппелевцев выдать им Колчака, она сообщила об этом адмиралу. Колчак ответил: «...из этого ничего не выйдет или же будет ускорение конца»[9].

Так и получилось.

Сначала все внимание красного командования, партийцев и ревкомовцев было сосредоточено на «золотом эшелоне», который передвигался с запада вместе со штабом Колчака. После отречения последнего от власти в пользу Деникина и Семенова (на востоке), поезд с золотом в Нижнеудинске был взят под охрану чехами. Они же стали охранять вагон, в котором ехал Колчак. 3 февраля золотой запас России прибыл в Иркутск и был взять под охрану солдатами революционной части.

Еще раньше «золотого эшелона» в Иркутск прибыл поезд с Колчаком под охраной чехов и черемховских партизан. Это было 15 января. И с этого времени иркутские переворотчики все свое внимание переключили на плененного адмирала. Хотя обстоятельства и не диктовали крайнюю меру без суда, прервав допрос, ревкомовцы сделали то, что сделали.

Краевед и правитель Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географичес-

---

[7] Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. С. 149.

[8] Военно-исторический журнал. 1964. № 4. С. 126—127.

[9] Шинкарев Л. Сибирь, откуда она пошла и куда идет. М., 1978. С. 158.

кого общества (1915—1917), министр продовольствия (июль 1918—1919 гг.), белоэмигрант И. И. Серебренников писал в своих зарубежных воспоминаниях:

«Известие о расстреле Колчака и Пепеляева произвело на меня ошеломляющее впечатление. Правда, я не ждал для них ничего хорошего, раз они уже попали в лапы большевиков, но полагал, что они будут увезены в Москву и там преданы суду революционного трибунала, что большевикам нужно будет это судьбище, ради агитационных целей и разоблачения козней пресловутой Антанты.

Иркутская трагедия 7 февраля 1920 года бледнеет, конечно, перед ужасами Екатеринбургской трагедии 18 июля 1918 года, но и в той и другой имеются черты сходства. Там и тут низкие трусливые большевики совершают, под видом «суда народа», просто спешное убийство беззащитных жертв, находящихся в их руках». «И. И. Серебренников. Мои воспоминания». Т. 2. В эмиграции. (1920—1924 гг.). Тунь-цзин. Китай. 1940. С. 5).

Сторонники «твердой руки» «единой и неделимой России» после выбывших генералов Корнилова и Алексеева в лице Колчака видели самую первую и подходящую кандидатуру на пост диктатора. Этому, видимо, способствовали приобретенная им известность за годы службы на флоте, как хорошего специалиста, и авторитет полярного исследователя. Когда Колчак командовал Черноморским флотом, среди военных, в обществе и в печати его нередко называли «железным адмиралом», очевидно, вкладывая в это определенный смысл, характеризующий все его положительные стороны.

После Омского переворота 18 ноября, когда Советом Министров он был назначен Верховным правителем и взял на себя ответственность за все «белое движение» в России, когда он должен был, с одной стороны, проводить жесткую линию в гражданской войне, а с другой — решать все дела в рамках новых и старых законодательных актов в нараставшей стихии атаманщины, произвола и партизанщины, отношение к нему постепенно менялось. Реакционное офицерство, казачество, торгово-промышленные круги, следя за неудачами на фронте, а стало быть, разочаровываясь в его «руке», прежнее имя — «железный адмирал» сменили на менее почетное — «маргариновый диктатор».

Русский генерал Будберг, работавший месяцев пять в правительстве Колчака в качестве военного министра, называл его «большим ребенком», вокруг которого вились различные корыстолюбивые и бездарные личности. «По внутренней сущности, по незнанию (?) действительности и по слабости характера, — писал Будберг, — он очень напоминает покойного императора».

Существовали и другие оценки, более возвышенные. Например, начальник английского экспедиционного отряда полковник Джон Уорд в своей книге «Союзная интервенция в Сибири» писал: «Какое счастье было для России, что в час ее нужды она призвала такого человека!» И еще одна его констанция: «У меня существует полное доверие к характеру адмирала, но пигмеи, которыми он окружен, то и дело вставляют палки в колесницу государства».

Бытует молва, что В. И. Ленин сожалел, что Колчака не доставили в Москву. Ведь за границей он встречался с видными деятелями и руководителями стран Антанты, беседовал с ними и мог многое рассказать об этих встречах. Но информация из первых рук в Москву не попала. Разумеется, никого центр и не наказал за такое «служебное упущение».

Надо сказать, что и Иркутский ревком, когда отбирал власть у Политцентра, обещал последнему, что Колчака они «доставят в Москву для суда по законам Советской власти»[10].

Не доставили, расстреляли.

Ревкомовцы всячески готовили почву для обоснования расстрела. Они знали, что был декрет ВЦИКа от середины января 1920 года об отмене смертной казни по линии ЧК и тыловых трибуналов (за исключением военных трибуналов)[11]. Правда, 15 апреля того же года секретный циркуляр начальника Особого отдела ВЧК Ягоды перечеркивал этот декрет и предписывал председателям ЧК, ВЧК: «Ввиду отмены смертной казни предлагаем всех лиц, кои по числящимся разным преступлениям под-

---

[10] Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной С. 133.

[11] Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Т. 2. С. 9.

лежат высшим мерам наказания, отправлять в полосу военных действий, как место, куда декрет о смертной казни не распространяется»[12].

Но секретный циркуляр Ягоды был в апреле, а расстрел совершен в начале февраля. Однако и о январском декрете никто из командования и советских руководителей даже и не вспомнил как мы видим, читая постановление ревкома.

1 февраля в Иркутске состоялась 1-я губернская, а по существу, городская партийная конференция. На конференции были приняты пункты о введении в действие смертной казни и проведении обысков с целью изъятия оружия у белогвардейцев и буржуазии[13].

Сегодня как-то непривычно читать партийную резолюцию о введении смертной казни и об обысках. Все было направлено к тому, чтобы морально подготовить население к неизбежности казней без суда. «Вопрос о Колчаке был поставлен на обсуждение партийных организаций, которые единодушно решили Колчака расстрелять»[14].

Так санкционировалось беззаконие.

Даже будущий прозаик, а тогда командир 5-го Зиминского партизанского отряда, чекист красного Иркутска Иван Новокшонов, встретив поезд, в котором следовал Колчак, настойчиво добивался у чехов его выдачи. «Не доверяя чехам, — писал он, — я в то время пожалел, что мы не могли его уничтожить на станции Зима, но... ход истории неумолим»[15].

Но получилось так, что сам Новокшонов попал под колесо сталинских репрессий и в 1943 году был расстрелян.

Трупы расстрелянных Колчака и Пепеляева были погружены на сани, отвезены на лед Ангары и опущены в прорубь. Так свидетельствуют руководители расстрела — И. Бурсак и Чудновский.

Как это походит на расстрел последнего императора Николая второго, его семьи и ее прислуги! Там, в Екатеринбурге, тоже прятали концы своих преступлений: жгли трупы кислотой и огнем, бросали в покинутую шахту...

---

12 Новый мир. № 9. 1989 г. С. 141—142.

13 Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. С. 140.

14 Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. С. 144.

15 Бойцы революции. С. 263.

Мы знаем примеры, когда ряд крупных военных специалистов русской армии после революции оказались в другом лагере. В Красной Армии служили И. Вацетис, С. Каменев, контр-адмирал Альтфатер, генералы М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Самойлов, Д. П. Парский, А. А. Брусилов, Таубе, полковники В. И. Шорин, В. М. Шапошников и другие. Теоретически мог оказаться в этом ряду и бывший командующий Черноморским военным флотом вице-адмирал А. В. Колчак. Однако он пошел по иному пути. Таким его воспитала семья, среда и время. Таким он сделал себя сам. Молодость Колчака была овеяна романтикой дальних морских плаваний. С отличием окончив Морской кадетский корпус, он до 1899 года служит на броненосце «Рюрик» и крейсере «Крейсер». Первые должности: помощник вахтенного начальника, вахтенный начальник... Плавал в водах Тихого океана, в его северной части. В 1898 году произведен в лейтенанты. Увлекался гидрологией, океанографией, магнитологией, мечтал об экспедиции к Южно-полярному полюсу. Осенью 1899 года, находясь в Кронштадте, получил лестное приглашение от известного полярного исследователя барона Толля. Тот был уже знаком с некоторыми научными публикациями молодого лейтенанта и хотел его видеть в своей экспедиции в качестве гидролога. Приглашение было принято, и вот Колчак вместе с Толлем производит исследование в районе Таймыра, острова Котельного, Новосибирских островов. Работа шла по плану, но случилось непредвиденное: Толль с зоологом Зеебергом и двумя каюрами ушли на поиски неведомой «Земли Санникова» и не вернулись к условленному месту. Между тем, запасов провизии у Толля было всего на 14 дней.

Зимой 1902 года Колчак вернулся в Петербург и сделал доклад в Академии наук о результатах экспедиции. На него возлагается обязанность возглавить вспомогательную экспедицию по поиску группы Толля. Он взял с собой четырех Мезенских тюленепромышленников, матросов со шхуны «Заря», знакомого боцмана Бегичева и двинулся через Иркутск — Якутск на Усть-Янск, где уже его ждали каюры со 160 ездовыми собаками. Поиски начались.

Снова полярная ночь, рискованное плавание на вельботе, снова остров Беннетта... Здесь на-

шли следы пребывания группы, но самого Толля и его спутников не обнаружили. Пришлось возвращаться назад. В Усть-Янске его встретила невеста, София Омирова.

2 марта 1904 года Колчак сделал доклад о поисках Толля на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, где председательствовал Н. Е. Маковецкий.

Собравшаяся публика с огромным интересом прослушала рассказ 29-летнего полярника и наградила его продолжительными аплодисментами.

Пятого марта Александр Колчак венчается с Софьей Омировой в градо-иркутской Михайло-Архангельской церкви (ныне ул. 5-й Армии — угол ул. Горького). Сюда же приехал его отец, генерал-майор Василий Иванович Колчак. Он и Никифор Бегичев выполняют роль поручителей со стороны жениха.

Начавшаяся русско-японская война неожиданно разлучает Колчака с молодой женой. Он подает рапорт по инстанции и отправляется вместе с Никифором Бегичевым на театр военных действий. Здесь он представляется адмиралу Макарову, служит на крейсере «Аскольд» в качестве вахтенного начальника, артиллерийским офицером на транспорте «Амур», командует эсминцем «Сердитый». Уже тогда он увлекается вопросами постановки мин. На одной из поставленной им мин взорвался японский корабль.

До сдачи Порт-Артура лейтеант Колчак командует артиллерийской батареей. За мужество и героизм в военных действиях на море и на суше А. В. Колчак награждается орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и Георгиевским оружием — золотой саблей с надписью «За храбрость».

О дальнейшей службе будущего адмирала читатель узнает из протоколов допроса. Мы только добавим к сказанному, что в 1906 году Императорское русское географическое общество наградило А. В. Колчака высшей своей наградой — Большой золотой Константиновской медалью. Видимо, при определении награды не последнюю роль сыграла его опубликованная работа «Лед Карского и Сибирского морей» с таблицами, рисунками и фотографиями. Исследование доложено на заседании Академии наук 22 марта 1906 года.

Ныне подобная работа могла бы гарантировать присвоение научной степени. Степени не было, но был остров имени Колчака на карте Северного Ледовитого океана.

Никто из мемуаристов — как белых, так и красных — не смог уличить Колчака в отсутствии прямоты, честности, мужества. Как сын своего времени, среды и сословия, он оставался верен идее борьбы с большевизмом. В одном из своих приказов он писал: « Я думаю вести борьбу с большевиками на фронте и в тылу до последнего уничтожения этого позора». В приказе от 28 июня 1919 года говорилось: «Мы ведем борьбу за право всего народа путем свободных выборов голосования в Учредительном национальном собрании. Борьбу за устройство государственной власти, удовлетворение потребностей земледельцев в земле, рабочих условиями и обстановкой труда».

Конечно, декларировать о праве народа легче, чем осуществлять на деле его чаяния.

Колчак в своей борьбе с большевизмом опирался на ту базу, на тот людской материал, который имел. А имел он немного. Приходилось опираться на помощь интервенционистских сил, бывших союзников царской России. Колчак вынужденно мирился с наглостью японцев, зарящихся на лакомые куски Дальнего Востока и Забайкалья. Он не хотел идти на их посулы, вдвое увеличить помощь, в случае удовлетворения их экспансионистских аппетитов. Но он и не мог решительно порвать с ними, как с союзниками по антибольшевистской борьбе. Японию больше бы устраивал монархический режим в России, чем платформы социалистических партий. Это мы наглядно видим из уже опубликованного в «Сибири» (1989, № 6) дневника В. Н. Пепеляева.

Не мог опираться Колчак и на белочехов, равно не принимавших диктатуру пролетариата и диктатуру офицерско-казачьих кругов.

Вот почему чехи и выдали Колчака без особого колебания, когда им пригрозили взрывом тоннелей на Байкале, чтобы задержать эвакуацию и разоружить. Кстати, от активных военных действий чехи отошли почти сразу, как только совершился в Омске переворот, выдвинувший во главу движения адмирала Колчака.

В сознании советского читателя период белогвардейского движения ассоциируется с политическими репрессиями и карательными акциями различных белых атаманов, начиная с Семенова. Это закономерно. И наша историческая и художественная литература тут поработала неплохо. Недовольное население Сибири, уставшее от военных действий, мобилизаций, мародерства и прочих неприятных эксцессов, восставало в тылу Колчака, тем самым помогая частям регулярной Красной Армии. Безусловно, что это повстанческое движение направлялось партийными функционерами. Но факт остается фактом: громадная часть населения не поддержала Колчака, в борьбе с большевизмом, действовавшим под лозунгом установления Советской власти. Девиз же Колчака был: «Единая и неделимая Россия» со многими атрибутами свергнутой царской власти.

Допрос Колчака в Иркутске начался 21 января и был прерван 6 февраля 1920 года. Следственная же комиссия была создана Политценром еще 7 января, за 8 дней до ареста Колчака. Состав комиссии почти не менялся, за исключением председателя. В комиссию входили меньшевики К. А. Попов, доцент Иркутского университета В. П. Денике, эсеры Г. Г. Лукьянчиков и Н. А. Алексеевский. Со второго заседания на правах председателя стал участвовать большевик Самуил Чудновский.

И. Бурсак вспоминал в сборнике «Бойцы революции»: «До перехода власти к большевикам мне пришлось как-то раз видеть Колчака на следствии. Держался он спокойно, видимо, у него была еще надежда как-нибудь выпутаться. Вопросы, на которые ему приходилось отвечать, были преимущественно общеполитическими. Другой характер приняли допросы, когда председателем Чрезвычайной следственной комиссии стал С. Чудновский. Колчак, очевидно, стал понимать, что дело его плохо. Большевики — не эсеры».

Комментарии здесь излишни. Нам думается, что современный читатель многое поймет сам из ответов Колчака, отличит искренность от спасительного лукавства. Но мы должны признать, что прямых ответов было больше. О поведении Колчака на допросе в своем предисловии к ленинградскому изданию 1925 года К. Попов писал, что оно характеризовалось как поведение военнопленного, человека, проигравшего сражение. По словам Попова, «он не хочет, не имеет мужества принять на себя всю ответственность за все последствия... диктатуры, за те способы ее осуществления, которые были для нее и неизбежны, и единственно возможны».

В основу настоящей публикации положен текст допроса с машинописной копии, хранящейся в Государственном архиве Иркутской области. Текст сверен с изданной в 1925 году в Ленинграде книгой «Допрос Колчака». С последними протоколами допроса читатель может познакомиться в сборнике А. Г. Солодянкина «Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной». Восточно-Сибирское книжное издательство, 1960 год.

Публикацию подготовили зав. отделом информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Иркутской области В. Серебренников и член Союза журналистов П. Конкин.

Протоколы допроса

21 января 1920 года

Председатель. Вы присутствуете перед Следственной комиссией в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Адм. Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Председатель. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Адм. Колчак. Я родился в 1873 году, теперь мне 46 лет. Родился я в Петрограде на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Председатель. Вы являлись Верховным правителем?

Адм. Колчак. Я был Верховным правителем Российского правительства в Омске — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена София Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь во Франции, и переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Председатель. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к Вам?

Адм. Колчак. Она моя давнишняя хорошая знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мною в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мной.

Председатель. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой, мы не имеем права зафиксировать этого?

Адм. Колчак. Нет.

Н. А. Алексеевский. Скажите нам фамилию вашей жены.

Адм. Колчак. София Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году здесь, в Иркутске, в марте месяце[1]. Моя жена уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным деятелем, или членом Каменец-Подольского суда, он умер давно, и я его не видел и не знал. Отец мой, Василий Иванович Колчак[2], служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном институте, затем он был на Уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку в чине генерал-майора, он оставался на этом заводе в качестве инженера или горного техника, там я и родился. Мать моя, Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходил из дворян Херсонской губ. Мать моя урожденка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба мои родители умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем он — в артиллерии, в Горном институте.

Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный, до времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра — Екатерина, была еще одна маленькая сестра — Люба, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России, где она находится в настоящее время, я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й Петроградской классической гимназии, где я пробыл до 3-го класса, затем в 1888 году я поступил в Морской корпус 12 лет и окончил свое воспитание в Морском корпусе в 1894 г.[3].

В Морской корпус я перевелся и по собственному желанию и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел я все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус, из Корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Риккорда. Мне тогда было 19 лет. В Корпусе был установлен целый ряд премий для пяти или шести первых выходящих и они получались по старшинству. По выходе из Корпуса в 1894 году я поступил в Петроградский 7-й флотский экипаж, пробыл я там несколько месяцев до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание.

Крейсер «Рюрик» ушел на восток и здесь во Владивостоке я ушел на другой крейсер «Крейсер» в качестве вахтенного начальника в конце 1896 года, на нем я плавал в водах Тихого океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое

мое большое плавание. В 1890 году я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником[4].

Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами, я готовился к Южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал записки, изучал Южно-полярные страны. У меня была мечта пойти на Южно-полярный полюс, но я так и не попал в плавание на Южном океане.

Н. А. Алексеевский. Как протекала ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Адм. Колчак. Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 года в Петроград*, я затем в декабре ушел опять на восток уже на линейном корабле — на броненосце «Петропавловск». Лето я проплавал в Морском кадетском корпусе** на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда я в 1899 г. вернулся в Кронштадт, я встретился там с Адмиралом Макаровым[5], который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я просил его взять меня с собою, но по служебным обстоятельствам он не смог этого сделать, и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию — меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова, к Берингову морю, на Камчатку. С Адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии.

Тут произошли большие изменения в моем плавании. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре я прибыл в Пирей. Здесь я неожиданно для себя получил приглашение барона Толля принять участие в организуемой Академией наук под его командованием Северной Полярной экспедиции в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля[6], ему было нужно трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию наук принять участие в этой экспедиции. Я это предложение принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце Морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии наук. Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград, и в январе я явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено кроме гидрологии принять на себя еще должность второй магнитовой экспедиции, там был специалист по магнитологии Зееберг, и мне было предложено в качестве его помощника и заняться этим. Для того чтобы меня подготовить к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году. С самого начала я проходил практику на Петроградской физической обсерватории, а детально я уже работал в Павловске.

Наконец экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Ф. Нансена[7], который был другом барона Толля. Он научил меня работать по новым методам.

Н. А. Алексеевский. Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится с вами в сношениях?

Адм. Колчак. Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толль погиб вместе с Зеебергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бирулей я до войны постоянно поддерживал связь, где теперь Бируля, я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиции. Волосович, который потом пошел геологом, где он находится теперь, — я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он

---

* Петроград — с 1914 года.
** Так в тексте.

кажется здесь, в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 году он опять уходил к устью Лены.

Экспедиция ушла в 1900 году, где она пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы в Таймыре, две зимовки на Новосибирских островах, на острове Котельном. Затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам не удалось пробраться на север от Новосибирских островов, предпринял самую экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов, — у него была идея расположения большого материка, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было такое, что мы могли проникнуть только к земле Беннетта, а дальше не могли. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и он ушел. Ввиду того что у нас окончились запасы, он приказал нам пробраться к земле Беннетта и занять ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весною, барон Толль ушел от нас с Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Беннетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Беннетта, но нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали нам проникнуть дальше. С окончанием навигации, мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена», снял всю экспедицию с устья Тикси, коллекции были перегружены на «Лену», и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск, и в декабре месяце 1902 года мы прибыли в Петроград.

На заседании Академии наук было доложено общее положение работы экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, так как на «Заре» это сделать было невозможно (был декабрь, а весною надо было быть на Новосибирских островах, чтобы использовать лето),— «Заря» была вся разбита,— то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Беннетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толля.

Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия наук дала мне средства и согласилась представить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где я выбрал себе 4 спутников из Мезенских тюленепромышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции — Бегличев и Орлов. Когда я приехал на съезд тюленепромышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне 4 охотников, привыкших к плаванию по льду, и я с ними, с 2 матросами и 4 тюленепромышленниками в декабре выехали обратно в Иркутск для того, чтобы здесь подготовить на север все необходимое, чтобы немедленно уехать на Новосибирские острова, которые я избрал как базу.

Я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному П. В. Оленину, с которым я познакомился. Он занимался изучением Якутского края. Я обратился к нему, чтобы он за время моего отсутствия поехал на север подготовить вещи, собак для перехода на Новосибирские острова.

Он и на это согласился и все это выполнил. Затем из Иркутска я поехал обратно в Якутск, не теряя нигде ни одного дня. Как можно скорее из Якутска поехал в Верхоянск, затем в Усть-Янск, где меня ожидал Оленин, который закупил собак, затем на собаках я поехал к устью Тикси, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках притащил обратно в Усть-Янск, и в начале мая я вместе со своими 6 спутниками, Олениным и партией местных якутов и тунгусов, которые были как каюры с транспортом из 160 собак, вышел из Усть-Янска на остров Котельный.

Я перебрался на Новосибирские острова, вышел около мыса Медвежьего, около острова Котельного. Этот переход на Новосибирские острова я сделал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек, и затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии, больше я не мог взять с собою на три месяца, мне надо было покормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились: Оленин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой для того, чтобы приготовить мясо. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками осталась на летовку на Новосибирских островах, а я с 6 спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытия моря и занимался главным образом охотой, чтобы прокормить себя. Затем в июле месяце море вскрылось и я на вельботе, который был там подготовлен, с 6 спутниками, когда лед тронулся от берега, в этот день и пошли вдоль южного берега Сибирских островов, вдоль о. Котельного направились в Благовещенский пролив между островами и о. Новая Сибирь. Затем, пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть острова (Новая Сибирь). Это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан на землю Беннетта. Затем, передохнув на Новой Сибири, мы отправились дальше на север.

В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море было в этом месте забито льдами, я встретил совершенно открытое море: не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть. Приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец мы добрались до земли Беннетта 5 августа, на Преображение,— этот мыс я назвал мысом Преображенским, я высадился на остров Беннетта. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толля. Мы нашли груду камней, в которой находилась бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро в ближайшие дни пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толлем, а затем тот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толля. Он говорил, что барон Толль прибыл в 1902 году летом на остров Беннетта, где он, в конце концов, решился сначала зимовать, так как было уже поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там,— это попытка охоты. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но это сделать им не удалось. Поэтому барон Толль сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весною с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна, и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голоду. Тогда в конце октября 1902 года барон Толль решился на отчаянное решение — идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до —40°, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться почти совершенно невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком.

В такой обстановке, в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончался такими словами: «Сегодня отправились на юг, все здоровы, провизии на 14 дней». Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидел, что моя задача разрешена, что Толль ушел на юг, значит, оставалось сделать последний переход на Сибирских островах и

осмотреть все склады, которые были там заложены, чтобы узнать, не оставался ли где-нибудь барон Толль. Эту задачу частью выполнял Оленин. Затем я отправился обратно в августе на Новосибирские острова. Осмотрел по дороге все склады, которые были заложены: все было цело, никаких признаков возвращения барона Толля не было. Факт его гибели остался почти несомненным.

Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьего острова Котельного. Был конец августа и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк в Усть-Янск. Все спутники мои остались живы. Оленин выполнил свою задачу,— сохранил собак, без крайних лишений мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Оттуда мы обычным путем поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903 году. В декабре месяце я ушел из Усть-Янска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск[8] как раз накануне объявления Русско-Японской войны. С тех пор я с Олениным не виделся до прошлого года в Харбине, он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Н. А. Алексеевский. Он был политический ссыльный или уголовный?

Адм. Колчак. Он был политический ссыльный. Он студент Московского университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, к научному авантюризму. Его интересовал край, и, когда он получил амнистию за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

Н. А. Алексеевский. А с другими ссыльными вы в Якутской области не входили в сношения?

Адм. Колчак. Я встречался с ними в Верхоянске и в Усть-Янске, но не завязывал сношений, потому что я бывал временно; близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по нескольку дней.

Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию наук с просьбой вернуть меня в Морское ведомство и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток в Тихоокеанскую эскадру для участия в войне. Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему мог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности многие, научные коллекции, которые он главным образом составил, и со всем этим ехать в Петроград для доклада в Академии наук.

А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпускать, но, в конце концов, после некоторых колебаний, Президент Академии, Великий князь Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство, а тут я получил приказание поехать в Порт-Артур[9]. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом — должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала: затем наступила война, и я решил, что надо жениться. Здесь, в Иркутске, я обвенчался со своей женой, после чего, пробывши здесь несколько дней, я уехал вместе со своим другом Бегичевым, сказавши, что он пойдет со мною дальше, поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив.

Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер «Аскольд», так как по его мнению мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец, он упорно не хотел назначать меня на минные суда. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адмирала Макарова я был назначен на очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый» в качестве командира. На этом миноносце, после того как я вступил в командование,— я не рассчитал своих сил, ко-

торые уже все это время были подорваны,— я получил очень тяжелое воспаление легких, которое заставило меня слечь в госпиталь. Там я провел около месяца. Затем в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени.

К осени у меня начали снова сказываться последствия моего пребывания на Крайнем Севере, а именно появились признаки суставного ревматизма.

А. Н. Алексеевский. Значит, вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

Адм. Колчак. Нет, в выходе эскадры я не участвовал, я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал — шел другой отряд, мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре.

Затем я осенью видел, как мне становится на миноносце все хуже и хуже.

После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер «Такосадо».

Результат пребывания на Севере — ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначить меня на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на Северо-Восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел октября*, когда крепость пала. Когда была сдача крепости, я уже еле-еле ходил, но держался еще, и, когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, т. к. у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм.

Ранен я был легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме тяжело больных и раненых, я остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал несколько оправляться, оттуда нас отправили в Дальний, затем в Нагасаки. В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии,— вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправились в Россию.

Это было в конце апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград.

В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне 4-месячный отпуск для лечения на водах, где я лечился все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии, по магнитологии, съемки были брошены, так как я опять поступил в распоряжение Академии наук, и осенью 1905 года я занимался в Академии наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом, с которым я находился в связи.

Затем в Географическом обществе я полу-

---

* Порт-Артур был сдан генералом А. М. Стесселем 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г. н. с.).

чил свою высшую научную награду за свои последние экспедиции — большую Константиновскую золотую медаль. Эта работа продолжалась до января 1906 года.

Затем привел до известной степени в порядок и передал в переработку специалистам свои научные труды в эту экспедицию.

В 1906 году, в январе месяце, произошли такого рода обстоятельства.

После того как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решили заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году, возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор[10].

В сущности, единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность его была не военная и несерьезная.

Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества.

Группа этих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный. Там нам было предоставлено в Морской Академии помещение, средства кое-какие Морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе.

Я был в числе основателей этого военно-морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных, правильных началах. В результате этого, в конце концов, мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания Морского Генерального штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было; был Морской штаб, который ведал личным составом флота, и только.

В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин; затем к этому кружку присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка.

К поданной записке отнеслись очень сочувственно и весною 1906 г. было решено создать Морской Генеральный штаб. План этот был одобрен, и весною, приблизительно в апреле 1906 г. он был осуществлен созданием Морского Генерального штаба.

В этот штаб вошел и я, в качестве заведующего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот Штаб.

С этого времени и начался период, обнимающий приблизительно 1906, 1907—1908 годы,— период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основании всего этого дела Морским Генеральным штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было.

Постройка судов шла без всякого плана в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому, получались какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем.

Таким образом, прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена Морским Генеральным штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда Морской Генеральный штаб работал совместно с сухопутным.

Во главе нашего Штаба стоял адмирал Брусилов, а там генерал Палицын. Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно.

Это был период изучения общей политической обстановки, и еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение подготовки, ее программы, военной и морской, и т. д.— совершенно определенно и неизбежно указывало нам эту войну. Начало которой мы определяли в 1915 году, указывало на то, что

эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос.

Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что, в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать.

После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического анализа, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя, и что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем.

Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основании, показывала, что война произойдет в союзе срединных империй*.

Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении ее начала ошибались только на полгода, да и то немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали.

Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной в 1915 году.

К этому времени относится период чрезвычайно тесных отношений обоих штабов с Гос. думой, которая принимала в этом случае большое участие. В этот период 1906—1907 гг. различные политические группы, политические организации все интересовались военными вопросами.

Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте, и, вообще, общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами, Гос. думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота.

Член комиссии Алексеевский. Были ли среди офицеров флота морского ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим?

Адм. Колчак. Я могу указать на Бернса, который был тогда нашим агентом в Германии и который теперь в Советской России (он, кажется, после Альтфатера выполняет обязанности Командующего флотом).

Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно и что, наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть, помните одну книгу военно-политического содержания сов. Вандаля: там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на два лагеря: один — германской организации и другой — союзнической организации. Крупными противниками этой точки зрения были адмиралы Эссен[11] и Непенин. Адм. Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения.

Непенин также был их современным противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской организации; большинство склонялось к союзнической организации, т. к. всем было видно, что приготовления Германии к войне идут; было видно, что она готовится к войне и именно к войне с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить постфактум, но тогда для меня, например, один Трейчке стоил откровения, т. к. ясно говорили об их отношении. Я думаю, что если у меня и были минуты колебания, то Трейчке их уничтожил. Ведь Трейчке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Член комиссии Алексеевский. Таким образом, новому Морскому Генштабу приходилось

---

* Так в тексте рукописи.

составлять программу в смысле борьбы с Германией.

Адм. Колчак. Для того чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен как Германия.

Новая судостроительная программа была принята и представлена в Государственную думу, но здесь произошли крупные события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Воеводский. Предшественник его, Диков, относился к этому довольно безразлично и не противодействовал этой работе.

Тогда у Морского Генштаба явилась большая идея: будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой, и оба генеральных штаба, — и сухопутный и морской — стремились к созданию положения генеральных штабов, как независимых органов, подчиненных тоже Верховной власти, а не министру. Это вызвало смену Палицына, и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов. Но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в Морском Генштабе. Министром был назначен Воеводский, который почему-то начал борьбу с Гос. думой именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Гос. думой в то время, когда дело уже налаживалось.

Между тем время шло и, по нашему убеждению, программу надо было проводить. В конце концов, Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом нашего существования, в том числе и меня, это произвело ужасное впечатление.

Я был одним из главных составителей этой программы, большую часть этой программы я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Гос. думу, к Гучкову и другим членам Гос. думы. Я старался сделать это дело возможно быстрее, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа Морского министерства не может быть проведена из-за разногласий, которые были для меня непонятны, из-за какой-то борьбы, которую вел морской министр с Гос. думой,— оставаться в Генштабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя сделать, что дело погибнет и поэтому решил оставить военную работу и вернуться к прежней научной деятельности.

Воеводский, будучи назначен министром, начал изменять и переделывать нашу программу, задерживать запросы, которые делала Гос. дума и которые были необходимы для решения вопросов. Почему он это делал, было совершенно неизвестно, но вред этому делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось, что программу не выполнили к тому сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена.

В начале эта программа была тем, что было известно под именем «большой программы», затем она распалась на 2 проекта — большой и малый. Это было делом Воеводского.

На меня это подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал тогда работать над этим делом и начал читать лекции в Морской академии, которая была тогда образована.

Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник Главного гидрографического управления Вилькицкий, я его хорошо знал, т. к. он был полярный исследователь, который меня хорошо знал и сочувствовал моей деятельности, предложил мне организовать экспедицию для исследования Северо-Восточного морского пути из Атлантического океана в Северный океан вдоль берега Сибири[12].

Встретившись и поговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в Генштабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса, как выполнить эту экспедицию, я на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания здесь, на Севере, остановился на организации опыта экспедиции на стальных судах ледокольного типа (конечно, не таких, которые могли бы ломать полярный лед, таких как опыт «Ермака» показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна). Но опыт показал, что конструировать судно, которое

выдерживало бы давление льдов, вполне возможно, что это затруднений не вызывает, и что, конечно, построить стальное судно большой вместимости легко, которое, во всяком случае, не будет уступать «Фраму», построенному Ф. Нансеном из дерева и только снабженному стальной обшивкой.

Я считал необходимым иметь 2 таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 г. главное гидрогеографическое управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о Северном морском пути из Тихого океана в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие. Все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывая с инженерами типы этих судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник — Маттисен[13].

Решено было построить 2 ледокольных стальных судна, которые были названы «Таймыр» и «Вайгач»[14]. Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от Генерального штаба.

Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени, и я продолжал там работать в качестве председателя этого кружка. Я смотрел на этот кружок, главным образом, как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в офицерской среде, там делались интересные доклады, проводились научные работы и т. д.

Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 г. ушел из Генерального штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой этих судов на Невском судостроительном заводе. В 1909 г. суда были спущены, и мы осенью ушли на Д. Восток с тем, чтобы летом 1910 г. пройти через Берингов пролив на северную часть полуострова.

Я командовал «Вайгачем», «Таймыром» же командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа. Идея их состояла в том, чтобы их не ломал лед, чтобы лед не ломал и не давил их. Поэтому они обладали чрезвычайно сильным корпусом и значительно слабыми машинами, т. к. главный вопрос в данном случае — это большой радиус действия, и ледокольного типа суда учитывают эту идею ударов и сжатия льда.

Таким образом, во второй половине 1909 г. мы ушли на Дальний Восток и через Средиземное море, Индийский океан, весной 1910 г. прибыли во Владивосток. Так как мы пришли во Владивосток уже поздно, то главным гидрографическим управлением была поставлена нам задача — пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основанием для съемок и больших астрономических наблюдений — мыс Дежнева, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку, и в следующем году идти дальше. Мы ушли из Владивостока и выполнили эту задачу, вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Дежнева. Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в особенности «Вайгач», который был оборудован специально для картографических работ.

Я главным образом работал по океанографии и гидрологии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток я получил телеграмму от того же Воеводского, бывшего морским министром, и начальника Морского Генерального штаба Кн. Ливена (Ливен был начальником Генерального штаба после Брусилова) и, несмотря на свое немецкое происхождение, был страшным противником немцев.

В этих телеграммах Ливен и Воеводский просил меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в Морском Генеральном штабе для скорейшего проведения судостроительной программы.

Решено было во что бы то ни стало проводить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания я дал свое согласие на возвращение.

В 1910 г. я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что, может быть, удастся дело направить. Поэтому я вернулся в Морской Генеральный штаб и был снова назначен на то же место — заведующего Балтийским театром. Меня все это время замещал мой помощник, и я принял дело почти в прежнем состоянии, т. к. за время моего

полугодового отсутствия там ничего не делалось.

Я прибыл в Петроград зимой 1910 года и оставался там до весны 1912 года. В Штабе я главным образом работал над судостроительной программой и ее реализацией, установкой нового типа судов и вообще ведал всей подготовкой флота к войне. По этой должности я находился в очень тесной связи с адм. Эссеном и штабом командующего Балтийским флотом, т. к. мне приходилось постоянно ездить туда. Мне приходилось постоянно ездить на флот, принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров его и т. д. Таким образом, я находился в тесной связи с Балтийским флотом. Та должность, которая в сухопутном ведомстве носит название квартирмейстера, во флоте носит название флаг-капитана по оперативной или хозяйственной части. Таким флаг-капитаном по оперативной части в штабе адм. Эссена был Альфатер, с которым я находился постоянно в связи по работе по подготовке флота к войне. В 1912 г. адм. Эссен заявил мне, что он хотел бы, чтобы я вступил в действующий флот. Меня самого очень тяготило пребывание на берегу. Я чувствовал себя усталым, и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было легче. Я это откровенно высказал: что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы начатое дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке деталей нового типа огромных крейсеров типа «Кинбурн», но они опоздали. В 1912 г. я ушел из Морского Генерального штаба и поступил в минную дивизию командиром эскадронного миноносца «Уссуриец». Я командовал «Уссурийцем» год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адм. Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в штабе. При адмирале Эссене, который держал свой флаг на броненосном крейсере «Рюрик», состоял в распоряжении один из лучших эскадронных миноносцев «Пограничник». Он стоял непосредственно в распоряжении адм. Эссена, который на нем ходил постоянно по Балтийскому морю. Я, будучи флаг-капитаном в штабе Эссена, в то же время был командиром «Пограничника». Адм. Эссен все это время был то у меня на «Пограничнике», то на «Рюрике». В этой должности командира «Пограничника» я оставался год, в должности же капитана оставался и на войне.

В этом году все признаки военно-политической атмосферы чрезвычайно сгустились. Для всех была ясна близость войны. Адм. Эссена чрезвычайно заботила усиленная подготовка со стороны войск. Он всю душу вкладывал для подготовки флота к выполнению программы военных действий, которая существовала на случай разрыва с Германией.

На «Пограничнике» я оставался год. Затем чрезвычайно серьезные и грозные признаки, которые возникли весной 1914 г. относительно войны, заставили адм. Эссена приказать мне сдать «Пограничник» и перейти в его непосредственный штаб на «Рюрик».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) в архивном фонде Иркутской духовной консистории Градо-Иркутской Михайло-Архангельской (Харлампиевской) церкви (теперь одно из зданий Иркутского госуниверситета на ул. 5-й Армии), в метрической книге за 1904 год, отпечатанной в Московской синодальной типографии, в части второй о бракосочетавшихся за № 6 от 5 марта занесено по графам: звание, имя, фамилия, отчество и вероисповедание жениха, и которым браком. Ниже следует: — Лейтенант флота Александр Васильев Колчак, православный, первым браком, 29 лет.

В следующей графе: — звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком: — Дочь Действительного Статского Советника, потомственная дворянка Подольской губернии София Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет.

Кто совершил таинство: — Протоиерей Измаил Иоаннов Соколов с диаконом Василием Петелиным.

Кто были поручители: — По женихе: гене-

рал-майор Василий Иванов Колчак и боцман русской полярной экспедиции шхуны «Заря» Никифор Алексеев Бегичев.

По невесте: подпоручик Иркутского сибирского пехотного полка Иван Иванов Желейщиков и прапорщик Енисейского сибирского пехотного полка Владимир Яковлев Толмачев.

Подписи: Протоиерей Измаил Соколов.
Диакон Василий Петелин.

Итого в марте месяце свенчано: брак один (1), лиц два (2).

2. Отец будущего адмирала, генерал-майор В. И. Колчак, приехавший специально в Иркутск на бракосочетание своего сына с Софьей Омировой. 7 марта 1904 года подарил свою книгу воспоминаний «Война и плен» (1853—1855) библиотеке Восточно-Сибирского Императорского Русского географического общества с дарственной надписью.

В настоящее время эта книга находится в фонде Научной библиотеки Иркутского госуниверситета.

3. Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября и крещен 15 декабря 1873 года. Мать из дворянской семьи Херсонской губернии, уроженка Одессы, дочь потомственного почетного гражданина города. Отец — одессит, воспитанник Ришельевской гимназии.

С 1888 по 1894 г. Александр — в числе первых воспитанников морского кадетского корпуса. Много времени уделял самообразованию. В августе 1892 года производится в младшие унтер-офицеры, 11 августа 1893 г. в гардемарины, а 19 числа того же месяца, как лучший по поведению и наукам гардемарин, назначается фельдфебелем младшей роты.

На выпускной конференции весной 1894 года он отказался от первенства как фельдфебель в пользу товарища, которого считал способнее себя. И мнение 20-летнего выпускника было учтено высокой комиссией! Пересмотрев свое первоначальное решение, она присудила Колчаку премию имени адмирала Риккорда в 300 рублей за второе место (Северные просторы, 1989, № 6).

4. Высочайшим приказом по флоту за № 758 А. В. Колчак был произведен 15 сентября 1894 года мичманом. С весны 1895 г. назначается помощником вахтенного начальника крейсера «Рюрик», затем во Владивостоке переходит на крейсер «Крейсер» уже вахтенным начальником. Первые четыре года его службы проходят на Тихом океане. «Это было первое мое большое плавание», — говорил на допросе в Иркутске Колчак.

Адмирал Г. Ф. Цывинский, командовавший «Крейсером» с 1897 года, позднее писал: «Одним из вакантных учителей был мичман А. В. Колчак. Это был необычайно способный, знающий и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей; знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений. Служил на крейсере младшим штурманом до возвращения в Кронштадт в 1899 г.».

Младший штурман находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока стала увлечением на многие годы. Чтобы иметь возможность читать подлинники, занимался китайским языком. Особенно увлекся учением секты Зен, проповедующей воинственный буддизм. (Северные просторы, 1989, № 6.).

5. Макаров Степан Осипович (1848—1904), русский флотоводец, ученый, адмирал, участник русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905) войн. В 1886—1889 гг. совершил кругосветное плавание. За научную работу получил премию Академии наук и Золотую медаль Императорского русского географического общества. На ледоколе «Ермак» в 1889—1901 гг. совершил походы в Арктику. С 1 февраля 1904 года командующий Тихоокеанским флотом. Погиб на броненосце «Петропавловск» при подрыве его японцами у берегов Порт-Артура.

6. Толль Эдуард, барон, полярный путешественник и геолог (1858—1902). Вместе с доктором Бунге в 1885—1886 гг. совершил экспедицию на Новосибирские острова и в район реки Яны. Являясь хранителем минералогического музея Академии наук, с научной целью посетил Западную Европу. В 1889 году назначается магистром геологии и геологом геологического кабинета. В 1892—1893 гг. совершает новое исследование Новосибирских островов и области реки Анабары. В мае 1900 г. из Петербурга на судне «Заря» предпринимает научно-исследовательскую экспедицию к Сибирскому поляр-

ному океану, которая возвращается осенью 1902 года. Отправившись по льду на санях к острову Беннетта, Толль, астроном Зееберг и два проводника погибли.

7. Нансен Фритьоф (1861—1930) — норвежский политический деятель, полярный исследователь, океанолог и зоолог. Основоположник первой в Норвегии биологической станции. В 1888 г. впервые по материковому льду пересек на лыжах Южную часть Гренландии. В 1893—1896 гг. совершил дрейф в Арктике на шхуне «Фрам». В 1893 г. совершил плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана. С 1897 г.— профессор университета в Христиании (Осло). В 1906—1908 гг. — первый посол Норвегии в Великобритании. В 1920—21 гг. — глава комиссии Лиги наций по помощи беженцам и военнопленным; в 1921—1923 гг. — участник организации продовольственной помощи голодающим России. В 1925—1929 гг.— глава комиссии по репатриации армянских беженцев в Советскую Армению. В 1923 г. ему присуждена Нобелевская премия за гуманную деятельность.

8. Результатом спасательной экспедиции Колчака явился написанный им в марте 1904 г. «Предварительный отчет начальника экспедиции на землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю» и позднее статья «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля». За этот «выдающийся и сопряженный с трудом и опасностью географический подвиг» Императорское русское географическое общество наградило А. В. Колчака большой Константиновской Золотой медалью.

9. В декабре 1905 г. президент Академии наук писал морскому министру: «Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпадает с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот счел своею нравственной обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего морского начальства прямо из Иркутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там во все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале июня 1905 года в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма». Президент просил прикомандировать Колчака к Академии наук по 1 мая 1906 г. — для обработки гидрографических и картографических результатов Русской полярной экспедиции. Интересна оценка РПЭ начальником Главного гидрографического управления: «Между тем материалы охватили работы описи берегов, промера, гидрологии сибирских морей, наблюдения над льдом, астрономические и магнитные наблюдения, выполненные во время плавания и санных поездок, и имеют значение как для научных, так и для практических целей полярного плавания, в частности же для исправления на картах контура берегов северо-восточной части Сибирского материка от острова Диксона до устья реки Лены» (Северные просторы, 1989, № 6. С. 32—35).

10. В январе 1906 г. А. В. Колчак составляет краткое описание яхты «Заря», где детально рассмотрена характеристика данного типа судна, приспособленность его для плавания во льдах, механизмы управления и т. д. Сочетая большую работу по воссозданию русского флота после русско-японской войны с гидрологией, Колчак в 1907 г. публикует «Таблицы точек замерзания морской воды» Мартина Кнудсена, заключавшие в себе постоянные величины, определяющие явления замерзания морской воды. Первой из двух крупных работ А. В. Колчака стала книга «Льды Карского и Сибирского морей» в 1909 г. Предмет исследования — «исключительно морской лед, образующийся из солевой воды Северного ледовитого океана». Целью описания самого автора является дать «возможно полную картину образования, развития и состояния ледового покрова Карского и Сибирского морей». В 1928 г. американское географическое общество переводит и издает в «Проблемах полярных исследований» XI главу этой книги: «Арктический пак и полынья» (Северные просторы, 1989, № 6).

11. Эссен Николай Оттович (1860—1915), русский военно-морской деятель, адмирал. Окончил Морской корпус (1880) и Морскую академию (1886). Во время русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. В 1906—1908 гг.— начальник 1-й минной дивизии Балтийского флота. С 1908 г.— начальник соединенных отрядов, с 1909 г.— начальник морских сил Балтийского моря, с 1911 г.— командующий Балтийском флотом.

12. Занятость в Морском генеральном штабе отодвигает Колчака от проблем русского Севера. Наоборот, начальник Главного гидрографического управления генерал-майор А. И. Вилькицкий предложил ему организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный вдоль берегов Сибири. На заседании Совета Министров 7 апреля 1908 г. было признано необходимым: «В возможно скором времени связать устья Лены и Колымы с остальными частями нашего Отечества, так как для оживления этого обширного района северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылающими туда из Аляски свои шхуны для меновой торговли с прибрежным населением».

Охваченный идеей новой северной экспедиции, Колчак просит отчислить его из морского Генштаба. 26 апреля 1909 г. он читает доклад «Северно-восточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива» в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта. Рассказав об экспедции лейтенантов Врангеля и Анжу, Норденшельда, Нансена, Толля, Колчак остановился на физико-географической и метеорологической обстановке, а также условиях навигации и требованиях, предъявляемых к судам. Примечательны слова академика Ф. Н. Чернышева, участника Шпирбенской экспедиции, отметившего, что даже «норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А. В. Колчак» (Северные просторы, 1989, № 6).

13. Маттисен Людвиг, физик. Учился в Киле, где позже стал приват-доцентом. В 1880 г. был приглашен на кафедру физики в Росток, в 1883 г. получил звание почетного доктора физики в Цюрихе. В 1890 г. принял участие в путешествии к Северному Ледовитому океану для офтальмологических исследований норвежских китов.

14. По чертежам корабельного инженера Матросова, при непосредственном участии Ф. А. Маттисона и А. В. Колчака на Невском судостроительном заводе закладываются два ледокола «Таймыр» и «Хатанга» (последний сразу же переименовывается в «Вайгач»). Ледоколы строились под его непосредственным наблюдением и были обязаны Колчаку своим превосходным для того времени оборудованием. В записке к смете снаряжения экспедиции Колчак определил цели: «Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе от Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток с тем, чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана».

Осенью 1909 г. суда экспедиции Северного Ледовитого океана, зачисленные в транспорт военного флота, выходят из Кронштадта во Владивосток. За плавание астрономические работы производились Б. В. Давыдовым, гидрологические — Колчаком и Г. А. Клодтом фон Юргенсбургом. Последние заключались в измерении течений банками температуры поверхностной воды, ее удельного веса: футшточные наблюдения: бросались бутылки с записками. В гидрологические журналы записывался характер и проходимость льда, его границы наносились на особые «ледяные карты», замерялась толщина торосов, высота ледяных гор, температура льда на различных глубинах. «Вайгач» был специально оборудован для производства картографических работ (так была составлена за № 794 карта бухты Наталья).

Командир «Вайгача» капитан 2-го ранга Колчак принимал личное участие во всех исследованиях.

Здесь уместно вернуться на десятилетие назад, к записи, сделанной Колчаком в экспедиционном дневнике 1900 г.: «Мне приходилось слышать, что начальником ученого предприятия должен быть ученый, вообще человек с научной подготовкой; я считаю, что начальником должен быть просто образованный человек, ясно и определенно сознающий задачи и цели предприятия, а будет ли он специалистом по геологии, не имеющий никакого отношения к ходу самого дела,— это не имеет значения. Для начальника удобнее не иметь никакой специальности, а иметь побольше способностей управлять и руководить всем делом, входить в жизнь и внутренние мелочи хозяй-

ства, а не быть «экскурсантом» с «научными» целями, часто преследуя в ущерб всему свои специальные или «научные задачи». Вот подчиненный ему состав должен обладать научной подготовкой, а для того, чтобы выполнять и руководить ходом морского предприятия, прежде всего необходимо быть моряком» (Северные просторы, 1989, № 6).

15. Верховский Александр Иванович (1886—1938), русский военный деятель, генерал-майор (1917), комбриг (1936). Родился в Петербурге в дворянской военной семье. В 1911 г. окончил Академию Генштаба, участник японской и 1-й мировой войн. Во время февральской революции избран товарищем председателя Севастопольского Совета. В июле—сентябре 1917 г.— командующий войсками Московского военного округа, сотрудничал с эсерами и меньшевиками; выступил против корниловщины. С 30 августа по 22 октября 1917 г. — военный министр Временного правительства. Вышел в отставку в связи с отклонением предпарламентом предложенных им мер (выход России из войны, демобилизация армии и др.). В ноябре 1917 года пытался вместе с эсеро-меньшевистскими лидерами создать в Ставке антибольшевистское «демократическое общесоциалистическое правительство». В 1918 г. был арестован за участие в эсеровской организации. Изменив свои взгляды, в феврале 1919 г. вступил в Красную Армию, с 1920 г. был членом Особого совещания по обороне республики. В 1921—1930 гг. на преподавательской работе по истории военного искусства и тактике в Военной академии им. Фрунзе, профессор (1927). В 1930—1932 гг. начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, затем служил на курсах «Выстрел», в Генштабе и Академии Генштаба.

Сочинения Верховского: На трудном перевале. М., 1959; Общая тактика. М., 1927; Огонь, маневр, маскировка. М., 1928; Очерки по истории военного искусства в России XVIII—XIX вв. М., 1921.

ИРКУТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

*(Летописи П. И. Пежемского и В, А. Кротова)**

1795 г. Января 16-го генерал И. А. Пиль выехал из Иркутска в Симбирск.

Февраля 26-го, во 2-м часу пополуночи, было довольно сильное землетрясение.

Сего же дня приехал в Иркутск итальянец, балансер Миколето с женою, двумя малолетними дочерьми и 28 учеными собаками, давал здесь свои представления с успехом.

Марта 4-го преосвященный Вениамин получил из св. синода указ о рождении в 7 день января Великой Княжны Анны Павловны. Сего дня отправлялось торжество с целодневным звоном.

21-го числа сего месяца р. Ангара вскрылась от льда, простояв под ним 92 дня.

Мая 21-го, в 10 час. утра, освящено место для постройки главного народного училища, где ныне губернская гимназия.

Июня 12-го. При западном ветре, на сей день шел ночью дождь, а в 6 час. утра пошел снег очень густо и валился крупными хлопьями на подобие осиновых листьев, при +2°, шел ровно 2 часа, толсто покрыл землю, дома и окружающие город горы и леса белизною, изменил летний вид в совершенную зиму; стоял, сделал грязь и не причинил вреда растениям.

18 с. м. в Вознесенском монастыре по приготовлении рвов и прочего для постройки каменной церкви во имя Смоленския Богоматери преосвященный Вениамин освящал означенное место.

28-го появилась в городе болезнь на людей, называвшаяся «сибирская язва», но старательными действиями иркутских докторов болезнь скоро прекращена; впрочем, она не имела гибельных последствий.

Июня 20-го скончался в Иркутске учредитель Российско-американской компании, Григорий Иванович Шелехов, на 46 году своей жизни, оставил жену, сына и пять дочерей Григорий Иванович Шелехов, рыльский именитый гражданин, родился 1748 года и в самых цветущих летах жизни начал торговлю в Сибири. Соединясь с курскими купцами, братьями Голиковыми, он, имея 25 лет от роду, задумал и привел в исполнение свое полезное предприятие. В то время (в 1780 годах) чрезвычайно умножилось число промышленников, от Охотска, по гряде Алеутских островов. Они были очень неразборчивы в средствах приобретения, подрывали один другого, хлопотали только о скорой наживе и нагрузке судов, не щадя бедных островитян. Известно, что Великая Екатерина в письме (1766 г. марта 2) к сибирскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину, при открытии 6 Алеутских островов, собственноручно приписала: «Промышленникам подтвердите, чтобы они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратиями, тех островов жителями». Существовавшие такого рода неблагоприятные

* Продолжение Начало см.: Сибирь. (1989. № 4—6; 1990. № 1—3.).

обстоятельства были тяжелы истинному сыну отечества Г. И. Шелехову. Он в товариществе образовал компанию, названную Американскою, вооружив в Охотске на общем иждивении три судна: «Три Святителя», «св. Симеон Богоприимец» и «Анна Пророчица», и «св. Михаил» и с ними отправился в Восточный океан 16 августа 1783 года. Суда эти наконец приплыли 5 сентября к первому Курильскому острову. Запасшись пресною водою, они отправились далее, но 12 числа сделался страшный шторм, продолжавшийся более суток, в которыя смелые мореплаватели едва не лишились жизни, один из галиотов унесен был ветром, а остальные два судна принуждены были зимовать на Беринговом острове, назначенном при начале экспедиции пунктом соединения. Прозимовав на этом острове, они 16 июня 1784 года снова двинулись к гряде Алеутских островов и 21 числа пристали к острову Кадьяку.

Жители острова встретили их неприязненно, и, пока не была употреблена сила, дело не могло окончиться ничем хорошим. Тучи стрел беспрестанно перелетали на нашу сторону, но едва Шелехов употребил 2-фунтовые пушки, как перевес сражения оказался на нашей стороне. Множество диких было взято в плен, а остальные бежали, рассказывая с ужасом о нас, как об огненных людях, которые своими стрелами разбивали их жилища. Этот страх, однако, продолжался недолго, и коняги, жители острова, снова сделали на нас нападение ночью, пользуясь ненастною погодою. Но Шелехов со своими людьми и в этот раз отбил нападение, при чем было ранено у него 6 человек, которые вскоре были вылечены. Эти препятствия не остановили Шелехова, имевшего в виду пользу отечества и он смело шел к своей цели. Много труда стоило ему убедить диких и войти с ними в дружественные сношения, завести мену и чрез то получать неисчерпаемые пользы, наслаждаясь спокойствием и счастием. Наконец он достигнул своей цели мерами кроткой, отеческой заботливости, стараясь уничтожить в диких загрубелые чувства. Надо было приманить их, как детей, разными подарками и лакомствами. Мало-помалу к нему стали стекаться дикие тысячами, присылая своих аманатов*. Шелехов тотчас устроил школу для 25 мальчиков и постепенно приучал диких смотреть на себя, как на их друга. Не боясь теперь нечаянных нападений со стороны диких, Шелехов начал строить крепостцы, сначала на острове Афогнак, в удобной гавани, а потом стал приводить к окончанию заложенные работы на острове Кадьяке и делать описание берегов новоприобретенной земли. Заняв, таким образом, остров Кадьяк, Шелехов положил первое основание Российским колониям в Америке. Правильные торговые предприятия обогатили Шелехова и его товарищей В этот год вывезено было им товара более, чем на 133.450 р. Пайщиками в этой компании были следующие именитые граждане: рыльский Григорий Шелехов 13 паев, московские: Василий Жигарев — 6, Николай Бехтин — 2, купцы тотемские: Василий Рохлецов — 11, Иван Кузнецов — 1, Федор Протопопов — 3, иркутские: Василий Шарапов — 1, Михайло Сибиряков — 1, Илья Сизов — 2, Петр и Иван Мичурины — 2, вологодские: Афанасий Козлов — 2, Василий Шапкин — 2, устюжский Андрей Пахолков — 1, грек Изот Кузьмич Ленжи — 1, прокурор Роман Будищев — 1, якутский купец Лебедев-Ласточкин — 37. Им вполне содействовал умный и деятельный Александр Андреевич Баранов, впоследствии главный правитель колоний**. Успехи Шелехова пробудили ревность многих промышленников, и в Иркутске составилась промысловая Иркутская коммерческая компания Мыльникова с товарищами, в намерении подорвать компанию Шелехова и водвориться на занятых им местах. Уже по смерти Шелехова последняя компания вошла в состав первой, подписав акт 3 августа 1798 г. и составив складочный капитал из 724.000 р., внесенных 20-ю торговыми домами, разделенный на 724 акции, по 1.000 р. каждая. В следующем году (указ 1799 г. июля 8) ком-

---

* Аманат (*арабск.*) — заложник. Россиею брались прежде малолетние заложники от покоренных азиатских народов с тем, чтобы дать этим детям воспитание и образовать из них просветителей их сограждан (*Ред.*).

** О деятеле А. А. Баранове летопись не оставит дать сведение в своем месте (*Авт.*).

пания была принята под Высочайшее покровительство и названа Российско-американскою. Эта компания, рожденная достопамятным Шелеховым, распространила свои владения на огромное пространство материка Америки и архипелага островов, лежащих на запад до Японии, по северо-западному берегу Америки — до английских колоний, к юго-востоку — до Мексики и Калифорнии, к северо-востоку — до независимых индейцев или эскимосов, к югу — Сандвичевых островов.

Вот плоды усердия и предприимчивости незабвенного Григория Ивановича Шелехова.

Он умер, но память о нем сохранилась навсегда, и Кадьяк, отделенный от американского берега проливом Шелехова, будет ему вечным памятником. На пути великих предприятий, в самом пылу цветущей жизни, неумолимая смерть застигла Шелехова в Иркутске. Он скончался на 47 году жизни. Тело его погребено в Иркутском Знаменском женском монастыре, против церковного алтаря, и над гробом его, в 1800 году, наследниками его воздвигнут великолепный памятник, обложенный мрамором, в виде пирамидального обелиска, на трехступенном подножии, вышиною семь аршин, с бронзовым барельефом его портрета. Этот мавзолей работан в Екатеринбурге и стоил тогда 11.760 р. Атрибуты, заключаясь в шпаге, картах, якорях с канатами, тюках с товарами, компасом и проч., знаменуют его великие подвиги в мореплавании. На этом памятнике следующие надписи — на восточной стороне: «Здесь, в ожидании пришествия Христова, погребено тело, по прозванию — Шелехова, по деяниям — бесценного, по промыслу — гражданина, по замыслам — мужа почтенного, разума обширного и твердого; потому что в царствование Екатерины Второй, Императрицы и Самодержицы Всероссийкой, Государыни славной и великой, расширившей свою Империю победами врагов Ее на западе, и на полудни, он отважными своими морскими путешествиями на Востоке нашел, покорил и присовокупил Державе Ее не только острова: Кыхтак, Афогнак и многие другие, но и самую матерую землю Америки, простираясь к северо-востоку. Завел в них домостроительство, кораблестроение и хлебопашество, и испрося архимандрита* с братиею» и клиром, провозгласил в грубом народе, неслыханным невежеством попранном, неведомое там имя Божие и во имя святыя Живоначальныя Троицы насадил православную христианскую веру в лето 1794-ое. Христе Спасителю! причти его к лику благовестников, возжегших на земле свет твой пред человеки». — Гавриил Державин.

На полуденной стороне:

«Как царства падали к стопам Екатерины,
Росс Шелехов, без войск, без громоносных сил.
Притек в Америку чрез бурные пучины
И нову область Ей и Богу покорил.
На забывай, потомок,
Что Росс, твой предок, и на востоке громок».
Дейст. стат, совет. Ив. Дмитриев.

На западе: «Поставила сие надгробие в память почтенному и добродетельному супругу горестная вдова, с пролитием горячих слез и с сокрушенным воздыханием ко Господу». С северной стороны: «Григорий Иванович Шелехов, рыльский именитый гражданин, родился года 1748, вступил в супружество года 1775, начал торговлю свою в областях Сибири 1773 года, морские путешествия совершил в 1783, 1784 и 1785 годах, скончался 1795 г., июня 20 дня».

«Колумб здесь росский погребен!
Проплыл моря, открыл страны безвестны,
И, зря, что все на свете тлен,
Направил парус свой,
Во океан небесный —
Искать сокровищ горных, не земных.
Сокровище благих!
Его Ты, Боже, душу упокой!»
Гавр. Державин.

По кончине Шелехова остался правителем Российско-американских колоний А. А. Баранов.

Супруга Шелехова, Наталья Алексеевна, скончалась в Москве 25 марта 1810 года, тело ее покоится в Московском Донском монастыре. В бытность свою в Иркутске, она значительными своими денежными пожертвованиями вспомоществовала к сооружению каменной ограды Иркутского Знаменского девичьего монастыря и ко внутреннему его украшению.

---

* Архимнадрит Иоасаф Болотов. Биография его будет помещена в летописи (*Авт.*).

Известно, что на построение в Иркутске в двух местах каменных двухэтажных казарм нижних воинских чинов Российско-американская компания пожертвовала 70.000 руб., в том числе семейство Шелехова участвовало десятью тысячами рублей.

Октября 8 возвратились из Пекина в Иркутск прежней миссии члены иеромонах Иесей (Боголепов), помощник Семен Соколовский и ученик Антон Владыкин.

Ноября 2 установилась санная дорога.

Декабря 23 поднят на Благовещенскую колокольню колокол в 105 пудов.

Пожары в этом году в Иркутске: августа 5 сгорела баня мещ. Каргаполова, 9 с. м. загорался дом боярского сына Лапина, прямо Владимирской церкви, декабря 1 сгорела баня в доме Медведева, близ Тихвинской церкви. Сего же дня был другой пожар, в 4 час. пополудни сгорел сарай в доме купца Ситникова, от него сгорел дом священника Шангина, в спасском приходе, прямо соборной ограды.

1796 г. С 1 января вступил избранный ирк. градским головою купец Григорий Саввич Баженов.

Января 13 скончался Владимирской церкви священник Александр Шастин, 59 лет.

22 ч. загорелся дом штаб-лекаря Поддубного, в Спасском приходе, но скоро потушен, а на другой день, т. е. 23 ч., вспыхнул сарай купца Шестунова, близ сказанного Поддубного и зажег его сарай же. Пожар был страшен, сараи сгорели, а дома Шестунова и Поддубного спасены.

Февраля 1 получено в Иркутске известие из Китая, что китайский император, 85-ти лет, передал свое правление третьему из пятнадцати сыновей. Дед царствовал 61 г., а сын его, передавший правление, — 60 лет, вступил в духовное звание — на покой.

29 числа с. м., в 4 часа пополуночи, упала с балкона купца Мыльникова супруга Наталья Михайловна и убилась до смерти.

Марта 17 в 10 час. вечера, сгорели сарай и баня мещанина Нератова, в Благовещенском приходе, а 20 сгорел в огороде стог сена в доме Чудотворского священника Иоанна Шастина.

Сего же марта в 21 число получен Высочайший Манифест о обручении Великого Князя Константина Павловича с принцессою Саксен-Кобургскою Юлианою Генриетой, нареченною во 2 февраля с. г. Анной Федоровной, родившейся 23 сент. 1781 года. Бракосочетание Их Высочеств совершено 15 февраля.

Апреля 1-го р. Ангара вскрылась от льда и наступила теплая погода.

6, 7 и 8 чисел сего апреля Иркутск праздновал бракосочетание Великого Князя Константина Павловича торжественно, с колокольным звоном и пушечною пальбою.

В начале мая, в девичьем Знаменском монастыре упразднена и сломана деревянная церковь Преображения Господня за ветхостью, стоявшая на берегу устья реки Ушаковки.

7 ч. с. м. 1-й гром и молния, июня 2 был иней, 4 дождь, 5 гром, 22 проливной дождь, июля 1 дождь, а потом град величиною с горошину и гром. Затем последовали дожди, в 24 и 25 число сего месяца сделали наводнения на реках и вред сенокосам. Иркутские жители назвали это ненастье сорокадневным.

Августа 17 отправлялось в Иркутске торжество, о рождении в 25 день июня Великого Князя Николая Павловича, а церковное торжество по сему событию преосвященный Вениамин отправлял, и по всем церквам города тоже, в 1 число сентября. Церковная служба сопровождалась при молебствии пушечною пальбою и целодневным колокольным звоном.

Сентября 30-го мороз, и земля замерзла, а 5 октября река Иркут покрылась льдом, что последовало очень рано, а потом сделалась теплая погода и в 21 число сего месяца эта река вскрылась. Настоящее покрытие Иркута последовало уже 27 числа сего мес. А дорога санная образовалась 23 октября.

Ноября 27 пожарная тревога: загорелось от печи внутри покоев Ирк. казенной палаты.

Декабря 11 приехал в Иркутск Сенатский курьер Шангин с Манифестом о кончине Ее Императорского Величества, Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, последовавшей в 6 число ноября, и о восшествии на Всероссийский Престол Государя Наследника-

Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. Сего же дня, в 5 ч. пополудни, начался соборный благовест, по которому все чины города и граждане собрались в Богоявленский собор, в котором, по выходе из царских врат преосвященного с иркутским духовенством к молебствию, пред которым г. прокурор прочитал Высочайший манифест, и началось молебствие о Высочайшем здравии Государя Императора, сопровождаемое пушечною пальбою. После сего собравшиеся присягали, а завтра — 12 ч., отправлялись литургии по приходским церквам, молебствие с присягою. 13-го в соборе отправляема была по усопшей Государыне панихида.

1797 г. Января 1, р. Ангара покрылась льдом, а 25 марта вскрылась, простояв под ледяным покровом 83 дня.

5 числа сего мес., в кафедральном соборе, на св. икону Богоявления Господня возложена новая серебряная под золотом риза, работана в Москве.

Февраля 8 получен и обнародован Высочайше утвержденный указ св. Синода, последовавший в 9 день декабря прошлого года, о даровании избавления православного духовенства за преступления от телесного наказания. По сему случаю отправляемо в городе во всех церквах молебствие.

В марте мес. сего года Высочайше утвержден Императором Павлом Петровичем штат Иркутской губернии, составленной из семнадцати уездов*.

В правлении губернском:

Губернатор один, ему жалованья 2250, на стол — 2400; советников 6 класса два, каждому жалованья по 750 руб.

В палате суда и расправы, разделенной на два департамента:

Председателей 5 кл. два, каждому по 1350 руб., советников 6 кл. два, каждому 7500 р., асессоров 8 кл. четыре, каждому по 450 руб.

В казенной палате:

Вице-губернатор один 5 кл., ему жалованья 1350 руб., советников 6 кл. три, каждому по 750 р., губернский казначей один 8 кл., ему 450 р., асессоров 8 кл. четыре, каждому по 450 р., присяжных при казне четыре, каждому по 100 руб.

Губернский прокурор 6 кл. один, ему жалованья 750 руб., секретарей, рангов против коллежского: в правлении — один, в палате суда и расправы — два, в казенной палате — три, итого шесть, каждому по 450 р.

На канцелярских чинов и служителей, коих определение числа по надобности, и оным окладов по трудам и способности слагается на распоряжение правления, и на расходы по правлению и палатам 11200 р.

Приказом общественного призрения управляет губернатор, заимствуя канцелярских служителей из прочих мест.

Губернский землемер один, ему жалованья 500 руб., губернский архитектор один, ему жалованья 400 руб., механик или машинный и мельничный мастер один, ему жалованья 300 р. Итого в правлении губернском 34250 р.

В городах, где нет комендантов:

Городничих четырнадцать, из них каждому жалованья по 450 р. Им на канцелярских служителей и расход каждому городническому управлению по 180 р.

Коменданты в Нерчинске, Якутске и Охотске оставлены, но при них секретари не назначаются, а на канцелярских служителей по части полицейской и на канцелярские расходы полагается на каждое место по 600 р.

В уездном суде:

Уездный судья 8 кл. один, ему жалованья 450 руб., заседателей 9 кл. два, каждому по 375 г. Они определяются непременно от Сената.

Секретарь с рангом противу городового секретаря один, ему жалованья 250 р. На канцелярских служителей, и расход 900 р. А на все семнадцать уездных судов 39950 р.

---

* Уезды эти были следующие: Иркутский, Балаганский, Верхоленский, Тункинский, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский, Киренский, Илимский, Якутский, Зашиверский, Среднеколымский, Нижнеколымский, Олекминский и Верхневилюйский.

В уездном казначействе:

Уездный казначей девятого кл. один, ему жалованья 375 р. Присяжных при казне четыре, каждому по 100 р. На канцелярских служителей и расход 400 р. Итого, на семнадцать уездных казначейств, 19975 р.

В нижнем земском суде:

Земский комиссар или исправник девятого кл. один, ему жалованья 375 р., заседателей 9 кл. два, каждому жалованья по 300 р., секретарь рангом против городового один, ему жалованья 250 р., на канцелярских служителей и расход 300 р., а на семнадцать 25925 р.

Магистраты, где есть купечество и мещанство в достаточном числе, содержание имеют от своих доходов.

Уездных землемеров семнадцать, каждому жалованья по 400 р., а всего 6800 руб.

На содержание докторов, лекарей и учеников 14280 руб. Всего на Иркутскую губернию 1511800 руб.

Штатные команды: губернская — в Иркутске и уездная в шестнадцати уездах остаются на прежнем основании.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою так:

Павел.

В городе Павловске.

Марта 4, 1797 года.

Получен указ о переименовании Иркутского военного батальона, по имени иркутского коменданта Блюма — Блюмским полком, а Селенгинским двум батальонам именоваться Полтарацким полком.

8 марта губернатор Нагель на пожалованный ему чин тайного советника принял присягу.

20 сего мес. прошел из Селенгинска, через Иркутск, в Усть-Каменогорск драгунский полк,

В 5 день апреля в первый день св. Пасхи, последовал общий для России Высочайший указ, подтверждающий соблюдение воскресных дней от работ. Он начинается сими словами: «Закон Божий, в десятословии нам преподанный, научает нас седьмой день посвящать Ему; почему в день настоящий, торжеством веры христианской прославленный, и в который Мы удостоимся воспринять священное мира помазание и Царское на Прародительском Престоле Нашем венчание, почитаем долгом Нашим пред Творцом и всех благ Подателем подтвердить во всей Империи Нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских изделиев остающиеся шесть дней, по равному числу оных в общеразделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям». Указ этот получен в Иркутске 15 мая, с курьером.

30 сего апреля был первый гром.

3 мая дождь со снегом.

8 с. м. скончался Ирк. Вознесенского монастыря игумен Гавриил (Копырин).

22 ч. сего же мес. преосвященный Вениамин получил из Св. Синода Высочайший (вышеписанный) Манифест о священном короновании и миропомазании Императора Павла Петровича и Государыни Императрицы Марии Федоровны. 23, 24 и 25 церковное и всенародное торжество с колокольным звоном.

1 июня проливной дождь с громом. 15 тоже дождь и гром.

Июня 2 проливной дождь, 5 тоже, 25 тоже.

Июля, 2, 5, 25 и 31 дожди, последний с громом.

Августа 8, гроза с дождем. В 16 ч. губернатор Ил. Тим. Нагель сочетался вторым браком. Он взял за себя родную сестру умершей его супруги, Анну Егоровну.

21 ч. с. м. первый большой иней.

23 ч. крестный ход из собора с св. иконою Казанской Богоматери к месту колокольного завода (близ Крестовоздвиженской церкви), где приготовлено было к вылитию большого колокола для собора. Напред сего в прошлом декабре м. 1796 г. и нынешнего в апреле колокол этот был лит, но не выливался совершенно. Для чего и было усердное моление пред иконою Богоматери и дабы в присутствии Ее совершить третий отлив. Икона оставлена на месте завода до 24 числа, кото-

рого, в 2 часа пополудни, колокол вылит с желаемым успехом в 761 пуд. В 10 час. утра св. икона с подобающею честию с колокольным звоном возвращена в Богоявленский собор.

Сентября 23 пал первый снег, 24 повторился, а 28 числа поутру был снег, в ввечеру дождь.

Октября 8 Крестовоздвиженский колокол благовестом своим, начавшимся в 8 час. утра, возвестил народу, что вылитый для собора колокол должно доставить к месту назначения. Колокол был поставлен на особо сделанные сани из толстых брусьев с протянутыми веревками, за которые взялось не менее тысячи человек, и, по данному знаку, при колокольном звоне всех церквей, колокол тронулся, который и привезен к месту в 12 часу дня. Сего же дня начали его поднимать на приготовленные для него столбы, т. е. на временную колокольню, потому что для этого колокола готовилась особая каменная колокольня. Работа поднятия колокола продолжалась 9 и 10 числа, которого, в 12 часов утра, поднять и укрепить на железные серьги. 22 числа с. м., в день Казанской Богоматери, преосвященный, после литургии, совершал молебствие, благословил начало звона, и по случаю этому был у него обеденный стол для чинов и граждан города.

От 30 октября с. г. получено 17 декабря письмо князя Куракина, относящееся к составлению Р.-Американской К°, следующего содержания:

Милостливый Государь
Людвиг Тимофеевич!

Препровождая при сем копию со всеподданнейшего доклада, доносимого Коммерц-Коллегиею о установленной северо-восточной, северной и курильской Торговой Компании, долгом считаю присовокупить, что оный доклад, по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению, рассматриван был советом, который будучи с полагаемым Коллегиею о сей компании мнением согласен, рассуждал при том, чтобы для доставления и прочим промышленникам способа участвовать в выгодах той компании, Ваше превосходительство, созвав их всех без исключения, учинили им предложение о соединении в одну оную К° с подлежащим на акции разделением, по мере назначаемых для сего предмета их капиталов и чтобы вследствие такового соединения составлен был подробный акт и прислан сюда на высочайшее усмотрение и утверждение, дабы сия установляемая К° могла тщательнее и надежнее производить в действо предприятие свое в том отдаленном краю, требующее большого иждивения и сопряженное с немалою отвагою, то к вящему ее поощрению испросить Всемилостивейшего пожалования ей привилегии на двадцать лет, каковыми пользуются и другие подобные компании иностранные, и каковая привилегия в настоящем случае не может почтена быть правом монополии, поелику зависит от каждого промышленника вышеизъясненным образом быть участником той Компании.

Таковое мнение Совета Его Императорское Величество соизволил принять за благо, и Коммерц-Коллегия не преминет ко исполнению оного учинить своих распоряжений и необходимых к Вашему Превосходительству отношений, но между тем, дабы оные приведены были с вашей стороны в действие с лучшею поспешностью и деятельностью, то и в подкреплении требований Коммерц-Коллегии сим вам, Милостливый Государь мой, сообщая, уверен, что вы всемирно потщитесь дело сие привесть к концу, согласно Высокомонаршей воле и доставить Коммерц-Коллегии упоминаемый акт для дальнейших распоряжений, пребывая, впрочем, с истинным почтением.

Вашего Превосходительства, Милостливого
Государя моего— покорный слуга,
К. Алексей Куракин.

Октября 31 дня 1797 года.
Его превосходительству Нагелю.
№ 12982.

1798 г. Января 4-го пожар в Крестовском приходе в казенном доме, на берегу реки Ангары, истребил сарай и оранжереи.

9 чис. сего мес. река Ангара покрылась льдом, а 30 марта вскрылась, быв закрытою 80 дней.

Того же января, 16 ч., открыта в Иркутске врачебная управа.

29 числа скончалась в Иркутске старушка Евдокия Яковлевна Корюхова, мать известного в Иркутске бригадира Ив. Ник. Корюхова, на 78 году.

Февраля 7 сгорела до основания солодовня, принадлежавшая к пивоварне г. Ситникова.

11 ч. приехали в Иркутск китайские посланцы Мей-рен, Зан-шен, Дал-за-ров и Цебень с четырьмя служителями, с уведомлением, что китайское правительство разрешило Рос. дух. миссии в Пекине получать жалованье мягкой рухлядью.

На 23 чис. пожар во Владимирском приходе, в доме мещан. Порозова.

Марта 12-го числа получено в Иркутске два известия: первое, о благополучном разрешении от бремени Государыни императрицы Марии Федоровны Великим князем Михаилом Павловичем в 28 января с. г. По сему случаю в 13-е число отправляемо молебствие и торжество; 2-е, об определении в Иркутске нового военного гражданского губернатора, генерала-от-инфантерии Христофора Андреевича фон Трейдена.

20 ч. Прибыл в Иркутск председатель судной палаты Иван Яковлевич Ломачевский.

Мая 18-го выехал из Иркутска тайн. сов. Иларион (он же и Людвиг) Тимофеевич Нагель.

30 числа с. м.— первый гром.

Июля 25-го скончалась супруга Иркутского вице-губернатора Александра Ростиславовна Похвиснева.

28-го сильная гроза с проливным дождем; 31-го числа тоже.

Августа 10-го освящен в церкви Преображения придельный храм во имя св. пророка Илии. 22-го — дождь, а 27-го с запада ужасный вихорь (ураган).

Сентября 2-го пал первый снег, 3-го — первый мороз, 4-го — снег, 6-го — дождь, которые дожди продолжались почти до 23-го числа с. м.

Сего сентября, в 8-й день, скончался Иркутский купец Яков Яковлевич Протасов на 73-м году от рождения. Он есть строитель Владимирской церкви.

Октября 25-го установилась зимняя санная дорога. 27-го, в 7 час. по полудни, было землетрясение.

Ноября 11-го было в Иркутске два пожара: в 2 часа по полудни сгорела баня мещ. Алексея Ширяева, а в 7 час. изба грека Артенова, в которой была розливная откупных вин. 13-го сгорел сарай с жилой горенкой солдата Чеботнягина.

В 21-е число с. м. отправляемо в Иркутске церковное торжество по указу св. Синода о прославлении и открытии св. мощей преподобного Феодосия Тотемского, чудотворца. Празднование установлено 28 января.

Декабря 10-го приехал в Иркутск вновь определенный губернатором действ. ст. советн. Алексей Иванович Толстой. В некоторых записях наших сохранилось предание о губернаторе Толстом, что он был недеятельный, почему в простонародье прозвали его «пустая голова». Генерал Трейден получил чистую отставку, его заменил генерал Борис Борисович Леццано, генерал-от-инфантерии, переведенный из Архангельска. О Леццано мы находим в записях наших следующее сказание: он был человек гордый, надменный и сух в обращении, но был честен, добр и бескорыстен в полном значении слова. Он облегчил участь несчастных, которые толпами ссылались в Иркутск и впоследствии, при перемене правительства, был за них ходатаем не безуспешным, через него многие увидали свой край родной; и что служение свое в Иркутске Леццано дурно кончил: он выехал из Иркутска (1802 г., 21 июня), чтобы предстать перед суд сената. Для пояснения сей странности, необходимо знать обстоятельства того времени. В царствование императора Павла Петровича, в Иркутской губернии, как почти во всей России, происходило необыкновенное движение. По проекту князя Гагарина последовал Высочайший указ: собрать со всей России в зачет рекрутов, десять тысяч человек, и послать в Сибирь для поселения. Повеление исполнили прежде, нежели приведено было в известность, где, и как, и чем селить. Губерния наполнилась негодяями, нищими — начались воровства, убийства, разбои. По другому высочайшему повелению и

Иркутске сформирован Сомова (в честь коменданта Петропавловского порта в Камчатке генерал-майора Сомова) гарнизонный полк и отправлен в Камчатку для защиты этой страны от мнимого нападения испанцев. Это обстоятельство повлекло за собой усиленные действия по комиссариатской и провиантской частям, чрезвычайные доставки в подкреплении Охотского порта и раззорения якутов. В это же время в Иркутске положено основание суконной фабрики, зависящей от комиссариата, коего начальником был генерал-майор Новицкий, человек умный, грамотный и тонкий, чтоб не сказать пронырливый. В этом положении дел застала Леццано катастрофа, изумившая всю Сибирь. Он обратился к правительству с представлениями, во избежание затруднительного положения с продовольствием камчатского полка, он дал мысль сделать через него ланд-милицию; это запробовано, назначены суммы, начались доставки земледельческих орудий и скота, возились с этим лет шесть и бросили. Он потребовал особого чиновника для расселения присланных людей в зачет рекрутов, прислали тотчас генерал-майора Лабу, который только что высмотрел места и не поселил ни одного человека. Для устранения побегов и разбоев, Леццано представил, чтоб суконную Тельминскую фабрику перенесть на остров Ольхон (на Байкал). Новицкий протестовал против этого и дозволил себе неосторожные выходки на счет управления Леццано вообще. В то же время по проекту вице-адмирала Фомина замышляли перенести Охотский Порт на реку Алган и потому прокладывали туда из Якутска дорогу посредством каторжных, которые бегали и грабили купеческие караваны, идущие в Охотск. Один из них, по прозванию Баратаев, бывший некогда князем и офицером, с шайкою злоумышленников занял и разграбил город Жиганск и уже во льдах, на устье реки Лены, застигнутый воинскою командою, пал от осьми ран как герой. Донесение об этом не могло быть приятным правительству, и, как обыкновенно, все надобно к чему-нибудь приписывать, это приписали к слабости. К довершению, граждане иркутские жаловались на Леццано: им не понравилось, что он воспрещал сеять на огородах табак и велел перенести табачные плантации на городскую землю в окрестностях города, а внутри дозволил и даже поощрял разводить огороды с овощами и, сверх того, приказал лучшие улицы в Иркутске обсадить березками. Последнее обстоятельство был представлено в виде отяготительного налога для жителей. Результат всего этого был тот, что прислали сенатора Селифонтова обревизовать Иркутскую губернию и разобрать Леццано с Новицким. Летопись говорит, что Селифонтов не сошелся с Леццано и взял сторону Новицкого. В первое воскресенье, при собрании чиновников и лучших граждан Новицкого позвали в кабинет сенатора, и через десять минут Селифонтов вывел Новицкого в аннинской ленте и велел поздравить кавалером. Это обстоятельство понятно было всем, как объявление явной войны Леццано... и тогда ленивый только на него не жаловался. Селифонтов представил, что Иркутская губерния в таком бедственном положении, что без слез взирать на нее невозможно. Разумеется, что Леццано был удален от должности (1802 г.), и место его поручено временно генерал-лейтенанту Николаю Петровичу Лебедеву.

19-го сего декабря р. Ангара покрылась льдом.

25-го числа преосвященный Вениамин получил пожалованный ему 4 ноября орден св. Анны первой степени.

В этом же декабре месяце прибыл в Иркутск из Америки архимандрит Иоасаф (Болотов) для хиротонии во епископа Кадьякского, остановился на квартире к рыльскому купцу Василию Шелехову.

1799 год. Января 15-го сгорел дом купца Ситникова до основания.

28-го числа прибыл в Иркутск определенный генерал-губернатор, генерал-лейтенант, а потом генерал-от-инфантерии Борис Борисович Леццано. Жители города Иркутска вскоре прозвали его грозным, потому что увидали в нем необыкновенно строгого начальника и что он мало имел внимания к гражданам города: усилил частные управы частными приставами и квартальными надзира-

телями, которые делали разные притеснения жителям, и на них жалоб не принималось, и обиды не защищались.

С января месяца в третий раз вступил в службу градским головою Мих. Вас. Сибиряков, и в это трехлетие дослуживал головою купец Петр Авдеев.

Февраля 3-го уехал в Россию уволенный в отставку воен. и гражд. губернатор фон Трейден, а 9-го того же месяца выехал в Россию отставной Иркутский вице-губернатор Федор Иванович Похвиснев, в чине действ. ст. советника.

С 7-го по 18-е число с. м. все чины градской думы и магистрата были арестованы без выпуска якобы за незаплату картомных денег за занимаемый баноковою конторой дом асессора Сибирякова.

С 20-го числа с. м. открыто в доме купца Петра Артенова Благородное Собрание с платою по 20 руб. с члена, но после двух собраний закрыто, но вскоре возобновлено в доме против гимназии, где устроили и театр, в котором давались представления по 1803 год. В апреле генерал Леццано признал построенный для него дом неудобным к жительству, приказал архитектору Антону Лосеву составить смету поправкам, которую составил на 2900 руб. асс. Для этих поправок вытребовано до 60 человек разных мастеровых, которые начали работать, не получая никакой платы, — вознегодовали по причинам довольно ясным, что терпели разные нужды и голод, решились непременно требовать хотя небольшую плату на хлеб, им грозили розгами и называли грубиянами и наконец садили в смирительный дом. Он же приказал с шатающегося по городу скота брать пошлину: с рогатого по 1 руб., а со свиньи — полтину. Запретил в огородах садить табак, более разводить овощи и штрафовал домохозяев, у которых останавливались крестьяне с запасами, даже из ближних селений, за неимением паспортов. В это время увеличились разбои и грабежи по трактам и разные пакости шайками разбойников, которые бегали с Тельминской фабрики; так, в деревне Быковой 12 человек ворвались в дом крестьянина Емельяна Быкова, убили его и порезали все его семейство, сохранился один только мальчик, убежавший в подполье и там спрятавшийся под корыто. Однако же грабители эти были разысканы. Крестьяне боялись ездить по дорогам и содержали в деревнях очередной караул.

Апреля 3-го, пред литургиею в соборе, преосвященный Вениамин, по чиноположению, торжественно огласил новопоставляемого архимандрита Иосафа наречением во епископа Кадьякского, а 10-го числа сего же месяца, в неделю Ваий Иоасаф, тем же преосвященным хиротонисан во епископа, и в мае месяце он выехал из Иркутска в русскую Америку. В Охотске преосвященный Иоасаф сел на корабль «Феникс», и весь этот экипаж в Восточном Океане потонул, или, лучше сказать, погиб без вести. Здесь летописец передает любопытный рассказ г. Рогозникова, взятый из «Московских ведомостей». Он есть следующий: «К числу событий императрицы Екатерины II относится тоже и распространение христианства за пределами Сибири, на первооткрытых северо-американских островах и отчасти на самом континенте Северной Америки, где обитали многие дикие племена. Открытия эти принадлежали преимущественно предприимчивости Шелихова, поверенного Американской компании. Вскоре правительством приняты были меры для просвещения язычников христианскою верою, назначены туда миссионеры, между которыми первое место принадлежит преосвященному Иоасафу Болотову.

Прежде чем скажем об его деятельности на этом поприще, ознакомимся с предыдущею его жизнию и к известиям, находящимся в «Словаре писателей духовного чина», митроп. Евгения, присоединим то, что нам известно по личным отношениям, из семейных преданий о нем. Преосвященный Иоасаф родился в 1761 году, января 22-го, Тверской губернии Кашинского уезда, в селе Стражкове от священника Илии Болотова, и при крещении был наречен Иоанном. Рано в нем обнаружилась даровитость, энергия и любовь к учению. Начальное образование его совершилось в Кашинском уездном училище, находившемся тогда в Дмитровском монастыре, потом он обучался в Тверской семинарии, до богословского класса, затем перешел

в Ярославскую семинарию, где и кончил курс в числе отличнейших.

Имея призвание к жизни иноческой, он не желал по окончании курса поступить в приходские священники, хотя предлагали ему многие места. Но, чтобы дать себе время убедиться в твердости этого призвания, он по любви к просвещению, поступил в должность учителя Углицкого духовн. уезд. училища, где и преподавал около четырех лет. Потом на 26-м году от роду принял иночество, с именем Иоасафа, в Ярославском Толгском монастыре, откуда перешел в Югскую Дорофеевскую пустыню, а из нея — в Валаамский монастырь. Пустынное уединение этой обители на острове Ладожского озера гармонировало с его жаждой духовной деятельности; здесь он совершил приготовление свое к предстоящему подвигу.

С нравом светлым и приятным соединял он кротость и твердость духа, увлекательный по силе убеждения дар слова и строгую обдуманность в исполнении предприятий. Когда потребованы были миссионеры в Америку, то внимание духовного начальства преимущественно обращено было к Валаамскому монастырю, для приискания способнейших иноков. Иоасаф в радостью изъявил желание принять на себя этот трудный подвиг, в помощь ему назначены были еще три инока, также из Валаамской обители. Это было в исходе 1793 года. Для благолепия богослужения тогда же по именному указу пожалована была Иоасафу архимандричья митра и крест, и вообще вся миссия снабжена была всем потребным для священнослужения и проповедания. Но перед отъездом в страну, из которой уже не суждено было ему Провидением возвратиться, он счел за долг навестить престарелого отца своего и других близких родных, для чего и приезжал на несколько дней в село Стражково и в город Кашин. В последнем находилась бедная его сестра, скончавшаяся в 1831 году. От нея мы слышали рассказ об одном поступке Иоасафа, характеризующем неистощимую подвижность его к помощи ближнему и умение быть находчивым в крайних обстоятельствах. Проходя тогда к сестре мимо зыби, находившейся под горою, что близ Кашинской Введенской церкви, он увидел крестьянина, который в нетрезвом состоянии попавши в эту трясину, никак не мог из нея выбраться, хотя до твердой земли было не более двух аршин. За неимением при себе трости, Иоасаф тотчас снял с себя единственную шелковую рясу и бросил ее вместо веревки, сказав, чтобы утопающий ухватился за нее, и через это бедняк избавился от верной смерти.

В 1794 году миссионеры уже были в Охотске, тогда Иоасаф писал к родным о благополучном совершении путешествия. Далее путь их лежал к главному из новооткрытых островов, Кадьяку. Прибыв сюда, во втором письме к родным он описал опасность, которой подвергся с путниками во время бури в Охотском море, при переезде к островам. На Кадьяке миссионеры нашли русское поселение; по природной даровитости, скоро Иоасаф ознакомился с языком диких туземцев, построил с сотрудниками деревянную церковь и успел обратить в христианство несколько тысяч язычников. Для приготовления же на будущее время священно- и церковнослужителей из среды новообращенных, миссионеры открыли училище, и здесь труды их увенчались обильными плодами; в 1796 году последовал именной указ о рукоположении Иоасафа в Иркутске во епископа Кадьякского, викария Иркутского, дабы он мог в просвещенных им христианством местах рукополагать в священно- и церковнослужителей достойнейших из христиан туземцев. С этой целью он вызван был в Иркутск, где 10 апреля 1799 г. рукоположен был в сан епископский. Тогда же он написал последнее письмо свое к родным, в котором изъявил высокий восторг, что Господь благословил труд его, расположив сердца язычников к принятию истин святой веры, что нередко приходилось ему с сотрудниками в один день совершать крещения над сотнями.

Но, по неисповедимым судьбам Божиим, кратковременно было архиерейство Иоасафа; корабль, на котором он 10 мая того же года отправился в свою паству, пропал без вести со всеми пассажирами и грузом и по некоторым признакам считается, наверное, сокрушенным бурею.

В заключение заметим, что преосвященный Иоасаф среди многотрудной главной своей деятельности находил время и для ученых занятий, которые сосредоточивались у него на местной природе, быте и нравах жителей. Наблюдения свои по этим предметам он изложил в «Топографическом, климатическом, статистическом и нравственном описании острова Кадьяка», представленном в св. Синод по приезде автора в Иркутск и напечатанном в октябрьской книжке 1805 года журнала «Друг просвещения». Сочинение преосв. Иоасафа особенно замечательно тем, что до него не было ни одного на русском языке об этих странах».

Апреля 17-й день св. Пасхи.

Мая 1-го шел снег.

Мая 11-го — день преполовения.

Июня 1-го — первый гром, 2-го гром повторился с проливным дождем.

25. Получен Высочайший указ о новорожденной Вел. княжне Марии Александровне, внуке государя, в 18-й день мая. По этому случаю преосв. Вениамин отправлял торжество 26-го ч. в Тихвинской церкви.

26. Привезен людьми к Спасской церкви колокол от завода в 270 пуд, вылитый 13 мая и сего (26) дня поднят скоро и счастливо на колокольню. Сего же дня прибыл в Иркутск новый вице-губернатор Семен Кондратьевич Голощапов.

В 27, 28 и 29-го ч. дожди сделали наводнение очень большое в наших реках: на Ушаковке мельничный амбар своротило и поставило на бок.

Июля 8-го получен преосв. указ о выздоровлении от оспы Великого князя Николая и Великой княжны Анны Павловны.

31-го ч. Губернатор А. И. Толстой получил орден св. Анны 1-й степени.

С 4 августа шестидневный дождь сделал новый разлив воды в реках; мельницу Глазунова снова подмыло и все строение разнесло.

Сентября 4 отправляемо молебствие за победы, дарованные Российскому воинству вообще с Римско-императорскими над французами под предводительством графа А. В. Суворова.

15-го ч. Освящено для войска десять знамен. Сего же дня вылит колокол в 255 пуд. для Знаменского девичьего монастыря.

16-го. Ирк. купечество торжественно праздновало сей день о получении дарованной 20-летней привилегии Российско-Американской компании. Директорами вновь избраны были Дмитрий и Яков Мыльниковы, Михайло Булдаков и Семен Старцев. Они приведены к присяге. Вскоре между директорами и К° возникли несогласия и даже ссора; Булдаков в 5 ноября уехал в С.-Пт., а за ним туда же 9 ч. уехал и Дмитрий Мыльников на расправу.

26-го. Установилась санная дорога.

Декабря 3, 4 и 5-е — торжество о бракосочетании В. К. Елены Павловны (в 12-е октября) с наследным принцем Фридериком Мекленбургским.

Сего же декабря, в 6-е число, обновлено пожертвованное в Богоявленский собор, в приделе св. апостолов Петра и Павла, паникадило Тотемским купцом Холодиловым, деланное в Москве, стоящее 6000 р.

8-го числа получен преосв. из св. Синода указ о бракосочетании В. К. Александры Павловны с эрц-герцогом Иосифом, 9-го ч.— торжество и трехдневный звон.

18-го было землетрясение.

24-го получен указ о поселении от Байкала до Нерчинска 2000 свободных семейств, или 10 000 человек.

31. Река Ангара покрылась льдом.

В этом году состояли цены на хлеб настоящего урожая: мука ржаная, по началу, состояла в 20 и 30 к. за пуд, потом возвысилась до 1 р. В этом же году открыта в Иркутске казенная аптека под начальством аптекаря, которого фамилия была Кнут.

* * *

Г-ну компаниону
Прокопию Федоровичу Серебренникову.
№ 75
т. е. первый подробный отчет Р. А. К.
за 1798 г.

ИНВЕНТАРИУМ

или опись всему господ Иркутской коммерческой компании компанионов Мыльникова с товарищи, с их компанейской конторы,

именно: состоящему в отправленном судне валовых и суховых паях в равных с прикащиками отпусках, в разных местах на комиссиях состоящих, наличных деньгах, товарах, долгах, недвижимом имуществе, которым капиталом Американская Главная в Иркутске соединенной компании контора сего января 1-го дня 1798 года производство в торг с помощию Божиею начинает:

ДЕБЕТ

I

По компаниям

1-е. На остров Уналашку отправленное 1791 года, августа 27-го числа из Охотска новое судно, именуемое С-х Первоверховных Апостолов Петра и Павла и Святителя и Чудотворца Николая, с полным комплектом такелажей, последующими расходами и выданною правителю компании штурману платою кочтует компании	26 815 27
В компанейский магазейн разных вещей, материалов и путевой провизии	13 863 4
Для содержания островитян и американцев разных товаров	5 269 20
	45 947 41
Взамен сей суммы помянутое новое судно с такелажем полагается	20 000 —

Валовых паев

По числу отправлявшихся в морской вояж работных людей	55
Да по силе в Иркутске заключенных февраля в 1-й день 1797 года Правителем компании работными и прочими в компании служащими людьми кондиций представлено право иметь компании на своем счете треб против числа русских из самых способных островитян и американцев, почему оных в сходность учиненного в Охотске августа 23 ч. дня того же года со служащими в компании людьми постановления и долженствует иметь компании валовых паев . .	27
	Итого 82 пая.
Полагая каждый пай по 2000	164 000 —

Суховых паев

Принадлежащих к получению компании, за которые по условиям производится плата, а именно:

За г-на правителя Уналашкинской компании Ларионова паев	5
За штурмана Ивана Козлова паев	2
	7 паев
Которые полагаются по 1000	7 000 —
Долгов на отправившихся в морской вояж 56 чел. . .	19 484 23
Отпущенных с прикащиком для лавки разных товаров	16 687 81

II

Недвижимаго имущества

В Иркутске смоловаренной завод	209 49 3/4
В Охотске 2 лавки деревянныя	365
	579 49 3/4

III

В отпусках

В Охотске и на Ураке в ведении прикащика Хромцева о приеме прикащика Климова и Баландина	29 252 51
Там же долгов на неотправившихся в морской вояж работных	6 254 51
В Нижнекамчатске у Юдина	21 576 20

В Тигиле у Красавина	7263 76
В Гижиге у Воробьева	17 490 12
В Кяхте у компаньонов господ Мичурина и Сухова разных пышных товаров и денег	87 079 70
В Москве и Ирбитской ярмарке, у компаньона Николая Мичурина товаров и денег	23 504 27 1/2
В Москве же, у прикащика Кузнецова наличных денег	426 34
Там же, у прикащика Гулимова наличных денег 1000	
Итого в отпусках	193 847 42

IV

На комиссиях

В Курсе, у Ивана Полевого	3 000
В Екатеринбурге, у Алексея Семенова	600
В городе Архангельске, у господ Мурейных на наличные деньги и накредитно покупных товаров, следующих в Иркутск	11 658 99
В Енисейске, у Анисима Толкачева	2 292 95 1/2
	17 551 94 1/2

V

В Иркутске разных товаров

В магазине у господина компаньона Старцова . . .	83 799 60
В лавке у Петра Мыльникова	24 545 16 1/2
При конторе прикащика Чурина разных вещей и материалов	3 607 64
У него же разных иных товаров	4 554 6
	8 161 70 1/2
	116 506 47

Приобщить на имеющиеся у Чурина товары, выданные подрядчикам за шитье сапог и ичигов денег, всего . .	128 60
За господами компаньонами к 1-му числу января 1798 года состоит невнесенного в складство капитала	185 160 74 3/4
Да в сходность условия, поставленного компанией с госпожою Натальей Алексеевною Шелиховою, должна компания выполнить взносом в складство капитала в число четырехсот тысяч рублей, почему на рубль по согласию компаньонов, причитается . .	22 500
Сверх того, в сходность постановленного компаньонами с компаньоном же Ларионовым условия следуют от имени его записать вскладственный капитал, буде он, считая с 1797 года, пробудет на острове Уналашке правителем компании пять лет, пять тысяч рублей, до истечения сего срока оные деньги имеют состояние за Ларионовым .	5 000
В сходность таковового же условия с находящимся в Охотске прикащиком Хромцовым, если он, считая с мая месяца 1797 года, пробудет там шесть лет, записать в капитал же две тысячи рублей, а до окончания оного срока сии деньги имели состоять же за Хромцовым	2 500

VII

В долгах на различных людях

На г-не Иване Ларионовиче Голикове и сыне его Николае Ивановиче	419 30
Г-не Николае (Дмитриевиче Мичурине по счету . .	180 84
На г-не секретаре Иване Ивановиче Бандере	851 42
На г-не секретаре Иване Осиповиче Зеленском . .	571
На г-не прапорщ. Карле Шарте	200
На мещание Ларионове	10
На Охотском Сержанте	15
На работных, в вояж договорившихся, а не отправившихся	38 35
На купцах Солдатове и Шевелеве за пик и тир . .	120
На счет работных, отправившихся в Охотск, податей, и родственникам дано на пропитание	189 30
	2 595 81 1/2

В разные подряды

В деле медной посуды поставка фляг и прочее . . .	251 77 1/2
В деле кож, надублен и сыромятей	1 158 65
	1 410 42 1/2

VIII

Движимого разного имущества

При конторе по особой описи	436 5
Лошадь с упряжкою . .	114 20
	550 25

IX

В бывшую господ Шелихова и Голикова контору поступило капиталу, а именно:

Заплачено госпоже Наталье Алексеевне Шелиховой, состоящего на конторе оной долгу, по сочиненному инвентариуму, по 2 января значащему	68 045 82
Купцу Полевому . .	9 456 33
Да после сочинения инвентариума поступивших в ссуду же конторы	30 999 11
	108 501 26
В число сей суммы поступило по векселям Наталье Алексеевне	92 570 93
Купцу Полевому . .	3 806 38
	96 377 31
В Якутске по 1-е число ноября 1797 г. поступило помянутой конторы к прикащику Матвею Лопатину и под ведением его состоящему прикащику Мальцову разных товаров, вещей, материалов, денег, векселей, расписок, и заплачены по переводным от Лопатина векселям деньги, о чем подробно значится в ведомости за декабрь месяц .	55 854
На счет той же конторы заплачено в Иркутское Казначейство по переводному из Кяхты от прикащика Шарова векселю пошлин за вымененные товары	872 62
За находящихся в морском вояже работных и одного, живущего в Иркутске, заплачено податей и дано на пропитание родственникам . . .	73 88
	946 50
Итак в бывшую господ Шелихова и Голикова контору поступило	153 177 96

X

Наличных денег по кассе в Иркутске, у госп. Мыльникова	1 178 97

То же у прикащика Чурина 97 31

1 276 28

XI

Состоит за прикащиками незаслуженной по 1 января 1798 года платы, а именно:

За правителем Уналашкинской компании Ларионовым 2 550 92

За Дмитрием Храмцовым 527 64

За Михайлом Зубовым . 10 85

За Иваном Колгомогоровым 1 50

3 490 91

За прикащиком Никоновским, по даному счету, за неоказавшиеся вещи, состоит 54 9

За неоказавшиеся у прикащика Донского, при сдаче в Якутске товаров Мальцову, против отпускной книги, в которой он расписался, за тафту и голландское сукно . . 34 36

Сумма 9395 3184 34/

КРЕДИТ

Заемные долги

Компания состоит должною по векселям и счетам разным. Госпоже Наталье Алексеевне Шелиховой, по векселям . 96 377 31

Бывшей господ Шелихова и Голикова конторе за поступившие в производство, по соединении компании, разные пушные товары и деньги, для одного токмо расчету и поверки капитала, поставляется к платежу 123 259 91 1/2

Петру Солдатову, купцу иркутскому . . . . . 5 165 —

Василию Седельникову, купцу устюжскому . . . 1 111 66 1/2

Алексею Мясникову по 2-му векселю . . . . 6 325 —

Евстрату Дералову, купцу московскому 5 915 31 1/2

Якову Тропину, купцу тотемскому . . . . . . 645 —

Афанасию Олешову, мещанину иркутскому . . . 140 —

Николаю Прокопьевичу Мыльникову, купцу иркутскому 2 486 36 1/4

Петру и Николаю Дмитриевым Мичуриным, купцам иркутским 27 527 67

Василию Шелихову, купцу рыльскому 1 019 44

Стефану Дудоровскому, купцу иркутскому 722 92 1/2

За отправившихся в морской вояж и в Охотске находящихся, даны разным людям расписки в платеже за работных долгов, которые на счет их поставлены 2 305 54

В Якутске за работного Ляпинского . . . . 100 —

Григорию Корелину, купцу иркутскому . . . . 1 000—

Николаю Бородину, мещан. иркутскому . . . . . 29 —

В Ирбитской ярмарке сего года разным купцам . . . 9 651 17

В Макарьевской ярмарке тож разным 35 249 26

Уг. Архангельская тож разным 4 406 30

Прокопию Иванову Давыдову, купцу иркутскому . . 185 10

Осипу Катышевцеву, купцу иркутскому 1 302 85 1/2

Федору Залейщикову, купцу тотемскому 1 687 22 1/2

Андрею Пахолкову, купцу устюжскому	795 73 3/4
Степану Рохлецову, купцу тотемскому	6 620 26 1/4
Василию Никоновскому, мещ. тотемскому	104 48
Якутскому купцу Шилову	1 566 89
Петру Мясникову, купцу иркутскому	740 —
Алексею Захарову, купцу якутскому	94 25
Охотской комендантской канцелярии деньгами, разными вещами и припасами	2 623 75
Туда ж, в церковь, доставить образ св. апостолов Петра и Павла	10 —
Григорию Воробьеву, купцу сольвычегодскому	3 828 21
За г-на Деларева, в Охотске, крестьянину Сукневу	344 25
Петру Михайлову Сибирякову	68 75
По 1-е число января 1798 года следует выдать прикащикам и служителям платы, а именно:	
Господину Семену Алексеевичу Старцеву	266 66 1/4
Господ. Петру Прокопьевичу Мылньикову	199 99 1/2
Конторщику Брянцову	264 73
Служителю Василию Овсянкину	37 50
Прикащику Никоновскому	37 80
Николаю Баландину	7 50
Кондратью Скорнякову	10 89
Якову Чурину	175 —
Александру Кабакову	33 33 1/2
Петру Зуеву	45 82
Григорию Мальцеву	200 —
Якову Донскому	79 16
Ивану Большакову	113 58 3/4
Николаю Данилову	20 3
Ионе Баландину	110 50
Василию Церевитинову	87 38
Якову Красавину	113 96 1/2
Итак, за исключением платежей, капитал сей конторы состоит в отправленных для промысла зверей, судне, валовых паях, в разных с прикащиками отпусках, на комиссиях состоящих, наличных деньгах, товарах, долгах, недвижимом и движимом имуществе и прочем	594289 34 3/4
Сумма	939 531 84 3/4

БАЛАНС

Дебет

По вышеописанному инвентариуму, за исключением платежей, состоит чистого капиталу	594 289 34 3/4
С 1-го января 1797 г. по 1-е января 1798 г. последовало разных расходов, как то содержание конторы, служителей и прикащиков, производжение оным платы, содержание их, проезды, провоз из Иркутска до Охотска товаров и прочее	19 886 61
В Качужской пристани от случившегося пожару сгорело товару	260 30
Да в 797 году, при разбитии казенного транспортного судна, следующего в Большерецк из отправленных на оном с прикащиком Дружининым, товар безвозвратно потонул	1 908 18

Пропадшего на умершем работ. Каргополове долгу . .	196 59
Сумма	616 541 3 3/4

Кредит

С 1-го января 1797 года по 1-е января 1798 года складственного капиталу вступило в производство конторы, равномерно принадлежащего ко взносу, а всего четыреста тысяч рублей	400 000 —
Итак, от производства через годичное время оказуется прибыли	216541 3 3/4
Сумма	616541 3 3/4

КАПИТАЛ

Дебет

Складственного капиталу в производстве состояло, равно и состоящего ко взносу, за господами компаньонами рублей	400 000 —
Итак, за исключением расходов от производства через годичное время, оказуется чистаго барыша . . .	194289 34
Сумма	594 289 34 3/4

Кредит

Капитал новый счет . .	594 289 34 3/4
Сумма	594 289 34 3/4

Правители компании:

Иркутский первой гильдии купец

Дмитрий Николаевич Мыльников.

Иркутский второй гильдии купец

Семен Алексеевич Старцев.

Конторщик Андрей Брянцев.

(Продолжение следует).

Составитель В. В. Козлов
Технический редактор Л. А. Жернова
Художественный редактор А. Г. Маклыгин
Корректор В. М. Ермакова

Адреса редакции:
664000, Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Союз писателей, телефон 24-56-76.
672000, Чита, ул. Богомякова, 23. Союз писателей, телефон 3—45-78.

РУКОПИСИ НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ИБ № 1671
Сдано в набор 24.04.90
Подписано к печати 12.07.90
НЕ 01872. Формат $70\times90^{1}/_{16}$
Бум. тип. № 2.
Усл. печ. л. 10,53
Уч.-изд. л. 14,11
Усл. кр.-отт. 10,97. Тираж 12 000 экз.
Заказ 1655. Изд. № 6386. Цена 70 коп.

Индекс 73380.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

70 к.

Сиб… 4 '90

Читайте
в следующем номере:

А. Н. СОКОЛОВ
Убийство царской семьи

Фирс БОЛОНЕВ
Месяцеслов семейских Забайкалья

Иркутская летопись

Индекс 73380